

НА ВОЙНАХ ПОСЛЫ

ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

10'2000

20 октября —
День войск связи
Война окончена,
Не кончилась война
Бои войны не
милуют бандитов

В Кремле был торжественно отмечен День спецназа. Присутствовали представители ОМОНов, СОБРов, спецназа Минюста, десантники, спецназ ФПС и «краповые береты». Председатель Правительства Российской Федерации Михаил Касьянов вручил государственные награды наиболее отличившимся при защите интересов России.

День спецназа в Кремле

**Начальник артиллерии
внутренних войск
МВД России
генерал-майор
Михаил РОХЛЕНКО:**

БОГИ ВОЙНЫ НЕ МИЛУЮТ БАНДИТОВ

— С августа прошлого года внутренние войска воюют. За это время немало суровых испытаний выпало и на долю войсковых артиллеристов. Успешно выполнив задачи по уничтожению бандформирований, вторгшихся в Дагестан, не зачехляя орудий, они вступили в бой с противником на территории Чечни. Если сравнить первую и вторую чеченские кампании, как вы оцениваете эффективность применения артиллерийских подразделений в борьбе с вооруженными экстремистами?

— За время активного проведения контртеррористической операции артиллеристами внутренних войск было выполнено свыше 3000 огневых задач, уничтожено, по подтвержденным разведанным, более 50 единиц боевой техники и минометов, 6 зенитных

орудий ЗУ-23, 10 складов с боеприпасами и ГСМ, подавлены огневые средства на 450 боевых позициях врага. От наших снарядов и мин бандиты потеряли более 800 человек. Эти данные говорят сами за себя.

Эффективность применения артиллерии войск правопорядка значительно возросла благодаря качественному реформированию с учетом боевого опыта и новых задач, продиктованных обстановкой, которая сложилась в стреляющем регионе. Высокая оценка профессионализма артиллеристов основывается на том, что на их долю пришлось не менее 80 процентов огневого поражения противника. Наряду с армейской авиацией наши канониры и минометчики играли важную роль в уничтожении крупных банд в укрепрайонах, поддержке и прикрытии мотострелковых и других подразделений

при проведении спецопераций в населенных пунктах, прикрытии прозрачных участков административной границы, выполнении многих других боевых задач.

Сами пленные бандиты свидетельствуют: наибольшую опасность для них представляет российская артиллерия. Ведь от штурмовой авиации и вертолетов можно заранее укрыться или переменить позицию, услышав шум двигателей в воздухе, а время и место падения мины или снаряда предугадать невозможно. Такой эффект сильно подрывал морально-боевой дух экстремистов и играл на руку оперативным подразделениям, атакующим вражеские группы. Часто это являлось причиной отказа сепаратистов от намеченных вылазок против федеральных войск. На собственной шкуре усвоили головорезы: боги войны не милуют боевиков, жестко расправ-

ляются с возмутителями спокойствия.

— Товарищ генерал, какие изменения в ходе реформирования произошли в организации и вооружении артиллерийских подразделений внутренних войск в сравнении с «первой Чечней»?

— Безусловно, вторая кампания значительно отличается от первой в плане организации и технической оснащенности войсковой артиллерии. Скажем прямо, прошлую войну наши артиллеристы встретили, находясь на трудном этапе своего становления, поэтому многое пришлось создавать и совершенствовать уже в ходе операции по восстановлению конституционного порядка. Боевые возможности ограничивались тактико-техническими характеристиками вооружения, которое включало 82-мм минометы, малокалиберные орудия ЗУ-23 и противотанковые гранатометы СПГ-9. Все это объединялось в дивизионы, которые не могли решать огневые задачи в полном объеме и применялись в основном как средства огневой поддержки. А львиная доля нагрузки ложилась на приданную армейскую артиллерию.

Начиная с 96-го года провели серьезные реформы. Сформирована гаубичная и пушечная артиллерия, перевооружили минометные батареи на 120-мм калибр, теперь в каждом дивизионе из четырех батарей — две с таким калибром. Раньше в качестве корректировщиков артиллерийского огня использовали только офицеров-артиллеристов, отрывая их от исполнения обязанностей в составе подразделений. Позже этому стали учить военнослужащих частей оперативного назначения, спецназа и разведки, что имеет исключительно важное значение при взаимодействии. Добиваемся, чтобы любой общевойсковой командир, спецназовец и разведчик смог при необходимости самостоятельно вызвать и пра-

вильно скорректировать огонь артиллеристов.

Перед началом второй войны в Чечне в 33-й ОБрОН Северо-Западного округа был сформирован по новому штату АЗДН, который участвовал в показательных занятиях на сборах руководящего состава Ракетных войск и артиллерии Вооруженных сил. Его создание имело целью экспериментально доказать необходимость такого рода подразделений во внутренних войсках и продемонстрировать их эффективность. Дивизион с началом контртеррористической операции в 99-м году прямо с полигона был переброшен в Чечню, где неоднократно показывал высокое огневое мастерство.

Еще один важный шаг вперед. Для артиллерийской поддержки в состав полка «Витязь» введена артбатарея. Я считаю, что такие батареи должны быть в каждом отряде специального назначения.

Вместе с тем по-прежнему дает о себе знать недостаточное количество приданных и поддерживающих артподразделений войск. До сих пор некоторые полки получают всего лишь по одной минометной батарее. А 4-й отдельный гаубичный дивизион 100-й ДОН выполнял задачи побатарейно в полосах трех дивизий оперативного назначения. Этого явно недостаточно для решения главной задачи артиллерии, которая заключается в максимальном снижении потерь личного состава мотострелковых подразделений.

До сих пор отстаем по многим позициям и в технической оснащенности, особенно специальными приборами. Отечественные оборонные заводы, вопреки всем финансовым обвалам и экономическим кризисам, выпускают достаточно большой ассортимент технических устройств: новейшие закрытые средства связи, приборы круглосуточного наблюдения и прицеливания, специальную вычислительную технику. Недавно,

скажем, появился оптико-электронный комплекс, позволяющий корректировать огонь и обнаруживать цели с помощью вертолета вне зависимости от условий погоды и времени суток. Но по известным причинам мы пока не в состоянии полностью укомплектовать подразделения современными приборами. Такая же ситуация с огневыми средствами. У нас на вооружении до сих пор стоят минометы... 1939 — 1946 годов выпуска. Тем не менее «дедушки» благодаря мастерству батарейцев показывают неплохие результаты на учебных и боевых стрельбах. Словом, выручает человеческий фактор.

— В связи с этим актуальный вопрос, Михаил Семенович. Как отразились преобразования на подготовке кадров?

— С июля с помощью главкомандующего внутренними войсками организовали обучение прибывших к нам выпускников общевойсковых вузов Минобороны на факультете переподготовки и повышения квалификации при Военно-артиллерийском университете в Санкт-Петербурге. Первый набор выпускников этого года — 60 лейтенантов. По трехмесячной программе осуществляется подготовка командиров огневых взводов. Это частично решает проблему нехватки младших офицеров. Там же, в ВАУ, повышают квалификацию офицеры, назначаемые на должности начальников штабов, командиров дивизионов, начальников артиллерии полков и бригад.

— Боевой опыт, накопленный войсковыми артиллеристами в горячих точках, — как он используется? Не менее интересен для читателей и вопрос о совершенствовании тактических методов применения артиллерии внутренних войск на разных этапах контртеррористической операции в Чечне.

— В свое время армейские артиллеристы усиливали таджик-

ско-афганскую границу, оказывая помощь российским «зеленым фуражкам». Поэтому мы знаем, что полностью закрыть границу при условии ее большой протяженности и сильной пересеченности местности без артиллерии невозможно. Так, в перерыве между первой и второй чеченскими кампаниями, когда части и подразделения Вооруженных сил совершали перегруппировку, едва ли не единственным заслоном на пути бандформирований вдоль открытых участков дагестанско-чеченской границы оставалась артиллерия внутренних войск. При этом она наносила большой урон боевикам, пытавшимся пересечь кордон. Достаточно вспомнить оборону на участках аксайской, краснооктябрьской застав, копайского гидроузла, гребенского моста, где день и ночь продолжалось уничтожение вооруженных экстремистов.

По мере накопления боевого опыта артиллеристы все чаще стали использовать тактические приемы, исходя из специфики кавказской войны. Широко применялись внезапные огневые налеты. Как правило, после них бандиты меняли свои позиции. Поэтому осуществлялся быстрый перенос огня.

Большую роль в эффективности огневого поражения противника играет артиллерийская разведка и определение координат целей противника, точное определение установок для стрельбы, своевременность открытия огня и его корректирование. Например, после огневого налета на участки «зеленки» боевики уходили отсюда в кукурузные поля, но это тоже их не спасало от огня минометчиков. Для обмана противника эффективно используются ложные переносы огня, что позволяет дезориентировать врагов в отношении наших действий.

Одной из существенных трудностей в борьбе с бандами является их партизанская тактика: дейст-

вия небольшими рассредоточенными на местности группами. Вот почему с наступлением весны чаще применяется огневое прочесывание зеленой зоны, а также беспокоящий огонь. Умело работают артиллеристы и по заранее пристрелянным неподвижным целям — строениям, долговременным укрытиям. Нередко также применяется стрельба прямой наводкой по пещерам и щелям в горах. Где невозможно достать минами — поражаем бандитов снарядами и гранатами. Данные задачи выполняются в основном в интересах специальных и оперативных подразделений внутренних войск при проведении зачисток и других специфических для МВД операций. Но если дело касается уничтожения крупных бандитских формирований в сильно укрепленных районах, то без помощи армейских коллег и авиации здесь никак не обойтись.

Вы, конечно, понимаете, что в условиях постоянно меняющейся обстановки и возникновении сложных, нестандартных ситуаций результативность стрельбы орудий и минометов напрямую зависит от того, насколько наши офицеры искусно управляют огнем, проявляют военную хитрость и смекалку. И я с уверенностью могу сказать: эти профессиональные качества офицеров-артиллеристов сыграли решающую роль в успешном проведении масштабных боевых операций. Для примера достаточно вспомнить: штурм площади Минутка в Грозном войска провели успешно во многом благодаря грамотным и решительным действиям командира минометной батареи 33-й ОБрОН старшего лейтенанта Рустама А. Проводимая его подразделением огневая поддержка штурма фактически решила исход боя. За эту операцию старший лейтенант А. награжден орденом Мужества.

— **Ни для кого не секрет: в первой чеченской кампании серьезно беспокоила проблема**

взаимодействия с другими силовыми структурами. Удалось ли решить ее артиллеристам в нынешней войне?

— На начальном этапе операции в Дагестане возникли определенные трудности из-за несогласованности в верхах ряда вопросов организации совместных боевых действий частей армии, внутренних войск и правоохранительных органов. Но в последующем быстро скоординировали усилия, что позволило эффективно использовать потенциал войсковой артиллерии. Наблюдая за действиями наших батарей под Новолакским, командующий оперативной группировкой генерал-полковник Виктор Казанцев сказал мне: «У вас артиллеристы стреляют, как пулеметчики». Наряду с этим он отметил хорошо налаженное взаимодействие с подразделениями Министерства обороны, выполнявшими задачи в районе. Так же дружно работаем со «старшим братом» и на территории Чечни. Люди прекрасно понимают: они объединены общей целью — покончить с кровавым беспределом террористов, и достичь ее можно, лишь действуя плечом к плечу. Вот характерный факт. Начальник артиллерии 21-й ОБрОН майор Виктор С. умело руководил артиллерийской группой, состоящей из пяти батарей, в Старопромысловском районе, поддерживая тесный контакт с армейскими артиллеристами, в критические моменты вызывал и корректировал их огонь. Командование также отметило эту группу за блокирование и уничтожение прорвавшейся банды мятежников в Алхан-Кале. Все цели уничтожались практически с первого выстрела.

Говоря о взаимодействии, надо отдать должное работе разведчиков, которые добывают необходимые данные о противнике: точном расположении его боевых позиций, скоплении живой силы, чис-

(Окончание на с. 6)

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

**НА
БОЕВОМ ПОСТУ**

№ 10 ♦ 2000

Издается с 1958 года

УЧРЕДИТЕЛЬ – МВД России
ИЗДАТЕЛЬ – Главное командование
внутренних войск
111250, Москва, Е-250,
Красноказарменная улица, 9а

Редакция вправе сокращать и литературно
обрабатывать принятые к публикации
тексты.

Редакция может публиковать материалы,
не разделяя точку зрения авторов.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

За достоверность фактов, имен
собственных, неразглашение тайны
отвечают авторы публикаций, за
достоверность рекламных объявлений –
рекламодатели, за качество печати –
типография.

Переписка с читателями ведется только на
страницах журнала.

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятинский проезд, 8
Телефон для справок
361-81-71

Содержание

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

М. РОХЛЕНКО

Боги войны не милуют бандитов. 1

За время активного проведения контртеррористической операции артиллеристами внутренних войск было выполнено свыше 3000 огневых задач, уничтожено более 50 единиц боевой техники и минометов, 6 зенитных орудий ЗУ-23, 10 складов с боеприпасами и ГСМ, подавлены огневые средства на 450 боевых позициях врага. От наших снарядов и мин бандиты потеряли более 800 человек.

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

И. СОФРОНОВ

Что видел — о том пою 8

Три отряда спецназа внутренних войск в общей колонне с десантниками и соборовцами совершали марш в юго-восточную часть горной Чечни — туда, где предстояло провести несколько специальных операций, объединенных под общим грозным названием «Тайфун».

Ю. КИСЛЫЙ

Война окончена. Не кончилась война... 13

И. СОФРОНОВ

Осколки, ранившие душу 21

СЛУЖБА

А. БОГОДУХОВ

Один за всех и все за одного 30

В. ЖУРАВЕЛЬ, В. ПАНЧЕНКОВ

Четвертая власть или пятая колонна? 35

Офицеры ГКВВ МВД РФ полковники В. Журавель и В. Панченков занимаются информационным обеспечением служебно-боевой деятельности войск как в первую, так и во вторую чеченскую кампанию, неоднократно выступали в средствах массовой информации, комментируя действия войск в ходе контртеррористической операции.

Е. БУТОРИНА

Дороги, которые нас выбирают... 39

«Надо» в жизни Татьяны Гадалиной — ключевое понятие. И как ни напыщенно звучит сегодня понятие Долга, но, наверное, только оно заставляет начинать все заново, несмотря ни на что. Долг перед собой. Перед своими детьми. Перед своей страной, в конце концов, которая не раз забывала и предавала, но любовь — это когда прощаешь непрощаемое. И кто виноват, что выпало нам жить в эпоху перемен, которые все делят и делят...

Х. ИБРАГИМОВ Батюшка в камуфляже.	44
--	----

ТВОИ ГЕРОИ, РОССИЯ

В. РЕШЕТНЯК В боевом строю — навеки	32
---	----

А. БУТКЕВИЧ Все будет хорошо... ..	33
--	----

ВОЙСКА И ОБЩЕСТВО

Б. КАРПОВ Куда мы денемся с подводной лодки... ..	26
---	----

В. ЛЬВОВСКИЙ Гражданская жизнь сержанта Львовского	48
--	----

РЕТРОСПЕКТИВА

И. БЕЛИКОВ Исторической правды ради	50
---	----

С. АРУТЮНОВ Миних — в России, русские — в Крыму. . . .	52
--	----

Первые удачи русских в Крыму пришлось на 1736 год. В апреле Днепровская армия Б.Х. Миниха двинулась в Крым и в конце мая успешно штурмовала перекопские укрепления. Русские устремились в глубь полуострова. 16 июня был занят Гезлев (Евпатория), 28 июня — столица Крымского ханства Бахчисарай.

ЛИТЕРАТУРА

Н. БЕРЕЗОВСКИЙ Календарь знаменательных дат (стихи)	56
---	----

Н. КАЗАКОВ Запоздалое признание (окончание).	58
--	----

Врет же ведь, врет!.. Но смысл? Он чувствовал, что ее так и распирает от какой-то тайны, которую она не собиралась ему рассказывать. В этот момент она была похожа на маленькую девочку, случайно подсмотревшую, где мальчики делают тайнички, и не спешившую об этом рассказать своим подружкам, а обдумывающую, как бы посмотреть, что в них находится.

А. ВЫРВИЧ Предчувствие (рассказ).....	72
---	----

КАЛЕЙДОСКОП

Сапоги всмятку (сатира и юмор)	76
Кроссворд	78

Главный редактор
УЛЬЯНОВСКИЙ В.Н.

Редакционная коллегия:

АРТЮХОВ Е.А., АШУРКОВ И.А.,
БЕЛЬСКИЙ В.Ю., ГЕРАСИМОВ В.Н.,
ГЕРАЩЕНКО В.П.

(зам. главного редактора —
ответственный секретарь),
ДОМОЖИРОВ В.К. (зам. главного
редактора), ЕРМАКОВ П.И.,
ЖУРАВЕЛЬ В.П., КАМШЕКИН Н.В.,
КАРПОВ Б.В., КИСЛЫЙ Ю.П.,
КЛОЧКОВ В.И., КУДРЯШОВ В.И.,
ЛЕВКОВИЧ В.Г., ПАНЧЕНКОВ В.В.,
ПЕТРОВ А.А., СЫСОЕВ Н.Г.,
ТОНКОНОГОВ В.П., ФАТЕЕВ К.К.,
ШАРАПОВ Н.С., ЮРЧЕНКО С.П.

Художественное оформление
КОПЫЛОВА Э.П.

Оформление вклейки
НАСКАЛЬНОГО А.В.

Верстка
ПЕТРОВОЙ Л.А.

Корректоры
БОГДАНОВА Е.А.

БУКАТКО В.С.
ГАВРИЛОВА Е.Ю.

На 1-й странице обложки фото

А. БУТКЕВИЧА

Журнал зарегистрирован в
Министерстве печати и информации
Российской Федерации.
Регистр. № 01420.

Имеет приложения:
газету «Ситуация» и сборник учебно-
методических материалов
«Войсковой вестник»

При перепечатке
материалов ссылка на наш
журнал обязательна

© Журнал
«На боевом посту», 2000

Сдано в набор 17.08.2000 г.
Подписано к печати 26.09.2000 г.
Формат бумаги 84x108 1/16.

Тираж 2950

Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,8.
Уч.-изд. л. 14,2. Зак. № 2020

Индекс
для индивидуальных подписчиков —
70610
для предприятий и организаций —
73175

Ордена «Знак Почета» типография
«Красная звезда».
123826, ГСП, Москва, Д-317,
Хорошевское шоссе, 38

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

(Окончание. Начало на с. 3)

ленности бандгрупп, направлении их движения. Большую помощь, в частности, оказывала и оказывает нам разведка спецназа ГРУ. Используя ее информацию, гаубичные дивизионы внутренних войск успешно разделялись с транспортными колоннами ваххабитов.

— **Товарищ генерал-майор, хотелось бы записать побольше примеров из боевой практики, наиболее ярко характеризующих профессиональное мастерство войсковых артиллеристов.**

— Кроме уже упомянутых офицеров, проявивших в боевой обстановке лучшие профессиональные и моральные качества, стоит рассказать о действиях командира противотанкового взвода 99-й ДОН старшего лейтенанта Вадима Вагнера. Работая совместно с передовыми подразделениями, его гранатометчики встретили отчаянное со-

снейперов, не помешали им добить врага до конца.

Надо отметить: самоотверженность, храбрость, взаимовыручка стали нормой поведения офицеров, солдат, прапорщиков в боевой обстановке. Тот же старший лейтенант Руслан А., находясь на передовом наблюдательном пункте на крыше здания, в течение семи суток руководил двумя минометными батареями. Под снайперским и гранатометным обстрелом он вызывал и грамотно корректировал огонь своих минометов.

При управлении орудийным огнем особо отличились исполнявший обязанности начальника артиллерии 2-й ДОН майор Александр Ж. и начальник артиллерии 22-й ОБРОН подполковник Георгий К. Их батареи били так, что врагу мало не казалось.

та были вынуждены отступить. И тут оказалось, что с ними нет водителя машины. Сержант вместе с двумя добровольцами Виктором Исмаиловым и Александром Катаевым вернулись и, отстреливаясь, вытащили раненого товарища из-под носа у бандитов. А перед этим Скачков вынес с поля боя раненого офицера.

Война есть война. И нам не удалось избежать безвозвратных потерь. С болью говорю: смертью храбрых пали лучшие из лучших. В их числе капитан Сергей Бавыкин, который командовал артдивизионом 33-й бригады. Офицер исключительной храбрости, он в первых рядах атакующих под шквальным огнем «духов» лично корректировал огонь своих орудий. В бою за село Комсомольское погиб от гранаты РПГ, попавшей ему в грудь.

Сергею Петровичу Бавыкину посмертно присвоено звание Героя России.

Наши армейские коллеги с восхищением отзывались о командире гаубичного дивизиона 47-го оперативного полка майоре Важе Кабисове. Управляя огнем штатных подразделений, он обеспечил при минимальном расходе снарядов на пристрелку уничтожение 15 огневых точек противника. Погиб от взрыва фугаса в районе Комсомольского. А совсем недавно, в августе, погиб Вадим Вагнер...

К сожалению, объем интервью на страницах журнала не дает возможности назвать всех артиллеристов, проявивших мужество, храбрость, высочайший профессионализм. Таких примеров множество.

— **На заседаниях военного совета по подведению итогов служебно-боевой деятельности**

противление банды «непримиримых», засевших в здании школы. Под прицельным снайперским и гранатометным огнем офицер вместе с одним расчетом СПГ-9 занял позицию на крыше дома и одного за другим уничтожил всех огрызавшихся огнем боевиков. Ранения, полученные солдатами расчета от

Достоинство вели себя в боях и наши солдаты. Расскажу об одном ярком боевом эпизоде. В районе Новолакского под обстрел на марше попала батарея нефтекумцев. Сержант Виталий Скачков с расчетом развернул СПГ-9, и гранатометчики успели сделать более десяти выстрелов. Из-за плотного огня ребя-

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

войск неоднократно отмечался высокий уровень подготовки артиллеристов. Скажите, что помогает в нынешнее трудное время добиваться таких результатов?

— Постоянная забота о четкой организации боевой учебы, совершенствовании методики проведения занятий. Внедрение в практику подготовки артиллеристов опыта, накопленного в Чечне и других горячих точках. Важным слагаемым успеха является и то, что тактические учения наших подразделений в обязательном порядке проводятся совместно с другими родами

А главное — отношение людей к своему делу: с большой ответственностью, любовью к профессии, творческим подходом к процессу обучения. И результаты налицо.

тие во всеармейских состязаниях командиров батарей и занял там восьмое место. Достижение впечатляющее. Ведь наши офицеры, в отличие от армейских мастеров,

войск. В полной мере отрабатываются вопросы взаимодействия с подразделениями Вооруженных сил. Несмотря на ограниченный арсенал боеприпасов, стремимся, чтобы каждый солдат и офицер получил все необходимые для классного специалиста навыки и умения.

Не так давно мы проводили состязание по полевой выучке командиров батарей и дивизионов. И хотя многие военнослужащие выполняли боевые задачи на Северном Кавказе, удалось провести финальный этап на базе ОДОНа. Победителем стал капитан Алексей Маринко. Позже он принял учас-

которые к подобным мероприятиям готовятся заранее, в течение нескольких месяцев, возможностей для такой подготовки не имели. Этот и другие примеры из учебной и боевой практики убеждают в том, что вопреки всем трудностям артиллеристы внутренних войск готовы выполнить любые задачи.

Беседу вел Евгений ГАЙДАМАКОВ, курсант факультета культуры и журналистики Военного университета, стажер редакции журнала «На боевом посту»

Фото Василия ПАНЧЕНКОВА, Юрия ТУОВА

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

Из фронтового блокнота

Они живут в своих шатрах
Вдали от слов, и нег, и граций.
Как жил бессмертный плут Гораций
В тибурских сумрачных лесах.

Не знают света принужденья,
Не ведают, что скука, страх.
Дают обеты и сраженья.
Поют и рубятся в боях...

— А я все равно не возьму! — подполковник Виктор Морозов (здесь и далее фамилии действующих лиц по понятным причинам изменены), возглавлявший на период проведения операции 21-й отряд специального назначения, с неприязнью смотрел на меня с высоты своего роста. — Примета плохая, когда чужой с отрядом идет.

Минуту назад я представился ему и доложил, что имею распоряжение командующего группировкой выйти вместе с отрядом в качестве офицера управления (для оказания помощи, как принято формулировать в подобных случаях) ну и для выполнения своих журналистских обязанностей. Ни то ни другое командиру явно не нравилось. И лишь узнав, что это не первый мой выход со спецназом и до-

бившись клятвенного заверения «не соваться, куда не следует», он махнул рукой в сторону КШМки: залезай, мол, что ж с тобой поделаешь.

Большая дружба начинается с хорошей ссоры. За две кавказские войны не раз убеждался в справедливости этой истины. Забегая вперед, скажу, что она подтвердилась и на этот раз: через неделю с Виктором Викторовичем мы расставались добрыми друзьями, крепко пожав друг другу руки.

Но до этого момента надо было еще дожить. А пока три отряда спецназа внутренних войск в общей колонне с десанниками и собровцами совершали марш в юго-восточную часть горной Чечни — туда, где предстояло провести несколько специальных операций, объединенных под общим грозным

названием «Тайфун». Насколько он будет эффективен для федеральных сил и разрушительным для боевиков, зависело от каждого, кто несколько часов глотал пыль и жарился под палящим солнцем в кузовах «Уралов» и на броне боевой техники.

ВЕРХНИЙ ЦЕНТОРОЙ

Пока топали от лагеря до окраины горного села, растянувшись цепочкой по обочинам пыльной дороги, Серега по прозвищу Старый, возглавлявший группу собровцев, которую мы должны были прикрывать, знакомил с обстановкой: пару месяцев назад здесь заплутала армейская машина, отправившаяся за водой. После короткого боя офицер и двое солдат были взяты в плен, а затем боевики устроили

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

публичную казнь военнослужащих. То есть надеяться на радушный прием в этих местах, мягко говоря, не приходится.

Уяснили. При входе в село — патрон в патронник, автомат на предохранитель, между бойцами группы — боевое расстояние в 6—8 шагов. Работаем.

Первый дом. Хозяин на месте. Старший группы собирает документы на всех членов семьи и после дежурных вопросов: «Посторонние в доме есть? Вещи, запрещенные для гражданского употребления, имеете?» и таких же дежурных ответов-заверений: «Нет, нет, у нас все нормально!» — группы приступают к досмотру. Спецназ рассыпается по двору, замирает за углами зданий и другими возможными укрытиями, перекрывает все видимое пространство возможными секторами обстрела. Собровцы осматривают жилые помещения, хозяйственные постройки и огромный огород. Через несколько минут один из них выносит из дома пустую обойму от ПМ, молча протягивает старшему и так же молча уходит продолжать поиск.

— Чья? Откуда?

Хозяин дома — молодой мужчина лет тридцати пяти стоит перед Сергеем, опустив глаза. Потом признается: младший брат подался в банду, несколько дней назад приходил за продуктами. Видно, обронил впопыхах. По радиации вызываем опергруппу сотрудников ОВД для снятия показаний и всего, что положено в таких случаях. Это их работа.

Второй дом пустой, третий — тоже. Их досматривали с особой тщательностью, вплоть до вскрытия полов. Но — пусто. В четвертом группу встречает глава семейства — убитый сединами старик в окружении почти десятка ребятишек (от года до шести лет) и трех молодых женщин.

— Отец, чьи дети?

— Наши дети.

— А женщины — жены твои?

— Дочь и невестки.

— А сыновья где? (В паспорте значатся трое сыновей, все старше призывного возраста).

— На базар уехали.

— Давно? Когда вернуться?

В ответ — молчание. За домом стоит перекладина, самодельная штанга и пара гири. Спортивные детки у бабушки! Но ничего проти-

никами. А докторов в селе уже года четыре нет. Надо везти в райцентр. А на чем? Бензина нет, да и сложно проехать по дороге, которую постоянно минируют боевики.

Пока взрослые дяди обсуждали «мировые проблемы», санинструктор сержант Витя Тимичев распаковал свою сумку, вскрыл один ИПП, переложил мальчонке пины на руке, уложенные местным вете-

возаконного в доме нет. Уходим, направляясь к следующему хозяйству. И так — от двора к двору, слушая доклады других групп.

Команда «Стоять! Дождаться остальных, выровняться!» застаёт как раз около колодца. Останавливаемся. Снайперы из СОБРа имеют обыкновение просматривать «зеленку» впереди себя через оптику прицелов. Поэтому мелькать среди деревьев в ожидании пули в затылок от своих никому не хочется.

У колодца начинают собираться люди. Жизнь не остановишь — вода в доме всегда нужна. Вместе с матерью, цепляясь одной ручонкой за подол длинного платья (выше щиколоток нельзя по шариату), семенит малыш. Вторая — на перевязи. Выясняем, в чем дело и почему он такой грязный. Сломал малец руку, когда играл со сверст-

ринаром, и перемотал чистыми бинтами. Все это произошло настолько быстро и естественно, что никто не успел даже сообразить, насколько важную «дипломатическую миссию» по собственной инициативе и движению души провел солдат.

Сигнал «Вперед!». Идем дальше. Снова дома — жилые и заброшенные. В одном из них находим целый шкаф запыленных учебников: русский язык, литература, история, география... Издания 1982 года. Когда-то здесь жил учитель. Были времена...

Через несколько домов — еще один склад литературы. Но уже более свежей, все больше воспевающей прелести ваххабизма. С владельцем — «просветителем» разговор особый. Но ведут его уже вызванные сотрудники ФСБ и опергруппа райотдела внутренних дел.

Все. Проверив нарезанный нам

сектор, группа получает приказ на возвращение. Топаем обратно. Автоматы и разгрузки с боеприпасами, кажется, стали раза в три тяжелее. По спицам бежит пот ручьями, а ноги горят в покрытых пылью армейских ботинках. Не доходя метров сто до лагеря, слышим хлопок выстрела. Наблюдатель рядовой Руслан Элисханов на наших глазах скатывается с брони БТРа. Все встрепенулись. Подбегаем к машине: левое запястье у парня в крови, из раны торчит осколок перебитой кости. Пока снайперы и пулеметчики обрабатывают «зеленку» чуть ниже по склону, откуда прозвучал выстрел, помогаю отрядному доку перевязывать Русика.

Через полчаса прилетает вызванная «вертушка». Перед загрузкой в нее Руслан слезно просит Виктора Викторовича: «Товарищ подполковник, только мамке ничего не говорите». И успокаивается лишь после командирского приказа: «Поправишься — сам матери напишешь».

ВЕРХНИЙ ЦЕНТОРОЙ. ДЕНЬ ВТОРОЙ

Ночью проснулись от стрельбы на северной окраине села. Потом по лесу начали бить минометы десантников. Через час выяснили: в село из леса пытались зайти боевики, вышли на один из десантных постов. Часовой (то ли от большой хитрости, то ли ради прикола) приветствовал их в темноте не уставным «Стой, кто идет?», а более приятным в этих краях «Аллах акбар!». И услышал в ответ то же самое. Тут же «аллахнули» «калаши» десантников, началась перестрелка, в которой был ранен ротный командир. «Духи», бросив два автомата и две камуфлированные куртки, унося трех раненых, скрылись в лесу. Сколько их было? Часовой говорит, что видел восьмерых.

В куртках нашли паспорта:

один принадлежал гражданину Узбекистана, другой — арабский. С рассветом несколько групп десантников ушли в поиск по следам бандитов. Те с ранеными (если не добьют) далеко не должны уйти.

А мы (спецназ ВВ и СОБР) продолжаем чистить блокированное село, на этот раз — его верхнюю, северную часть, где почти нет жилых домов, которую, как теперь понятно, облюбовали для себя боевики...

На карте, которую в штабе группировки разглядывали до ряби в глазах, все казалось просто и понятно: отсюда заходим, здесь чистим, в этом районе группы собираются. Но карта — она ведь ровная. А как на деле прошерстить несколькими группами горный склон, покрытый разбросанными домами, изрезанный глубокими оврагами и заросший травой, подчас с головой скрывающей далеко не низкорослых бойцов спецназа и СОБРа? Вот задачка!

Сначала группа ползет по склону вверх, сбивая о камни колени и раздирая в кровь локти о колючки, беря в полукольцо заброшенный одноэтажный домишко. Доползаем. Залегли. Два сапера, набросив кошку на ручку двери и отмотав метров пятнадцать фала, рывком распахивают ее. Тихо, взрыва нет. Четверо — на прикрытые, остальные — на досмотр. Чисто.

Вновь рассыпаемся в цепь. И тем же порядком — вниз. По дороге находим лежку снайпера или наблюдателя: спальный мешок армейского образца, камуфляж, фляжка. Значит, переодевшись в гражданку, эта сволочь где-то в селе (остался бы в форме — ушел бы в лес). Сообщаем по радию о находке, ориентируя своих.

Через несколько минут принимаем предупреждение от соседей: в пустующем доме нашли что-то вроде временной базы: кровати, спальные сумки со спортивной обувью и костюмами, запасы пищи

(лаваш еще не успел зачерстветь). Не сюда ли торопилась банда, которую ночью шугнули десантники? Как бы там ни было, а дом сейчас будут взрывать.

Осела пыль от взрыва — двинулись дальше. Проверили два дома — чисто. В третьем кроме хозяина находим парня. По паспорту — семнадцать лет. Паспорт новый, российский. А вот печати в паспорте — еще советских времен. Нестыковочка. Сними рубашку, уважаемый. Что за краснота на правом плече? А розовый круг вокруг глаза? Не от резинки снайперского прицела? Ну это ты вон тем ребятам расскажешь, что уже за тобой на БТРе спешат, а нам пока дальше топать.

Вверх — вниз. Снова вверх. Снова вниз... Если вчера на базу мы возвращались уставшими, то сегодня вообще никакими. Одна отрада: день не зря прошел.

ГОРДАЛИ-ЮРТ

Другое село. Другой тейп. Отношения те же. Ладно, нам не привыкать. Не в гости приехали. Действуем по уже отработанной схеме: заходим, прикрываем, досматриваем, уходим. Меня уже признали в отряде за своего, и бойцы группы спокойно объясняют любопытствующим соборцам, что это за человек, вместе с автоматом таскающий еще и видеокамеру и время от времени снимающий все, что здесь происходит.

Заходим в очередной дом. Все как обычно. Разве что кошек по двору бегает десятка полтора. И постоянно ластятся к солдатским ногам.

— Хозяин, чего твоя животина так военных любит?

— Да заходят иногда. За водой, за хлебом. Вот и привыкли...

Ага, заходят. Это при том, что до ближайшего блокпоста километров восемь! Через несколько ми-

нут в зарослях крапивы в дальнем углу сада находят камуфлированную куртку и штаны с бурыми пятнами застиранной крови.

Ильшат, командир собровцев (а в этот день мы прикрывали уральцев), преображается на глазах:

— Привыкнуть, говоришь, к солдату успели?

Еле успеваем оттащить парня от греха подальше. Ну его, пусть разбираются те, кому положено. Вызываем БТР с опергруппой и, оставив троих бойцов стеречь «рабовладельца», выданного собственными кошками, идем к следующему дому. Но дойти не успеваем. На соседней улице раздаются крики, шум, гвалт.

Разворачиваемся, бежим на эти тревожные звуки, на ходу передергивая затворы. Сцена еще та: работающая рядом группа задержала шестерых мужчин (видать, было за что) и пытается посадить их на БТР. Но и броню, и задержанных, и самих бойцов окружила толпа женщин — человек сорок — и уже пытаются от слов перейти к делу. Солдат хватают за одежду, толкают, пытаются отжать от БТРа.

Заведенных собственными криками чеченок в два-три раза больше, чем нас, но стоять некогда. Автомат перед собой (Игорь Запорожный, командир нашей семерки, еще успеваешь крикнуть: «Предохранители! Не стрелять!»), плечом к плечу начинаем теснить толпу в сторону машины. С соседней улицы вылетает еще одна группа спецназа. Теперь сила за нами. Собровцы быстро усаживают на броню задержанных, и БТР уносится в лагерь. Стоим еще пару минут, пока толпа сама собой не начинает рассасываться. Уф, проскочили!

Игорь с Ильшатов совещаются, докладывать ли наверх об имевшем место «массовом сопротивлении представителям власти», но в конце концов решают махнуть на все рукой. Ну было и было. Прошло

же. В моей голове мелькает запоздалая мысль-сожаление: «Вот бы заснять все это на камеру», хотя тут же осознаю все ее абсурдность. Тут за автомат-то успевай держаться!

Вечером сломался один из БТРов отряда. Причем полетел капитально, так что разбитый двигатель остался без масла, а машина — без тормозов и гидравлики. Весь вечер с офицерами судили-рядили, как его вытаскивать с гор на равнину через три перевала. От крамольной мысли — взорвать неподвижную машину — отказались сразу. Пойдем, сколько надо — сутки, двое, трое — но технику не бросим.

Этот марш по горам — отдельная песня. Самое страшное было — нарваться на засаду и принять бой на узкой дороге, когда вся броня не то что колонну, а и себя защитить не может. Но Бог миловал. А чего стоила та дорога, лучше всех знает старлей Саша Гомаюнов, никогда не унывающий балагур и зубоскал, все сорок километров крутящий баранку четырнадцатитонной машины без помощи гидроусилителя, одному ему понятным способом вписывающийся в крутые повороты серпантина на подъемах и спусках. Вот уж действительно, мать-природа не обидела мужика силушкой!

ЛЕС

СОБР ушел, честно отработав свою часть операции. Остался последний аккорд: трое суток провести в лесном массиве, который к этому времени уже блокировали десантники и морские пехотинцы, усилив имеющиеся в этом районе взводные и ротные опорные пункты и оборудовав дополнительные. В лес же предстояло идти спецназу внутренних войск. Одному.

Плядя, как ребята деловито пакуют свои ранцы, заполняя все свободные места боеприпасами и гранатами, рискнул еще раз подойти к Виктору Викторовичу со своей

навязчивой просьбой взять и меня на «серьезное дело». В ответ командир, занятый тем же, чем и его бойцы, лишь молча покачал головой. А заметив в моих руках видеокамеру, к которой уже начал привыкать за последние дни, добавил: «Сегодня не надо. Примета плохая. Вот вернемся, тогда...»

С рассветом два отряда, забазированные на одной высоте, начали втягиваться в лес, на ходу выстраиваясь в боевой порядок. Имел бы полномочия свыше, перекрестил бы каждого, кто, делая очередной шаг, растворялся среди зелени трав, кустарников и деревьев...

На хозяйстве нас осталось чуть больше трех десятков — тех, кому предстояло все последующие дни и ночи охранять технику двух отрядов — 5 БТРов, 6 «Уралов» и 2 КПМки, — а затем, следуя замыслу операции, подобрать выпешдшие из леса группы. Потянулись часы томительного и тревожного ожидания. Ночами выставляли парные посты и секреты вокруг лагеря, до глюков пляясь в непроглядную лесную темень, настораживаясь при каждом шорохе. Днями отсыпались посменно.

День, ночь и еще день прошли более-менее тихо. Отряды вели поиск. Мы по имеющейся радиосвязи слушали их отрывистые конкретные доклады, пытались силой воображения пробить глухую зеленую стену неприветливо молчавшего леса и представить, что же там происходит.

Обстановка начала накаляться на вторые сутки ближе к вечеру. «Пятнашка», 15-й отряд спецназа, работающий по соседству с нашим (а я уже считал 21-й отряд своим), нашел-таки базу боевиков. Причем не пустую, а заполненную ничего не подозревавшими хозяевами. Тихо отошел, определился с координатами. И вызвал огонь артиллерии.

Два залпа дальнобойных гаубиц легли точно. Спецназ добавил из автоматов и подствольников.

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

Бандиты, бросив убитых (редкий случай!), начали отходить, огрызаясь из-за деревьев беспорядочной, но интенсивной стрельбой из всего, что могло у них стрелять. Когда командиры, немного разобравшись после горячки первых минут,

то, что было недоступно нашим глазам.

Бой, то затихая, то разгораясь, продолжался до половины четвертого утра. Все это время пролежали с бой-

цами в окопах, периодически простреливая «зеленку» одиночными выстрелами (стрельба очередями — начало боя, так условились). Банда, наткнувшись на взводный опорный пункт морских пехотинцев, не смогла взять его, орешек оказался бородачам не по зубам. К тому же на пятки «духам» постоянно наступал преследовавший спецназ. Разметанная на мелкие группы банда вынуждена была раствориться в лесу, уйдя на злызывание ран. Сколько их полегло под пулями? Достоверно можно говорить о шести погибших, чьи тела остались на разгромленной базе, и еще как минимум восьми раненых, чью кровь удалось обнаружить на пути отхода боевиков. Среди спецназа (тоже редкая удача!) в том ночном бою пострадавших не было.

В общем, впечатлений от последнего дня операции хватило всем и надолго. Ими обменивались на протяжении всего пути назад, к штабу группировки. Спрыгнув с раскаленной брони, подошел к

Виктору Викторовичу. Протянули друг другу руки.

— До встречи, командир. Еще увидимся.

— Приезжай, поработаем.

Садясь за этот материал, я еще не полностью отошел от бьющих через край эмоций. Хотелось рассказать обо всем увиденном и обо всех встреченных за ту неделю в горах, проанализировать, сделать выводы... А потом дошло: не получится. Время анализа и выводов наступит позже. А пока просто следует рассказать о том, что промелькнуло перед глазами, действовать по принципу героя северных анекдотов: «Что вижу — о том пою».

**Подполковник
Игорь СОФРОНОВ**

Фото Юрия ТУОВА,
Олега СМЕРНОВА

*Восточная группировка
внутренних войск*

определились с направлением отхода «духов», выяснилось, что они гонят их прямо на наш лагерь. О чем мы и получили вскорости уведомление.

Прикинули по времени: до прихода «гостей» у нас оставалось не больше часа. Начальник связи отряда майор Павел Грач, оставшийся старшим на хозяйстве, тут же метнулся к стоящим в трехстах метрах морпехам. За оставшееся время успели распределить солдат по окопам, перенацелить АГС морских пехотинцев на лежавшую впереди лошадку, договориться о сигналах взаимодействия и обсудить, чем еще можем помочь друг другу. Последние приготовления заканчивали уже при звуках идущего километрах в полтора впереди нас боя.

— Наши на пятом ВОПе рубятся, — прислушиваясь к грохочущим раскатам взрывов и переключке автоматных и пулеметных очередей, Саша с Костей, офицеры морской пехоты, комментировали

Кавказский дневник

*И золотой не знать нам середины
Ни в радости, ни в горечи утрат:
Еще не все покорены вершины, -
Не опускай, братишка, автомат!*

Игорь МОРОЗОВ

ВОЙНА ОКОНЧЕНА.

НЕ КОНЧИЛАСЬ

ВОЙНА...

-4

АСТО пытаюсь представить образ врага — виновника всех наших бед, — говорит Зулай Висингириева, когда мы, пройдя по улочкам Улус-Керта в сопровождении убитых горем людей, остановились у разрушенной школы. — Целый месяц федералы бомбили и обстреливали село из пушек. Разбит каждый второй дом. Сгорела школа, где я работала учителем и директором тридцать лет. Погибло много сельчан. Не миновала беда и мою семью. В один день похоронила отца, ветерана Великой Отечественной войны, и брата. А ведь наше маленькое мирное село ни в чем не провинилось перед российской армией. Ни один из жителей не стал сотрудничать с ботвиками. Мы не пустили к себе ваххабитов. И надеялись, что военные пощадят наши дома. Однако, к несчастью, командова-

ние ошибочно посчитало: здесь закрепился отряд Хаттаба и... случилось то, что случилось. Теперь больно смотреть людям в глаза. Они мне доверили свою судьбу, избрали председателем отдела местного самоуправления, а я не смогла уберечь родное село. Вы, журналисты, свидетели, во что превращен наш живописный уголок...

• *Лес рубят — щепки летят* • *«Я не испытываю ненависти к русскому солдату»* • *Километры смерти* • *«Восток» — дело тонкое* • *Зачем задирать штаны выше колен, если воды в реке по щиколотки?* • *«Тебе пакет, Василий Иванович!»* • *Операция проводится по адресу* • *«Подпланируемся немножко и пойдем дальше бандитов душить...»*

Признаться, сначала не хотелось

мне и коллеге из окружной газеты ехать в Улус-Керт. Достаточно насмотрелись на руины, следуя с разведчиками и офицерами штаба западной группировки по пути к Аргунскому ущелью через разбитые Дуба-Юрт и Дачу-Борзой. А до этого в Грозном, в Комсомольском наслушались горестных причитаний и упреков: словно от ожогов на душе печет. Но поскольку

Окончание. Начало в № 8-9

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

была поставлена задача наряду с проверкой оперативных данных о вероятном появлении «духов» в районе Шаро-Аргуна установить контакт с главой администрации Висингириевой, активно поддерживающей политику федеральной власти, решили, используя возможности прессы, подсобить офицерам. Глядишь, и наша информация, добытая журналистскими методами, пригодится старшему для доклада о выполнении задания. К тому же встретившая нас возле опорного пункта Зулай, узнав, что в составе бронегруппы работают военные корреспонденты, с горячей кавказской настойчивостью приглашала:

— Дорога от блокпоста до Улус-Керта безопасная, боевиков поблизости нет — поедемте! Каждый визит журналистов — большое событие для измученных сельчан. Это вселяет хоть какую-то надежду на перемены к лучшему. Пусть и не помогут опубликованные статьи быстро решить наши проблемы, важно, чтобы люди увидели: центр в лице представителей печати не оставляет их без внимания, оказывает моральную поддержку. Вам тоже будет польза. Лишний раз убедитесь — не все чеченцы враждебно настроены к России.

И мы, отбросив колебания, на машине главы администрации отправились в разрушенное село за новыми впечатлениями для кавказского дневника. Закрывая дверцу, поймал многозначительный взгляд полковника, который беседовал с Зулай по вопросам взаимодействия с местным самоуправлением. Намек ясен: внимательно, мол, посмотрите, что там и как, громыхать броней в предгорье — лишний раз светиться, а журналисты вызовут меньше подозрений.

То ли разведчики из нас никудышные, то ли на самом деле не задерживались ваххабиты в Улус-Керте, — никаких следов «духовских» оборонительных сооружений мы не заметили. Зато остался след в душе. Добрый след. Несмотря на тяжкие чувства.

Лес рубят — щепки летят. Крушили узлы сопротивления боевиков, а рикошет — на мирных. Там вооруженные до зубов фанатики окопались в населенном пункте: оставив целыми здания — не выкурить. Там группа «непримиримых» нарисовалась на улицах: не всегда есть время уточнить разведанные — поскорее нанести удар, не упустить врага, а он, опережая артиллеристов, делает ноги — опять отдуваются ни в чем не повинные труженики. А где-то просто случайно шальные пули или осколки зацепят крестьян, и не помышлявших помогать отморожкам. Так, сами того не желая (война есть война, она немолимо жестока и слепа в выборе жертв и часто диктует командирам боевые решения вразрез с миротворческими планами), сокращаем число своих потенциальных сторонников среди местных жителей. Естественно, многие из тех, кто пострадал в ходе боевых действий — остался без крова, потерял родных и близких, теперь, внешне демонстрируя лояльность к военным, держат камень за пазухой. Применительно к ним слово «мирные» приходится заключать в кавычки, подразумевая в подтексте адекватный истинным настроениям чеченцев антоним. Да только не дает это повода всех пострадавших причислять к врагам, какие бы обиды ни терзали их сегодня.

По-человечески жалко простых трудяг, не по своей воле втянутых в кровавую мясорубку. Опустошенные, потухшие взгляды селян, встречавших нас на улочках Улус-Керта, с болью свидетельствовали, сколько потерпели люди на своей щедрой для жизни, но такой несчастной, густо «удобренной» неразорвавшимися минами и снарядами земле, как осточертели им и бандитский беспредел, и эта проклятая война.

Честно признаюсь: сочувствие чужому горю приглушало острые фронтовые эмоции, связанные с боевой активностью противника. И одновременно комом в горле давил вопрос,

мысленно (негоже в гостях вести взаимный счет обидам) адресованный председателю Висингириевой и ее землякам. Не шевелилась ли у них совесть, когда в годы «независимости» при Дудаеве, а затем и при Масхадове шли чудовищные этнические чистки: изгнание русского населения, грабежи, изнасилования, массовые убийства. Когда на рынках открыто торговали рабами, повсеместно использовали дармовой труд пленников, а целые селения праздновали как победу над врагом получение выкупа за украденных людей (даже дикие индейцы безглаголиво относились к подобному промыслу). Когда басаевские «герои» стреляли из-под юбок беременных женщин, получив за свои «подвиги» в Буденновске высшие награды Ичкерии. Когда совершались грабительские набеги на соседние территории. Когда отрезали голову солдату Евгению Родионову, отказавшемуся принять ислам, изменить православной вере. Когда окверняли храмы, захватывали в заложники и убивали русских священников...

Предвидел ответ: мы, мирные, не отвечаем за чужие злодеяния. Что ж, это верно. Даже если преступления совершались при молчаливом согласии, нескрываемом одобрении или соучастии массы рядовых обывателей, никто не вправе пригвождать весь народ к позорному столбу. Бог нам всем судья... Но будем последовательными до конца: справедливо ли возлагать ответственность на служивых за то, что война с ожесточенно сопротивлявшимися бандитами опалила и мирные села, принесла разруху, смерть в семьи многих невинных трудяг?

Очень хотелось, уловив паузу в печальном монологе главы администрации, расставить здесь точки над «f», дабы заезжим офицерам, олицетворяющим в сознании селян «человека с ружьем», не выглядеть перед мирными чеченцами козлами отпущения. Но Зулай сама недвусмысленно дала понять, кого честные люди считают виновниками трагедии:

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

— Я не испытываю ненависти к русскому солдату. Не вижу в нем врага, жалею солдата. Враг — бандит. На каком бы языке он ни говорил: вы знаете, сколько в бандформированиях наемников, в том числе из стран СНГ. Вот они и должны за все ответить. Думаете простые чеченцы после всего пережитого не хотят быть с Россией? Это политика развела нас в разные стороны. Но о политике я говорить не стану. Другие заботы волнуют. Восстановить жилье. Выплатить денежные пособия и пенсии. Открыть школу. Создать госхоз, который обеспечит бы людей работой. Мы хотим мирно трудиться, растить своих детей. И крепко рассчитываем на помощь России. Помощь федеральных сил. Военным и милиции надо теснее с местными работать, наводить мосты доверия. Тогда у боевиков не будет никаких шансов взять реванш.

Мудрые, правильные слова сказала Зулай Висингириева. Спасибо, что не держит зла на русского солдата, понимает и поддерживает его миссию. Это знак доброй надежды. Дайте срок, переболевший войной народ выберется из тушика, в который завлекли его сепаратисты. Объединится вокруг трезво мыслящих руководителей — союзников России. Иного пути к спасению нет. Поскорее бы только выполнить главную на сегодня задачу, программу-минимум: устранить основное препятствие на пути к миру — бандитское сопротивление. Уничтожить «непримиримых» фанатиков, отморожков, которых никакая сила не вынудит сойти с тропы войны. Разоружить «неустойчивых элементов», подавшихся к боевикам из чувства родовой солидарности, ложно понятого национального долга и начинающих осознавать бессмысленность дальнейшей борьбы с законной властью. До тех пор, пока окончательно не ликвидировано «партизанское» подполье в тревожных районах Чечни, жизнь сама собой не наладится. И это прекрас-

но понимают главари бандформирований.

Война не кончилась... Потерпев поражение в открытых боях, «духи» быстро приспосабливаются к новым условиям. Стараются нападать там и тогда, где и когда их не ждут. Умело маневрируя, используют тактические преимущества небольших мобильных групп, рассредоточенных в горно-лесистой местности. Но и наши не сидят сложа руки. Накапливают боевой опыт. Проводят работу над ошибками. Учатся побеждать коварного, беспощадного противника в крайне сложной для войск обстановке. Наращивают успехи, шаг за шагом приближаясь к конечной цели антитеррористической операции...

Мои мысли с нотками оптимизма, плавное текущие под аккомпанемент моторов боевых машин, прерывает майор-«краповик» Михаил Казаков* — зам. начальника разведки западной группировки ВВ, которого мы, благополучно вернувшись из Улус-Керта, под завязку загрузили информацией. Разведчики, правда, из нас никакие, но майор был доволен. Для него любое

сведение имеет значение: заметили инженерные сооружения бандитов — молодцы, не заметили — тоже немаловажный результат. А главное, пока мы ездил в село, офицеры хорошо поработали по своему заданию. Распоряжение старшего начальника в целом выполнено.

Впрочем, расслабляться рановато — по Аргунскому ущелью движемся. И Казаков подстегивает сидящих на броне бойцов армейского разведбата, а заодно и корреспондентов напоминанием-предостережением:

— Не ослабляйте внимания, мужики! Будьте готовы, в любой момент по нам могут с гор влупить. Ущелье — двадцать километров смерти...

Наш путь короче — до Ярышмарды и обратно, а все равно напоминание не лишнее. Утром были свидетелями, как старший группы, остановив машины у поста на окраине Дуба-Юрта, закручивал гайки ротному за грехи в подготовке солдат. И то сказать, по команде «Земля!» неловкими увальнями сползают с брони, перемещаются вяло, не заботясь о взаимном прикрытии, долго выбирают места для позиций. Трудно поверить, что это развед-

* Некоторые фамилии изменены

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

чики. Подустали, наверное, на бесконечных выездах. А может быть, не доучились?

— Стыдоба! Над такими «чехи» смеются: «Ваши бегают, как беременные бабы», — наливался гневом полковник. — Двадцать минут на разминку! Вводная — обстрел колонны. Давай, братела, командуй, тренируй. А на базе — дополнительные занятия. На износ, чтобы семь потов сошло. Лично проверю! — Потом нам скажет: — Жаль, из ветеранов в батальоне никого не осталось. Кто погиб, кто уволился. А какие были орёлики! Вот эти самые аргунские высоты штурмовали, поливали своей кровью. И «духам» тогда было не до смеха. Молодая смена — никакого сравнения. Не нюхали пороха пацаны, война им вроде как игра. Пока фитиль не вставишь, не расшевелится.

Солдатики, задетые за живое обидным сравнением бывалого полковника-фронтовика, заряженные свирепым словесным внушением ротного, мотались, прыгивая с брони, так, словно в ноги вросли пружины. Как будто после неудачи пересдавали с желанием доказать строгому экзаменатору: мы тоже не лыком шиты, кой-чего можем. Воистину, пока гром не грянет... И хорошо, коли тот гром, заставляющий служащих работать проворно и слаженно, — лишь в голосах отцов-командиров, в двойках по итогам занятий и тренировок. Проводить наладку действий под грохот вражеских мин и гранат — себе дороже.

Пацаны, пацаны... Мало вам потерь неоправданных — по беспечности, недогляду, ротозейству?! Сколько ж можно твердить: извечные наши авось и как-нибудь — лучшие заеднички врага, усыпляющего бдительность тишиной обманчивой. Тем паче, когда находишься в районах, где одни только географические названия заставляют держать ухо востро.

Вот и здесь местечко идеальное для вражеских засад. Недавно на участке дороги в километре севернее Ярышмарды под обстрел попал армейская

колонна с группой сопровождения из 34-й ОБРОН внутренних войск. Подбив БМП, невидимые в густой «зеленке» «духи» ударили из минометов, подствольников, пулеметов. Ну и снайперы бандитские тут как тут: щелк-щелк «эсвэдэшки»... В общем, ситуация — хуже не придумаешь. Из укрытий на лесистых склонах закупоренная «ленточка» видна как на ладони. А бандитов достать не так-то просто, по звукам выстрелов только и можно ориентировочно вычислить расположение огневых точек.

Положение спас авианаводчик майор Михаил Некрасов — старший помощник начальника отделения боевой подготовки бригады. Выдвинувшись на позицию ЗУ-23 и оценив там обстановку, он вызвал вертолеты огневой поддержки. А до их прибытия, давая целеуказания расчету, обеспечил прикрытие колонны. «Зушка», даром что малокалиберная, в умелых руках и при управлении искусном — грозное оружие. На какое-то время зенитчики с майором отвлекли бандитов, помешали им вести прицельную стрельбу по машинам. Но и себя демаскировали. Наводить «вертушки» и корректировать удары НАРов Некрасову пришлось под плотным минометным огнем противника, в осколочной метели. Получив тяжелое ранение, отважный офицер не выпустил из рук радиостанцию, до конца оставался на своем посту. Разрывы авиационных

ракет на вражеских позициях звучали для него прощальным салютом. Как редел, стихал огонь, как тронулась, набирая скорость, колонна, он уже не слышал и не видел...

— Если бы не майор Некрасов с его ювелирной работой, да не подоспей вовремя боевые вертолеты, сожгли бы к чертям технику «душманы», и еще людей немало мы бы потеряли. — говорили нам офицеры бригады. — Многим ему обязаны. Когда позицию начали накрывать из минометов, мог бы уйти в безопасное место. Не ушел. Оттуда, с той позиции, было удобнее всего управлять огнем. И он, смертельно рискуя, до последней минуты поддерживал связь с «крылом», командовал зенитным расчетом. За подвиг этот посмертно представлен к высокой государственной награде...

На обратном пути, у селения Чышки, встречаемся с колонной, следующей в Шатой. Километров на пять растянута колесно-гусеничная «ленточка». Объезжая огромные фугасные воронки за мостом, неслепшно, словно собираясь с духом перед опасными километрами, углубляются в ущелье бэтэары, наливники, юркие приземистые тягачи с прицепленными пушками, груженные боеприпасами и продовольствием «Ураль»... Смотрим в хмурое, пасмурное небо: «вертушек» над горами не видно. Неужели армейцы пойдут без воздушного сопровож-

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

дения, надеясь, что на такую махину бандиты напасть не осмелятся?

— Рисковые мужики, прикрылись броней только спереди и сзади, — качает головой майор Казаков. — А по уму надо бы через каждые три-четыре машины ставить бэтр или бээмпэшку. Тем более такой груз — горючее, снаряды. И вертолеты задерживаются. Нелетная погода, что ли? Учимся, учимся, а все равно шишки от граблей набиваем... — Он замолчал, прислушиваясь. Козырьком приставил к берету ладонь: — Порядок, вот они, «вертушки»! Беру свои слова обратно.

Теперь и мы видим: с северной стороны показались Ми-двадцать четвертые. Пролетев по маршруту колонны, стали парами описывать широкие круги над ущельем. У нас от сердца отлегло. Можно не волноваться за «старшего брата». Не споткнется, как бывало раньше, его головная броня, превращаясь в трескучий костер. Под надежным прикрытием колонна невредимой преодолет все двадцать километров смерти. Самые отчаянные голворезы, и те как черт ладана боятся ударов с воздуха.

Горькие уроки, стало быть, не проходят бесследно. На участках, где наиболее велика вероятность нападений, предусматриваются все меры боевой страховки. Да только надо учитывать и ответные ходы изобретательного в своем коварстве противника. К примеру, его ставку на фактор внезапности с расширением зоны активных действий мелких бандгрупп. Аргунское, Веденское ущелья, самашкинский лес у всех на слуху, там наш брат, как курок взведенный, — всегда наготове, без разведки, без щита-прикрытия в путь не отправится. А вот на дорогах мирных, не затронутых войной территорий военные подчас более уязвимы. Некоторые начинают привыкать к относительно спокойной обстановке, утрачивают остроту восприятия особенностей «национальной» войны. Глаз замыливается, приглушается чувство опасности, вместе с этим как бы смягчается хищный об-

раз врага. А «волк» он и есть «волк». Для него не существует административных и государственных границ. И за чеченским кордоном разбойничает, как у себя дома.

...Неподалеку от ингушского села Галашки это случилось. Ехали два «Урала», один из них с бронеиком на буксире. По мирной дороге — маленькая мирная колонна. Уволенные в запас солдаты, пять офицеров, направлявшихся во Владикавказ кто по служебным делам, кто на побывку, две женщины — сержанты по контракту, санинструктор и библиотекарь. Всего 22 человека. Примерно

столько же вооруженных мужчин затаились в засаде, отрыв окопчики для стрельбы лежа. В этот же день здесь, на повороте, планировалось выставление совместного поста милиции и внутренних войск: как чувствовали, надо прикрыть опасный участок. Зам. начштаба оперативной дивизии уже готовился к выезду с рекогносцировочной группой. По роковому стечению обстоятельств колонна опередила их буквально на несколько минут..

Пять выстрелов «Мух» одновременно прошли тент замыкающего грузовика, в котором находились солдаты. Через мгновение — повторный залп из гранатометов. Потом заговорили автоматные и пулеметные стволы. Лишь двоим военнослужащим чудом повезло уцелеть в том аду..

— Когда мы, прочесывая «зеленку», наткнулись на окопы, в глаза бросился тлевший окурочок. Чуток не успели к моменту отхода бандитов, — вспоминал ЗНШ полковник Михаил Манков. — Хладнокровно все рассчитали, гады. До секунды. Полагаю, не обошлось без помощи местных — у многих сель-

чан живут родственники из Чечни с купленными документами, есть у них и портативные радиостанции. Заранее дали знать боевикам о выдвигении машин из пункта временной дислокации, указали, в каком грузовике больше людей, чтоб первый удар — по нему. «Духам» осталось только залечь в засаду..

С версией опытного, испытанного горячими точками офицера трудно не согласиться. В разведывательной системе боевиков местные жители играют далеко не второстепенную роль. И на этот фактор экстремисты тоже делают большую ставку. При подготовке различных бандитских акций, включая нападения на колонны, посты, опорные пункты, предупреждающих действий в ходе спецопераций федеральных сил. Да мало ли как можно использовать информацию во вред военным и сотрудникам МВД. Наши же каналы связи (мосты доверия, по словам Зулай Висингириевой) с местным населением пока слабы и ненадежны. У мирных чеченцев, готовых порадеть органам и войскам правопорядка, нет

уверенности, что их не бросят на произвол судьбы, как в 96-м году. И при всем желании не получается быстро растопить лед отчуждения. Для наведения прочных мостов нужно время. Намного проще боевикам: они у себя дома, имеют действенные рычаги влияния на соплеменников. Национальные традиции, тейповые связи, деньги, угрозы, наконец — все используют экстремисты в своих интересах, намереваясь вести длительную партизанскую борьбу. Естественно, это оказывает серьезное влияние на сроки реализации планов боевой работы федералов. Со знаком минус...

СМЫВ после аргунского «вояжа» дорожную пыль и грязь, знакомимся на базе в Урус-Мартане с офицерами, которые целый месяц без передышки пахали на восточном направлении. Помогали соседям зачищать горные села в составе поисково-штурмового отряда, включавшего подразделения группировки «Запад». Только-только вернулись в родные палаточные пенаты. Видно: намаялись порядком, настроение невеселое. Охлаждают наш корреспондентский пыл: ежели намерены воспевать победы, спрячьте блокноты, хвастаться нечем.

Что ж, отсутствие результата — тоже результат, вспоминаем утешительно-мобилизующее присловье. Есть по-

вод поработать над ошибками, дабы не повторять их в других ситуациях. А нам объективности ради со слов участников неудачного похода сделать заметки на полях дневника. Как узелки на память: чем больше трудностей преодолено на пути к успеху, тем весомее и ценнее копилка боевого опыта — такая вот по жизни аксиома.

Уступая журналистским просьбам, наши собеседники приступают к аналитическому «разбору полетов». Имелись данные: в Веденском ущелье квартирует до сотни «духов». За каждым селом закреплена небольшая бандгруппа. Крестьяне оказывают им «шефскую» помощь — кормят, поят, обеспечивают информацией. Бандиты матерые и злые, воевали в Грозном. Могут оказать ожесточенное сопротивление. Посему и были сформированы крупные отряды — в едином кулаке мотострелки, спецназовцы, разведчики. Помимо штатной бронетехники — танки для усиления. Все бы хорошо, да распутица на горных дорогах. Да машины — старушки, то в одной двигатель заглохнет, то в другой. Да горючего не хватает. Какая там оперативность-мобильность? Движение — черепашими темпами. Прямо царский подарок чеченским наблюдателям. Пока доползет колонна до участка блокирования, бандитов, десять раз оповещенных, и след простыл. Си-

дят на горе, терпеливо ждут, когда федералы, поработав вхолостую, уберутся восвосяи. И возвращаются в гостеприимные дома — набираться сил до команды «Сбор».

Единственная польза: переполошили «непримиримых», подняли с теплых лежанок, заставили понервничать. Показали, что с разгромом бандитских «полков» и «бригад» военные не намерены снижать боевую активность. А себе хорошо уяснили, не добившись с ходу желаемого результата на этом направлении: «Восток» — дело тонкое. Как, впрочем, и «Запад». Идя в лоб, демонстрируя броневую мощь, раскрывая свой маневр, «духов» не взять. Многие боевики давно легализовались, обзавелись паспортами. Днем «мирные» трудяги, по ночам мелкими группами совершают вылазки, устраивают засады. Те, у кого документы не в порядке или кто в розыске, — постоянно начеку. При малейшей опасности — за околицу и в лес. Потом хоть дивизией перетряхивай селение, поиск — по нулям.

«Это точно, — поддержал бы аналитиков красноармеец Сухов. — Хитер, осторожен Черный Абдулла». И наверняка б добавил: «Надобно не числом — уменьем, хитростью». Наиглавнейшая заповедь для участников контртеррористической операции.

Что масштабные зачистки на нынешнем этапе чеченской кампании утрачивают эффективность, говорили нам и старшие начальники.

Неделя передышки — и вновь «по коням».

В тот ясный, погожий день планировалась «радужная победа в Долинском». С холма, облюбованного для размещения КП, хорошо видны три примыкающие друг к другу поселка: Побединское, Долинский и Радужное. Обозревая их в бинокль, кто-то из штабистов и придумал в шутку «кодовое название», попутно заметив с иронией:

— Все пройдет как по нотам. Сил у нас немеряно. Мотострелки и танкисты блокируют. Артиллеристы — в го-

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

товности уничтожить выявленные цели. Нижнетагильский отряд спецназа прикрывает омовцев и собровцев, «Росич» — в резерве на случай осложнения обстановки. Так что можно не беспокоиться. Слышали? Глава администрации Побединского заявил: «Один выстрел в сторону федералов — и ставьте меня к стенке». Значит, бандиты сделали ноги. Их еще на рассвете местные пастухи проинформировали: пылит техника, целая армада по дороге катит.

И впрямь впечатляющая картина открывается с высоты. Танки и бэмпэшки, сворачивая с асфальта, берут населенные пункты в плотное броневое кольцо. Быстро занимают позиции расчеты минометов и «зушек». Поисковые группы выстраиваются по указанным направлениям. Достав из планшетов листы со схемами поселков, командиры уточняют задачи. Слаженно, без суеты — любо-дорого смотреть — готовятся к работе спецназовцы и их старшие коллеги — увешанные стволами бойцы московского ОМОНа и нижегородского СОБРа. А удовлетворения нет, вместо него — досада.

— Вспоминается мудрая кавказская пословица: «Зачем задира́ть штаны выше колен, если воды в реке по щиколотки?» — словно угадав мои мысли, бросил реплику зам. руководителя оперативного штаба по милиции. — Сколько раз говорил: обстановка изменилась, пора ломать привычные стереотипы. А мы — по накатанной колее! — В сердцах махнул рукой: — Нужны еще какие-нибудь комментарии для войсковой прессы?

Комментарии излишни. Солнышко давно поднялось над холмами. Как ни спешили, выдвигаясь к объектам операции, момент для внезапного начала зачистки безнадежно упущен. Вертолетами были доставлены только офицеры управления и группа «спецов». Остальные подразделения подтягивались из пунктов временной дислокации на грузовиках и бэтэрах. За это время не то что матерые «духи» — сле-

пые и хромые успели бы скрыться в «зеленке».

— Что-то мы делаем не так, мужики. Не так! — меряет шагами пятачок на господствующей высоте руководитель операции. — Эта тактика — пройденный этап...

— А как надо? — задаю вопрос.

— А вот как. Вести поиск не методом тыка, а по конкретным адресам, руководствуясь оперативными данными. Действовать быстро и скрытно. Фактор внезапности — ключ к успеху.

му — в предвидении вероятной встречи с противником.

Пристроившись к группе лейтенанта Евгения Токарева, наблюдаю за бойцами. Спецназовцы действуют уверенно, решительно. С полуслова понимают команды офицера. Передвигаясь от дома к дому, прикрывают друг друга, пасут спины собровцев. Зорко глядят по сторонам.

Через пару часов напряжение спадает. Тщательно осмотреть все усадьбы нет никакой возможности: време-

Группы блокирования и захвата выбрасываются с вертолетов или выдвигаются на четырех-пяти машинах, маленькую колонну «духи» отслеживать не будут. Во избежание утечки информации — минимум времени на подготовку. Задачу командир получает с прибытием в заданный район: «Тебе пакет, Василий Иванович!» Распечатывает — там все указано. Дальше — по обстановке...

Сейчас обстановка не предвещает никаких неожиданностей. Доклад разведки: в поселках спокойно. Оттока людей с пожитками не наблюдается. Верный признак: бандиты ушли, компромат надежно спрятан. Тем не менее поисковики работают по-боево-

ни в обрез. К рубежу сбора подходим «победным маршем», довольствуясь скромными трофеями.

Общий итог операции по зачистке трех поселков: задержаны 12 человек, четверо из них по спискам подозреваемых в причастности к НВФ, изъяты охотничье ружье и 2 гранаты Ф-1, уничтожены 10 «нефтезаводов». С учетом затраченных сил и средств — не густо.

В ПОСЛЕДУЮЩИЕ дни — аналогичные мероприятия в Ассиновской, Новом Шарое, Давыденко. Результаты еще скромнее. Вылавливаем мелкую рыбешку. Крупная в сети на попадает. Заблаговременно ложится на дно.

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

С военными полностью солидарны сотрудники милиции.

— От «мягких» зачисток никакого толку, — говорят нам пензенские омоновцы после очередного «победного марша». — Другое дело — адресная работа по оперативной информации. — И примеры приводят: — Недавно в Гойтах по наводке обнаружили склад — 45 РПГ, 5 автоматов, ящик с гранатами, 20 цинков, 20 новеньких бронжилетов высшего класса защиты. В Мартан-Чу тюменские коллеги откопали 10 автоматов и 2 пулемета. Тоже местные осведомили. Аналогично надо решать задачи и по задержанию бандитов. Опыт есть. В Закан-Юрте наши земляки-соборцы совместно со спецназом ВВ без шума и пыли взяли пятерых мужичков, которых подозревают в пособничестве «духам»...

Верно, блестяще провели тот захват. Своими глазами видел.

Днем в штаб группировки поступили данные: фамилии подозреваемых, улица, номера домов. А на следующее утро офицеры пензенского СОБРа и «спецы» двух ГСНов «Росича» во главе с капитанами Владимиром Кургановым и Вячеславом Вятичевым уже бы-

ли на южной окраине Закана. Артдивизион и резерв — в готовности обеспечить отход и поддержать огнем: за селом прочно закрепилась дурная слава. В 6.00 — стремительный рывок. Напрягая ноги, с трудом поспеваю за бойцами. О своем фотоаппарате напрочь забыл — не отстать бы. На улицах, на подворьях пусто, не проснулся еще крутой Закан-Юрт. И хорошо — свидетели нам ни к чему.

Автоматчики, гранатометчики, снайперы в мгновение ока блокируют квартал, и вот уже плечистые соборцы в домах. Минута, другая — выводят мужичков. Непродолжительный осмотр комнат и подвалов. Тем временем подкатывает автобус. Загружаем «пассажиров». Быстро уходим. На обратном пути успеваю-таки щелкнуть кадр. Для иллюстрации на последнюю страничку дневника. Будет мне напоминать: при всех уловках бандитов военные с милицией накапливают плюсы в реестре боевых успехов.

В Ханкале под занавес поделился своими впечатлениями с заместителем командующего группировкой внутренних войск по спецоперациям.

— Да, несмотря на все трудности,

плюсы есть. И немалые, — сказал генерал-майор Виктор Барсуков. — Достаточно привести один только факт, который о многом говорит. В Шалинском районе крепко зажали банду Мовсаева. Они там до 60 «духов» потеряли. В месяц хотя бы по две такие операции проводить — и постепенно перекроем противнику кислород. Сейчас вот подпланируемся немножко и пойдем дальше бандитов душить.

В продолжение сказанного — от имени всех офицеров-кавказцев: пора и федеральному центру немного подпланироваться в политике на чеченском направлении. Второй год идет война с бандитами и террористами. И конца ей пока не видно...

Полковник Юрий КИСЛЫЙ

Фото автора

Ханкала — Грозный — Урус-Мартан — Алхазурово — Комсомальское — Гойты — Мартан-Чу — Орехово — Шалажи — Арзунское ущелье — Улус-Керт — Мужичи — Закан-Юрт — Побединское — Ассиновская — Новый Шарой — Давыденко — Ханкала — Москва

Из кавказского блокнота

Чеченец, стоящий перед нами, постоянно бросал взгляды в сторону минного поля и, пытаясь заглянуть в глаза, повторял и повторял одно и то же: «Матерью, хлебом прошу — помогите!» Андрей слушал его, ковыряя землю носком армейского ботинка, и уже в который раз прокручивал в голове сложившуюся ситуацию. Оглянувшись на своих бойцов, занявших боевые позиции в окопах и у амбразур блиндажей. Те, вывернув шеи в сторону начальника, поглядывали на него из-под надвинутых касок.

«М-да, ситуация...»

Еще несколько минут назад картина вокруг взводного опорного пункта, где несли службу пра-

порщик Андрей Плетнев и два десятка солдат внутренних войск, была почти идиллической. Солнечный, погожий летний день, зеленеющий невдалеке лес и синее за ним горы. Стадо коров на лужайке под присмотром двух пастухов. Лишь раскаленная броня врытых в землю БМП да сдавливающие грудь и спину броники на солдатах напоминали о тревожной действительности: на этой земле шла война. Подлая, коварная, хитрая и безжалостная, которая в официальных сводках и репортажах пишущей и снимающей журналистской братии стала с недавних пор именоваться минно-диверсионной или партизанской.

Как бы в подтверждение этого,

грохот близкого взрыва расколот расплавленный воздух. В голове командира еще пульсировали тревожные мысли-вопросы: «Начало обстрела?! Подрыв на минном заграждении?!» А язык уже сам собой по выработанной и доведенной до автоматизма за бесконечные боевые командировки привычке отдавал команды:

— Занять оборону! Надеть каски! Вести наблюдение! При обнаружении противника докладывать немедленно!

Схватив автомат, Андрей соскочил в траншею и, пригнувшись, пробежал несколько метров по ней, занял свою боевую точку, отметив, что стоящая вокруг тишина раздражает и насторажива-

ет хуже грохота выстрелов и свиста пуль.

— Командир, «чех» к нам бежит. Один. И вроде без оружия, — доложил один из солдат.

...Все это происходило не более двадцати минут назад. И вот теперь прапорщик Плетнев решал, пожалуй, самую сложную за всю свою военную биографию «боевую» задачу: выносить с минного поля неизвестно зачем забравшегося туда пастуха или, доложив вышестоящему начальству, дожидаться его решения. «Время потеряем... Помрет человек...» — Андрей поймал себя на мысли, что думает о попавшем в беду чеченце без всякого злорадства и неприязни. Хотя уж кому-кому, а ему-то в Чечне досталось изрядно. Прошлой осенью, когда его рота несла службу по охране Каргалинской плотины, во время обстрела осколком чеченской мины так полоснул по спине, что врачи в госпитале им. Бурденко лишь головами качали: «В рубашке родился прапорщик! Несколькими миллиметрами глубже — и...» Но ничего, оклемался, вернулся в строй. А уже в апреле этого года группа из четырех военнослужащих, в которую входил и он, прапорщик Андрей Плетнев, во время выполнения одной из боевых задач, нарвалась на чеченскую растяжку. И снова была боль от впившихся в тело осколков, госпитальная койка, выздоровление, возвращение к боевым друзьям...

Андрей посмотрел на стоящего перед ним чеченца. Глаза в глаза. И понял, что не сможет отказать.

— Идем. Саперы — вперед.

Из стоящей рядом БМП выскочил младший сержант Галим Таржилин.

— Командир, разрешите с вами. В одиночку не справитесь. Его же, — кивнул в сторону минного

поля, где лежал раненый пастух, — на руках тащить придется.

Андрей, соглашаясь, кивнул. Это было единственное, о чем он позже пожалел. И будет жалеть до конца дней своих...

До места подрыва добрались быстро. Оно было недалеко, метров двести, не более. Чеченец остался на дороге. Спасатели — пара саперов впереди, прапорщик с младшим сержантом чуть сзади — осторожно двинулись в сторону «зеленки», на опушке которой были установлены мины.

— Ерунда какая-то получается, — вслух рассуждал один из саперов. — Наши мины левее и дальше. На чем же он подорвался?

«Действительно, что-то не стыкуется», — промелькнула мысль и у Андрея, пытавшегося из-за спин идущих впереди солдат рассмотреть тело пастуха. Тот еще находился в сознании, глядя помутневшими от боли глазами на приближающихся людей в камуфлиро-

ванной форме. Сил на крики или призывы о помощи у него, похоже, уже не оставалось. Правая нога чеченца ниже колена представляла сплошное месиво из рваного мяса и осколков костей.

Пара саперов медленно, сантиметр за сантиметром осмотрела место вокруг раненого. Мин не было. Можно выносить. Андрей с Галимом подняли с земли безвольное, обмякшее тело пастуха и аккуратно, стараясь не делать резких движений, двинулись в обратный путь, к дороге. Там уже стояли мотоцикл и светлые «Жигули»: односельчане незадачливых братьев-пастухов, тоже слышавшие взрыв, в тревоге выехали на их поиски.

Пострадавшего поместили в мотоциклетную коляску, и небольшой кортеж на приличной скорости запылил в сторону Курчалоя, где уже начала работать районная больница. Все, можно было вздохнуть с облегчением.

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

Саперы уже запагали по дороге к взводному опорному пункту.

— Потопали и мы. — Андрей обернулся к стоящему (как он думал) за спиной сержанту. И увидел, что тот, пытаясь срезать несколько метров пути, успел сделать пару шагов в сторону от безопасной, проверенной ранее полянки. С ужасом понимая, чем это грозит парню, Андрей скорее ин-

по лицу что-то липкое течет. Рукой провел — кровь... Приподнялся, голову повернул: Галим в двух метрах лежит, тоже подняться пытается... Упал, кричать начал: левой ступни у парнишки нет... Зачем я его с собой взял?! Лучше бы один этого пастуха вытаскивал, хоть волоком...

Он устало откинулся на подушку и, отвернувшись к брезентовой

ние через глав администраций поселков: в таком-то районе не ходить. Поэтому пастухи и выгуливали своих буренок без всякого опасения, зная, что тут им ничто не угрожает.

Во-вторых, характер полученных ранений говорит о том, что и российский сержант, и чеченский пастух стали жертвами противопехотных мин нажимного действия. А таковых на нашем минном поле не было.

Не будем сейчас обсуждать вопрос о том, какие мины «гуманнее». Просто констатируем факт, подтверждающий вывод инженеров: мины были заложены боевиками. А эти головорезы ставят что хотят и где хотят. Им все равно, кто будет убит или искалечен. В крайнем случае все могут свалить на военных. Что, кстати, постоянно и делают. Одно слово — бандиты.

У меня же не идет из памяти последний наш разговор с прапорщиком Андреем Плетневым. Война на чеченской земле уже трижды жестоко обошлась с ним, изранив тело, но не ожесточив сердце. Ни одного слова сомнения в правильности совершенного, ни одного обвинения в адрес чеченских пастухов, ради спасения которых они с Галимом Таржилиным рисковали жизнью и заплатили такую дорогую цену, я так и не услышал! Вот она, загадочная душа русского человека.

**Подполковник
Игорь СОФРОНОВ**

стинктивно, чем осознанно, сделал шаг вслед за ним.

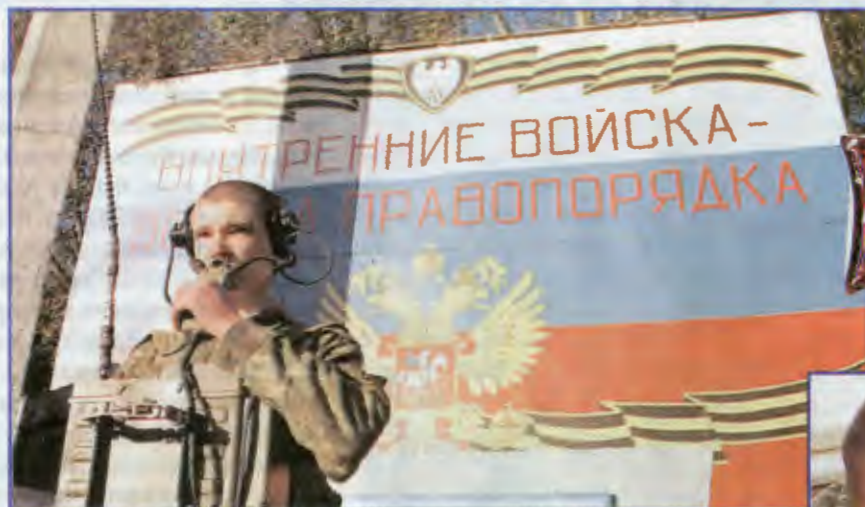
Крик «Назад, Галим!» и взрыв раздались одновременно...

Вечером, когда мы разговаривали с Андреем в санитарной палатке, он, пересиливая головокружение и подступающую к горлу тошноту (последствия полученной контузии), пытался восстановить в памяти те секунды.

— Помню вспышку... Сильный толчок... Потом — провал... Сколько был без сознания, не знаю... Когда очнулся — боль во всем теле,

палаточной стене, надолго замолчал.

Тем же вечером в разговоре с офицерами-саперами мы пытались понять: чьи же это были мины, наделавшие столько бед? Ответ был однозначный — не наши. Не армейские инженеры их устанавливали. Во-первых, на любое минное поле военные тут же заводят формуляр, скрупулезно отмечая, где и какие «сюрпризы» заложены: ориентиры, расстояния, маркировку самих мин. И обязательно извещают местное население

ДЕНЬ ВОЙСК СВЯЗИ

20 октября 1919 года приказом РВСР № 1736/ 362 была поставлена задача – «для объединения всех видов связи Красной Армии сформировать в составе Полевого штаба управление связи». Во фронтах были созданы управления связи, в армиях и дивизиях – отделы связи, в бригадах – отделения связи. Вводились должности начальников связи. Служба связи была выделена в специальную службу, а войска связи – в самостоятельные войска. День 20 октября 1919 года стал днем рождения войск связи.

Рылов С. ВОЮЮЩИЙ

фото Александра БУТКЕВИЧА

Младший сержант С. АЛЕКСАНДРОВ И С. РЫЛОВ

Лейтенант Э. КАСАНИЦЕВ

Рядовой А. МАНЗЫРЕВ

Прапорщик Л. ГУСЕВА

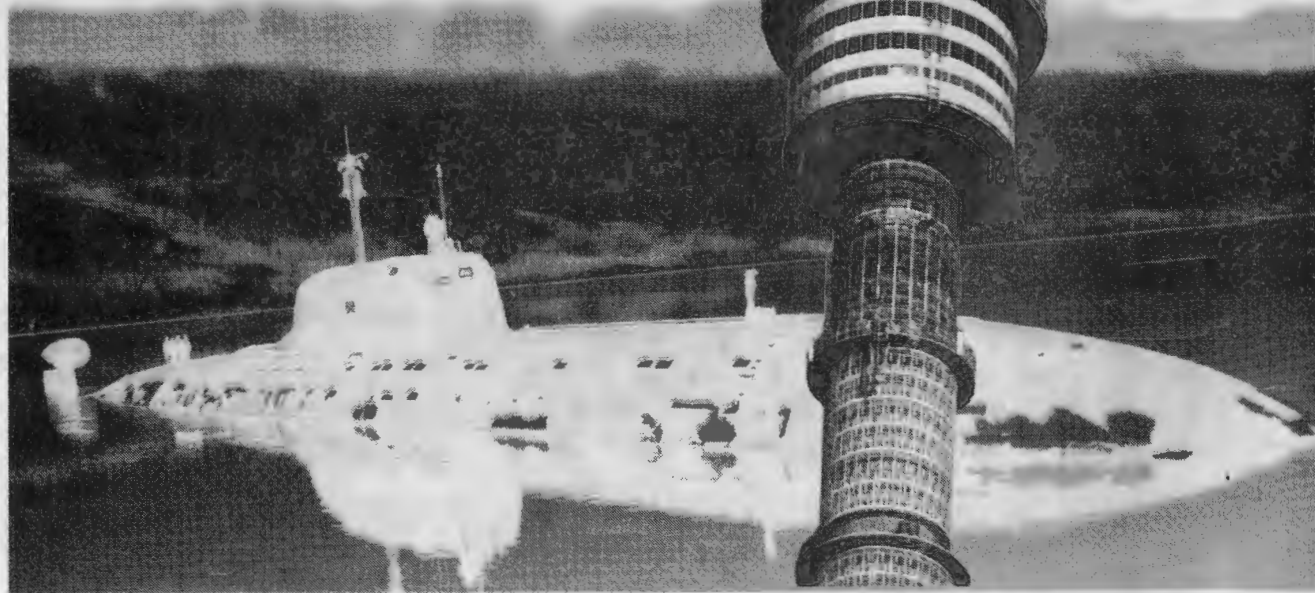
Заметки военного публициста

КУДА МЫ ДЕНЕМСЯ
С ПОДВОДНОЙ
ЛОДКИ...

Несколько лет назад в редакцию одной из дивизионных газет внутренних войск был назначен лейтенант, выпускник военного журфака. Среди сослуживцев выделялся он пока лишь своей формой — поскольку учился на морском отделении, выдали ему красивый черный китель, кремовую рубашку и обширную фуражку с «крабом».

Его первый «сухпутный» газетный репортаж (а дивизия, куда он попал для прохождения службы, охраняет важные государственные объекты) начинался словами: «Каравл напоминает мне экипаж подводной лодки...» Матерые офицеры из «спецов» и конвойников над таким сравнением

шутили-зубоскалили, подтрунивали над высоким полетом (вернее сказать, глубоким ходом) мысли молодого маримана... А ведь по существу он был прав. Кому не знаком расхожий риторический во-

прос: «А куда ты денешься с подводной лодки?» После августовской трагедии в Баренцевом море шутливо-беззаботный окрас сакраментальной фразы приобрел оттенок зловещей безысходности. И если прежде оптимизма в той фразе было достаточно, то теперь остается лишь малая надежда на то, что достанет запертым в отсеках людям глотка воздуха и нужного градуса тепла, прежде чем раскроется над головой купол неба, согреваемый солнцем.

...Аналогия с подводниками для нас отнюдь не надуманная. Вспоминаю горячий во всех смыслах Чернобыль 86-го. Караул-экипаж у взорвавшегося ядерного реактора состоял тогда из двадцати трех военнослужащих внутренних войск. До сих пор помню «атомного» комбата подполковника Бирюкова, награжденного тогда за самоотверженные действия в смертельно опасной зоне орденом Красного Знамени, майора Вакулу, удостоенного ордена Красной Звезды... Список того караула хранится в моем корреспондентском блокноте. Никто из них не оставил свой пост-отсек до смены, все сражались вокруг кипящего атомного кратера, как могли. И первыми спасателями были опять же наши взвешники из киевского оперативного полка, прибывшие к месту трагедии без всяких скафандров, вооруженные солдатским шанцевым инструментом.

А потом были долгая и мучительная борьба с лучевой болезнью, унижительные льготно-денежные мытарства, «списание на берег» (Белый Берег — так по иронии судьбы называлось местечко, где располагался палаточный лагерь для ликвидаторов из союзного еще МВД).

Сегодня бессменная атомная вахта внутренних войск на Курской и других АЭС продолжается. И кроме лозунгового призыва-приказа «Выше бдительность на постах!» говорим им: «Храни вас Бог!»

...На Бога надейся, а сам не плошай. В эту истину уверовали наши фронтовики-кавказцы. Экипажами, взводами, ротами вкопались они в каменистые склоны гор, в выжженную, спрессованную гусеницами и колесами равнину, напичканную бандитскими фугасами, густо засеянную своими и чужими минами. Телесигнал сюда доходил и до останкинского пожара с помехами, но о том, что правительство озаботилось проблемами осиротевших семей подводников, в Чечне узнали сразу. И стали считать своих погибших, покалеченных, своих бесквартирных. И стали считать свои «боевые», переводя их в «зеленые», прикидывая, можно ли обустроиться в мирной России, честно провоевав на Кавказе год. И предложат ли семьям погибших квартиру на выбор в Курске, Воронеже или хотя бы в Мурманске?

Одна из матерей, чей сын остался на дне Баренцева моря, призналась, что искренне радовалась, когда сына призвали на Северный флот, а не в Чечню. Подводный крейсер «Курск» казался из российской провинции символом надежности, безопасности. Увы, нет ни на что и ни на кого надеги в родном Отечестве...

Все меньше слышат военные слов ободрения в свой адрес, все реже протягивают им руку для крепкого рукопожатия, для отеческой помощи сильные мира сего. Да и кто нынче эти сильные — вот в чем вопрос.

У сильных мира сего своя рука — владыка. Этой беспрекословной рукой в РАО «ЕЭС России» взяли и отключили от «своих» сетей в Ивановской области ракетчиков-стратегов, десантников. В дивизии РВСН в ружье подняли взвод противодиверсионной борьбы, который взял под свой контроль электроподстанцию. Подразделение, предназначенное для противодействия диверсантам, выступило... против подчиненных Анатолия Чубайса. Вот такие катаклизмы про-

исходят в центре России. В те же дни на воюющем Кавказе забастовали армейцы, не получающие свои законные «боевые» деньги. Это должно насторожить: восстает против государственных структур человек с ружьем (да что там с ружьем — с ядерным оружием)! Это симптоматично.

Останкинские погорельцы, едва отдышавшись, стали делать свою полукилометровой иглой болезненные впрыски в сознание россиян: военные скрывают правду о «Курске», за неделю в Чечне погибло семнадцать «федералов», два сержанта внутренних войск с автоматами самовольно оставили часть... Словом, все настолько плохо в армии, что... надо ее сократить!

И что же, хватит ли тогда различных денег на оставшихся в строю? И что же, уволенные в запас или отставку крепкие еще мужчины получают достойную работу? Сомневаюсь.

В конце трагического августа состоялся традиционный прием в Кремле спецназовцев России. Председатель правительства Михаил Касьянов вручал ордена нашим «краповым беретам» и десанникам, «альфовцам» и собровцам, омовцам и разведчикам-армейцам. На следующий день в редакцию зашли мои давнишние знакомые майоры Игорь Целуйко и Владимир Соколов, которые накануне тоже были высочайше отмечены. У Игоря на груди теперь три (!) ордена Мужества. Любо-дорого поглядеть на таких храбрых офицеров. Я их принялся обнимать-поздравлять, а они, хоть и вовсе не пессимисты, — о наблевшем. Проблемы в войсках во многом остаются прежними, с первой еще чеченской войны. Спецназовцы (уж не говорю о «простых» частях оперативного назначения) колесят по Чечне на двадцати-тридцатилетних БТРах и БМП, оставляют желать лучшего вооружение и экипировка, суровые фронтовые условия

ВОЙСКА И ОБЩЕСТВО

требуют дополнительного питания и особого информационного обеспечения, семьи на «зимних квартирах» оставлены без квартир, жены — без работы, дети — без детского сада.

И вновь затронули трагическую тему «Курска». До сердечной боли жаль братишек-подводников и их безутешных родных. По-честному, по справедливости надо воздать должное погибшим при исполнении воинского долга морякам-североморцам, по-государственному, по-человечески позаботиться об их родных. Но непонятно другое: почему вмиг нашлись огромные суммы на всевозможные выплаты и пособия, квартиры и спецрейсы, почему одним указом все погибшие награждены (увы, посмертно) орденами, в то время как наши кавказцы, живые и павшие, ждут всего этого месяцами и годами?

Среди боевых кораблей советского Военно-Морского Флота был в годы Великой Отечественной крейсер

«Красный Кавказ». Вряд ли в обозримом будущем появится новый корабль с таким названием. Флот сокращают, режут на металл, продают, топят. А российский Кавказ ныне стал красным от пролитой крови. И группировку войск в этом регионе образно можно назвать экипажем подводной лодки «Кавказ», с которой мы никуда не денемся.

Словно в подтверждение такого моего сравнения читаю сообщение в газете: «Безымянная вершина одного из хребтов Большого Кавказа, покоренная в начале сентября альпинистами Северной Осетии, будет названа в память о погибшем экипаже подводной лодки «Курск»...

Что будет с нашей армией? Такой вопрос вынесен в заголовок интервью, которое дал «Литературной газете» человек, напрямую занимавшийся военными проблемами

(можно сказать и по-другому — проблемами военных)
— Андрей Кокошин. Бывший

первый заместитель министра обороны, бывший секретарь Совета безопасности, депутат Госдумы, член-корреспондент Российской академии наук посетовал: «... Политическая элита, да и общество в целом на протяжении уже многих лет не уделяют достаточного внимания проблеме обороноспособности страны... Я очень надеюсь, что вот эта трагедия с «Курском» все-таки даст толчок серьезному обсуждению в нашем обществе, в правительстве, в Государственной Думе проблемы военной реформы и формирования современных Вооруженных сил».

Надежды, как известно, юношей питают. Государственным же серьезным мужам надо работу делать. И не такую умозрительную, что продемонстрировал на той же странице «ЛГ», над портретом бывшего первого замминистра обороны и бывшего секретаря Совета безопасности Кокошина знаменитый автор «Хотят ли русские войны» и патриотической поэмы «Братская ГЭС» Евг.Евтушенко. Из далекой американской Оклахомы пишет-всхлипывает-мудрует он:

ВОЙСКА И ОБЩЕСТВО

*Боже мой, еще недавно,
Боже мой, еще вчера...
Все, что вроде было главным,
оползло, как вниз гора...*

*Кто мы? Будущего крохи?
Разве легче оттого?
Жертвы оползня эпохи
или авторы его?*

*Оползни — вы наши дети?
Умереть бы попоздней.
Я и так уже свидетель
двух великих оползней.*

*Словно волки, люди рыщут,
убивают и крадут,
и убийц убийцы ищут —
потому и не найдут.*

*Но не сдавшись новозверю,
тыкающему в меня,
я в тебя, Россия, верю
и тебе не изменю...»*

Как некоторые, облеченные изрядной властью, полномочиями, имеющие право голоса на самых верхах, уповают на серьезное обсуждение назревших проблем в обществе, вместо того чтобы, засучив рукава, эти проблемы решать,

так другие избрали непыльную для себя работу — издали клясться в верности России, оставаясь лишь свидетелями всероссийских бед и страданий, или «оползней». Противостоять оползню трудно, вкалывать надо, строя всяческие железобетонные стенки, перекидывая горы грунта, отводя грядущие разрушительные селевые потоки...

Газеты заполнены пересудами вокруг трагедий, катастроф, несчастий (такое обсуждение назревших проблем в обществе). Вот и поэты туда же. Рефлексируют под аккомпанемент своей лиры. Поэты-трибуны, поэты-державники нам нужны. Когда предполагается великая работа, грозная битва, призывное, вдохновляющее слово необходимо. Проверено это в революциях, военных походах.

Вот вам, мои читатели, вдохновенные, трубные стихи:

*...Наш мир надежный пал,
В распутстве век погряз
И нам в наследство дал
Лишь сталь, огонь да грязь!*

*Пусть все, что
чпилось, — вздор,
Но вечны письма:
Да будешь духом тверд!
Да будет длань сильна!*

*Тот век, что нам дарил
Достаток, мир, покой,
Ушел — и мы стоим
Наедине с собой.*

*И зубы молча сжав,
Пред правдой бытия,
Должны мы, все отдав,
Себя не потерять.*

*Пусть все свершенья — прах,
Но заповедь одна:
Да не познаешь страх!
Да стерпишь все сполна!*

*Ни лесть надежд, ни ложь
Цель не приблизят вновь,
Коль в жертву не несешь
Мозг, душу, тело, кровь...*

О какой цели речь? Кто автор-трибун? Когда написаны эти строки? Терпение, читатель. Сначала — резюме поэта.

*О Англия, судьба
Погибнуть нам — так что ж!
Что жизнь — коль ты раба?
Что смерть —
коль ты живешь?*

Редьярд Киплинг. Певец британского империализма, познавший колониальные войны. Стихотворение «За все, что есть у нас» было написано в 1914 году.

Автор бессмертного «Маугли» нынче в моде у интеллигентных офицеров — открыли заново военного писателя, и многие его строки почти вековой давности удивительно точно ложатся на современные кавказские войны.

Сегодня вспоминаем-поминаем моряков с «Курска», поднимаем горький третий тост и оптимистический четвертый, думая о тех, кто сейчас на войне. Взводные опорные пункты, заставы, «контроли» разбросаны по российскому Кавказу. Не про них ли это:

*Стой до седьмого пота
У подножия гор.
Не армия, нет — всего-то
Сторожевой дозор.*

Это опять же империалист Киплинг. Стихотворение «Сторожевой дозор на мосту в Карру» было написано в 1901 году.

Так что, братцы, не будем сетовать на судьбу. Будем не свидетелями, а участниками нашей горькой истории. Будем стоять на боевых постах, откуда носим погоны, куда Отечество в опасности. Куда мы денемся с подводной лодки? Не в Оклахому же?

**Полковник
Борис КАРПОВ**

Сентябрь, 2000

От теории к практике

ОДИН ЗА ВСЕХ И ВСЕ ЗА ОДНОГО

О таких взаимоотношениях между военнослужащими в своем воинском коллективе мечтает каждый командир. Но мечтать мало. Надо действовать. Действовать, опираясь на достижения современной военной педагогики и психологии.

Для воспитания и обучения военнослужащих современная военная психология и педагогика располагают многочисленными методиками, которые имеют обширную теоретическую базу. Беда в том, что они не находят практического применения в войсках.

Естественной основой для поведения человека является его биологическая природа. Характер, темперамент, особенности психических процессов, приобретенные знания, умения и навыки — это неотъемлемые психологические характеристики, присущие каждому индивиду. Социальная психология позволяет выявить и изучить пси-

хические явления, которые возникают в процессе взаимодействия людей в организованных и неорганизованных группах, обозначить социальную роль каждого человека и особенности психических проявлений его в этой роли. Поведение человека во многом определено его положением в обществе, в группе, личной самооценкой. Все эти факторы корректируют природную сущность человека. Соответственно видоизменяется и психическая структура личности. Выявление этих изменений является второй ступенью в ее изучении. И все-таки для командиров и начальников в первую очередь представляют интерес не изолированные психологические характеристики, не только психологические аспекты, обусловленные положением человека в обществе, а поведение человека в экстремальных условиях, в ситуа-

циях, связанных с риском для здоровья и жизни, в рамках постоянных стрессовых ситуаций, в строго регламентированной жизнедеятельности, во взаимоотношениях подчиненности. Изучению психологических характеристик военнослужащих под этим углом зрения помогает военная психология. Учитывая специфику данной дисциплины, можно достичь третьего уровня познания человека как лица, не только выполняющего определенную социальную роль, но и обладающего особыми профессиональными качествами.

Наряду с индивидуальными неповторяющимися особенностями в каждом человеке присутствуют типичные качества, позволяющие отнести его к определенной группе людей, ему подобных. Это дает возможность типизировать людей по преобладающей психической фун-

кции и ее направленности. Все люди мыслят и поступают по-разному. Одни лучше ориентируются в мире предметов, где царят логика и порядок, другие — во всем, что связано с чувствами человека и отношениями между людьми. Третьи устремлены в будущее, выдвигают необычные идеи, обладают даром предвидения. Четвертые живут днем сегодняшним, получая от жизни максимум удовольствия.

Люди одного типа имеют общие интересы, склонности, одинаково проявляют себя в различных ситуациях, мучаются теми же проблемами. Они и внешне похожи конституцией, манерой поведения, привычками, походкой и даже чертами лица. Такие люди прекрасно понимают друг друга, поскольку говорят на одном языке. Их аналогичность проявляется на физическом, психологическом, социальном и информационном уровне.

Методики, созданные на базе типологических особенностей личности, используются при проверке совместимости экипажей космических кораблей, при проведении предвыборной борьбы (в том числе и на президентских выборах), при подборе служащих коммерческих и государственных предприятий, решении конфликтных ситуаций на производстве, в семейной психотерапии и индивидуальной психокоррекции. В Америке, например, за консультациями к фирмам, занимающимся вышеуказанной методикой, обращались такие известные организации, как Marine Miland Bank, AT&T, IBM, Ford Motor Company, Bell Atlantic, правительственные институты, включая все четыре рода войск американской армии, и т.д.

Экономическая целесообразность применения методики поразительна — были прецеденты, когда в результате всего лишь перегруппировки рабочих мест производительность труда служащих фирмы повышалась на 80 (!) и более процентов.

Применяя методики социологического анализа, командир, сталкивающийся с решением практических проблем управления коллективом, может в основном понять мотивы поступ-

ков других людей, усвоить, что их поведение не всегда бывает логичным и обоснованным, диктуемым сознательными процессами. Типология позволяет найти индивидуальный подход к каждому, учесть личностные особенности его психики, подобрать соответствующее прямое или косвенное воздействие на подчиненного в конкретной ситуации, при решении той или иной задачи.

С помощью метода моделирования типология позволяет достаточно адекватно представить реакцию человека на любую информацию, поступающую из внешней среды — будь то изменение погоды или распоряжение начальника. Используемая модель позволяет выделить 256 форм информационно-личностных отношений, возникающих между различными типами людей в процессе общения и по сходным признакам объединенных в 16 групп. Одни формы благоприятно воспринимаются человеком, другие — вызывают раздражение, действуют разрушительно на его психику и отрицательно сказываются на его здоровье. Одни формы отношений благоприятны для решения задач в спокойной обстановке, другие — в нестандартных ситуациях, третьи лучше для совместного отдыха, чем для работы в одной команде. Исходя из всего вышесказанного перед руководителями, начальниками и командирами всех степеней возникает необходимость изучения индивидуально-психологических характеристик своих подчиненных, на основе которых они могут организовать служебно-боевую деятельность, формировать воинские коллективы, осуществлять кадровую работу.

Использование социологического анализа позволит им дать общую оценку личности военнослужащего и на этой основе составить деловую характеристику человека, отражающую его сильные и слабые стороны, порождаемые особенностями конкретной личности проблемы во взаимоотношениях с товарищами и командирами, потенциальные возможности, позволяющие определить наиболее эффективный род

деятельности для данного человека.

Современные методики социологического анализа позволяют командирам рационально строить межличностные отношения в коллективах на основе психологической совместимости, формировать работоспособные команды, распределяя формальные и неформальные роли, опираясь на объективные законы переработки информации человеком.

Социологический анализ помогает разрешать назревающие противоречия внутри воинского коллектива и предотвращать конфликты между его членами. Он дает возможность находить подход к человеку на основании глубинных мотивов его поведения, формировать временные специализированные рабочие группы, предназначенные для решения определенных тактических задач. Оценить потенциал подразделения как единой психоинформационной системы и прогнозировать ее развитие, выработать стратегию взаимоотношений с коллективом помогает также использование методов социологического анализа. И что немаловажно в современных условиях — оптимизировать процессы воспитания и обучения без дополнительных затрат материальных средств и людских ресурсов.

Повышение боеготовности, совершенствование боеспособности подразделений и их психологической устойчивости, улучшение морального климата воинских коллективов, раскрытие способностей и задатков военнослужащих, максимальное использование умений и навыков воинов в служебно-боевой деятельности является постоянной проблемой командиров и начальников. Типологическая диагностика и использование ее результатов — один из путей решения проблем, стоящих перед войсками в настоящее время.

Майор А. БОГОДУХОВ,
слушатель факультета
внутренних войск
Военного университета
Министерства обороны РФ

Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА

В БОЕВОМ СТРОЮ — НАВЕКИ

Традиция увековечивать память героически погибших воинов, зачисляя их в списки личного состава частей, впервые утвердилась во внутренних войсках еще в конце 20-х годов нынешнего столетия — приказом № 38 ОГПУ от 4 марта 1929 года в списки Дальневосточного полка ОГПУ навечно зачислены командир взвода Владимир Реут, красноармейцы Николай Иваненков и Александр Потапов. В списки личного состава этого же полка спустя год были навечно зачислены командир отделения Иван Петухов и курсант полковой школы Василий Циркин. Всего в период с 1929 по 1992 год в списки войсковых частей внутренних войск зачислено 98 военнослужащих. Одни из последних — военнослужащие, погибшие при разрешении международных конфликтов: майор Александр Романов, лейтенанты Игорь Цымбалюк, Олег Бабак, курсанты Владикавказского ВВККУ Дмитрий Базаров и Аркадий Тептяев, рядовые Сергей Вальков, Сергей Мезенцев.

Традиция эта жива и сегодня. В соответствии с «Инструкцией о порядке

зачисления навечно в списки органов внутренних дел и воинских частей внутренних войск МВД России в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» 79 солдат и офицеров внутренних войск, погибших в прошлую чеченскую войну и проявивших личное мужество, отвагу и самоотверженность, навечно зачислены в списки личного состава своих войсковых частей. Среди навечно зачисленных — Герои Российской Федерации подполковник медицинской службы Петр Захарчук, заместитель командира группы специального назначения по спецподготовке старший лейтенант Игорь Гуров, командир взвода лейтенант Евгений Рындин, стрелок группы специального назначения из отряда «Русь» рядовой Олег Долгов, кавалеры ордена Мужества лейтенант Федор Покивайлов, старший сержант Иван Липов, ефрейтор Кирилл Гончаров, рядовые Арсалан Шалбанов, Олег Кучеров и другие. Еще один военнослужащий — рядовой Юрий Никандров — погиб при задержании опасных преступников в марте 1996 года. Посмертно он награжден орденом Мужества. Его имя навечно вписано в списки личного состава одной из войсковых частей Уральского округа внутренних войск.

Недавно список этот пополнился фамилиями еще 11 воинов, павших

смертью героя в боях с бандформированиями на Северном Кавказе. Вот эти имена:

майор АНОЩЕНКОВ Андрей Иванович,

майор БАСУРМАНОВ Сергей Анатольевич,

майор ОРЛОВ Андрей Борисович, старший лейтенант БОГДАНЧЕНКО Сергей Николаевич,

старший лейтенант КОВАЛЕВ Александр Геннадьевич,

лейтенант КОЗИН Алексей Владимирович,

лейтенант ПАЛАТИДИ Алексей Иванович,

сержант ЯНИНА Ирина Юрьевна, младший сержант ПРОЦЕНКО Олег Петрович,

рядовой ЗАЙЦЕВ Андрей Сергеевич,

рядовой КАЛЯПИН Андрей Вячеславович.

Посмертно эти военнослужащие удостоены высокого звания Героя Российской Федерации. Отныне на вечерних поверках в подразделениях внутренних войск в числе первых будут звучать эти фамилии.

Полковник Владимир РЕШЕТНЯК, заместитель начальника отдела

воспитательной работы УВР ГКВВ МВД России

Указами Президента Российской Федерации за мужество и героизм, проявленные при исполнении воинского долга, звание Героя Российской Федерации присвоено военнослужащим внутренних войск:

старшему лейтенанту КИЧКАЙЛО Геннадию Анатольевичу (посмертно)

капитану БАВЫКИНУ Сергею Петровичу (посмертно)

(Указ № 1632 от 9 сентября 2000 г.)

младшему сержанту КРОПОЧЕВУ Ивану Алексеевичу (посмертно)

(Указ № 1667 от 17 сентября 2000 г.)

Герой Российской Федерации

старший лейтенант Сергей БОГДАНЧЕНКО

Бой за высоту с отметкой 715,3 был одним из самых драматичных эпизодов в ходе проведения специальной операции по уничтожению незаконных вооруженных формирований, вторгшихся в Новолакский район Республики Дагестан в сентябре 1999 года.

Задача захватить и удержать высоту была поставлена перед отрядом специального назначения 9 сентября. Незаметно миновав позиции боевиков, бойцы отряда выдвинулись к цели операции. Уже к шести часам утра спецназовцы заняли гребень высоты и сразу же вступили в бой. Для организации надежной обороны группа под командованием старшего лейтенанта Сергея Богданченко была направлена в "зеленку", на самый крутой скат холма. Здесь военнослужащие столкнулись с боевиками, которые готовили запасные позиции на случай наступления российских войск. В коротком и жестоком бою бандиты были выбиты с занимаемых позиций. Командир получил тяжелое ранение, но продолжал руководить боем. Спецназовцы выполнили поставленную задачу. Они сумели удержать высоту, боевики вынуждены были отступить. При эвакуации командир скончался на руках своих подчиненных.

За личное мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания в Республике Дагестан, кавалеру ордена Мужества старшему лейтенанту Богданченко Сергею Николаевичу 12 ноября 1999 года присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно). Старший лейтенант Сергей Богданченко навечно зачислен в списки личного состава части.

Герой Российской Федерации рядовой Андрей ЗАЙЦЕВ

Рядовой Андрей Зайцев выполнял служебно-боевые задачи на территории Северо-Кавказского региона с сентября 1999 года. В тот день, 10 сентября, Андрей вез боеприпасы на позиции артиллерийско-зенитного дивизиона. Во время движения его машина подверглась ожесточенному обстрелу боевиков, получил тяжелое ранение старший машины старший сержант А.Гриневский. Андрей вынес его из-под обстрела, оказал первую медицинскую помощь, а затем вновь вернулся к месту боя. Когда закончились патроны, окруженный боевиками рядовой Андрей Зайцев выдернул чеку гранаты... Ценой собственной жизни он спас товарища, а сам погиб, уничтожив и ранив более десяти бандитов.

За личное мужество, отвагу и самоотверженность, проявленные при исполнении воинского долга, рядовому Зайцеву Андрею Сергеевичу Указом Президента РФ от 22 декабря 1999 года присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно). Рядовой Андрей Зайцев навечно зачислен в списки личного состава части.

Герой Российской Федерации рядовой Раис МУСТАФИН

27 января 2000 года военнослужащие из нальчикской бригады внутренних войск заняли здание школы на правом берегу реки Сунжа. Ранним утром боевики предприняли попытку выбить военнослужащих с занимаемых позиций. В ходе боя бандитам удалось взять в плен троих солдат. Это увидел рядовой Раис Мустафин, который сразу принял решение помочь товарищам. Он сумел приблизиться к боевикам, но те открыли по нему шквальный огонь. Во время боя у Раиса заклинил пулемет и боевикам удалось взять солдата в плен. Когда его привели в один из учебных классов, где находилось больше десятка бандитов, Раис выхватил из кармана гранату и подбросил ее вверх, а сам, увидев замешательство боевиков, выскочил в соседнюю комнату и спрыгнул в люк подземных коммуникаций.

По ним рядовой Мустафин выбрался в комнату, в которой до этого держал оборону, и продолжил неравную схватку с бандитами. Несколько часов он сдерживал яростные атаки врага, ведя огонь из табельного и трофейного оружия. Вызвав всю огневую мощь противника на себя, он дал возможность своему подразделению провести контратаку и вынудить боевиков отступить. Когда здание школы было отбито, сослуживцы не поверили своим глазам — они считали Раиса погибшим...

За личное мужество и героизм, проявленные в бою с незаконными вооруженными формированиями, 11 июля 2000 года рядовой Мустафин Раис Рауфович удостоен звания Героя Российской Федерации.

Герой Российской Федерации рядовой Вадим ЕРМАКОВ

10 августа 1996 года рядовой Вадим Ермаков участвовал в специальной операции по освобождению от боевиков санатория в поселке Черноречье Чеченской республики. Первый этаж здания спецназовцы заняли без особых проблем, со вторым оказалось сложнее, но и он после короткого и ожесточенного боя был освобожден. Боевики отступили на третий и четвертый этажи санатория. В это время на помощь бандитам уже спешило подкрепление. Ситуация коренным образом изменилась: из наступающих военнослужащие превратились в обороняющихся.

Когда появились убитые и раненые, руководитель операции принял решение прорываться из здания. Одна из групп, в которую входил Вадим, прикрывала отход основных сил. Приняв весь удар на себя, спецназовцы обеспечили выход штурмовой группы из окружения. Они отбивались до последнего. Осколки гранаты, разорвавшейся неподалеку от обороняющихся, посекали военнослужащих. Когда Вадим и его товарищи пришли в себя, они оказались под прицелом боевиков.

О последних минутах жизни рядового Ермакова рассказали его сослуживцы, освобожденные из плена через несколько дней. Бандиты жестоко издевались над истекающим кровью солдатом, но Вадим держался мужественно и смело. Превозмогая боль, он сумел выхватить у одного из боевиков гранату и выдериуть чеку. Взрыв унес жизнь нескольких боевиков. Оставшиеся в живых надругались над телом солдата...

Указом Президента РФ от 30 марта 1998 года рядовому Ермакову Вадиму Константиновичу присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно). Рядовой В.Ермаков навечно зачислен в списки личного состава части.

По страницам Книги памяти

ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО...

В дверь постучались. В который раз дрогнуло сердце у Антонины Петровны — письмо от Димки! Проходя через прихожую, на мгновение закрыла глаза и будто наяву увидела курчавые строчки сына на листке в клеточку. Все у него нормально, и кормят хорошо. В конверте наверняка открытка: «Мамуля, поздравляю тебя с днем рождения!..» Странно только, что письмо очень уж быстро дошло — до дня рождения еще пять дней.

Действительно, почтальон. В руках маленькая бумажка — просит расписаться. В пелене слез четыре шеренги штампованных букв: «Ваш сын, Силаев Дмитрий Александрович, погиб при выполнении служебно-боевых задач в Республике Дагестан 9 сентября 1999 года в результате осколочно-пулевого ранения в брюшную полость». Но ведь Димка писал: были на учениях, лежал в госпитале с гриппом...

Не верю!

Не было никакого гриппа, никаких учений — в письмах с войны святая ложь. Были Дагестан, Чечня, Ингушетия. Димка ссылался на военную тайну, повторял: «Не волнуйся, мама, все будет хорошо».

Накануне общего наступления федеральных войск на районный центр — село Новолакское штурмовые группы армавирского спецназа должны были скрытно пройти через боевые порядки противника и занять высоту 715,3, господствующую не только над селом, но и над всей окружающей местностью. Высоту, фактически являющуюся ключом к обороне врага. Авиации была поставлена задача нанести удар по позициям противника...

Рассказывает капитан Руслан Магомедов, заместитель командира группы по специальной подготовке: «Перед взятием высоты 715,3 отряду дали время на подготовку снаряжения и боеприпасов.

Было светлое время суток. Над нами пролетели четыре вертолета, затем один отделился и ударил НУРСами по личному составу. Он сделал два захода. В результате погиб рядовой Дмитрий Силаев. Семь человек получили ранения различной тяжести.

Когда высота все же была занята отрядом, поступил приказ ее оставить.

Подполковник Юрий Яшин, командир отряда: «Приказ мы выполнили, высоту взяли. Через час получили команду на отход, ее дал генерал-майор Черкашенко. Когда начали отходить, в воздухе появились штурмовики. Мы дали сигнал ракетами. Но это нас не спасло. Удары наносились один за другим. Меня контузило. Когда пришел в себя, рядом увидел четыре трупа».

В той операции погибло 37 человек, и Дима — одним из первых.

Мама листает семейный крас-

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

ного бархата альбом, который начинается поздравительной открыткой: «Дорогие Антонина и Александр! Поздравляем с рожде-

ностей. Как рок. Для мамы даже дата гибели Димы в 19 лет кажется роком: 09.09.99г. 9 октября, ровно через месяц, ему испол-

вый берет — за пять дней до гибели.

Хоронили Дмитрия Силаева во всеми воинскими почестями. Проводить его в последний путь пришло много людей, даже не знавших парня, но остро, по-человечески сопереживающих близким.

По сей день ведется следствие — ищут тех, кто допустил ту роковую ошибку. Стало известно, что были плохо отработаны вопросы взаимодействия спецназа и летчиков. Хотя в быстро изменяющейся обстановке, при ведении контрпартизанской борьбы, трудно предугадать все. Но армавиры не имели радиостанции для работы в сети, которую использует армейская авиация, и были лишены возможности подать голос: «Прекратите бомбежку, под крыльями спецназ!» Как и в прошлой кампании, наступаем на те же грабли. А плата за это — десятки человеческих жизней.

Тем временем в прессе былой ажиотаж по этому поводу угас. Наверняка истину похоронят. А мальчишки такие, как Димка, будут лежать в земле. Они за эту землю погибли.

А для родителей погибшего спецназовца станут реликвиями: краповый берет, календарик с дырочками (считал, сколько до дембеля осталось) да крохотный клочок бумаги, пропитанный кровью — квитанция о посылке от друга. И письма со словами: «Все будет хорошо...»

Дима Силаев (справа) с друзьями

нием сына Димы...» На фотографиях Димка улыбается, где застенчиво, где открыто, где смеется. У него ласковые и немного серьезные глаза. Первые месяцы, первые шаги, первый класс, первые успехи в спорте. Грамоты из школы, пионерского лагеря. А рядом с красным черным альбом, в котором фотографии последних двух лет.

Проводы в армию у него были дважды. В конце октября 1997 года приехали к военкомату, и вдруг выяснилось, что произошла ошибка. Тогда был назначен новый день призыва: 11 ноября.

— Он так просил забрать его в первый раз, чувствовал что-то, наверное, — говорит Антонина Петровна, нервно теребя пуговицы черной кофты. — А альбом сам себе выбрал черный, как будто заранее знал...

В таком горе действительно начинаешь воспринимать некие случайности как цепь закономер-

ностей бы 20. А не злой ли рок в том, что в день рождения матери сын приехал домой в цинковом гробу — раньше дембеля на два месяца.

Он не прятался от армии, не бегал, он хотел служить, и непременно в спецназе, и обязательно заслужить краповый берет. Сознательно готовил себя к службе, тренировался, чтобы вынести предстоящие нагрузки. И он попал во внутренние войска, в спецназ. Служил на совесть. Братишки знали, что Димка не подкачает в трудную минуту, что Силаев — самый спокойный и аккуратный в отряде, надежный и справедливый. Он стремился к краповому берету, мечтал войти в элиту спецназа. Первая попытка сдать экзамен окончилась неудачей. Не потому, что не смог. Просто Димка увидел, что один парнишка лежит на дистанции без сознания, и бросился помогать. Вторая удалась — он получил право носить крапо-

**Лейтенант
Александр БУТКЕВИЧ**

Фото из семейного
альбома СИЛАЕВЫХ

Факторы победы

ЧЕТВЕРТАЯ ВЛАСТЬ ИЛИ ПЯТАЯ КОЛОННА ?

Уроки информационной войны на Северном Кавказе

Офицеры ГКВВ МВД РФ полковники В. Журавель и В. Панченков занимаются информационным обеспечением служебно-боевой деятельности войск как в первую, так и во вторую чеченскую кампанию, неоднократно выступали в средствах массовой информации, комментируя действия войск в ходе контртеррорестической операции. Они убеждены, что исход любой современной войны во многом зависит от положения дел на информационном фронте.

УСЛОВИЯ ЗАДАЧИ. ДАНО...

В начале 90-х вряд ли кто из российских политиков предполагал, чем закончится эксперимент с предоставлением безграничного суверенитета субъектам Российской Федерации. Неосторожно брошенная первым президентом России фраза: «Берите суверенитета столько, сколько сможете» — была истол-

кована руководителями на местах в духе времени и подтолкнула их к радикальным переменам. Идея суверенитета в Чечне в конце 1991 года была подменена идеей национал-сепаратизма. За три года Чеченская республика из субъекта федерации превратилась в «свободную криминальную зону», живущую за счет воровства, контрабанды,

фальшивомонетничества, вымогательства, незаконной торговли оружием и наркотиками, похищения людей. На фоне обогащения милитаризованной верхушки, коррумпированных чиновников и дельцов теневого бизнеса население республики оказалось полностью незащищенным. Рабочим и служащим прекратили выдавать зарплату, пенсионерам — пенсии и пособия. Национал-сепаратистами была развернута кампания по насильственному вытеснению из республики русскоязычного населения. Сторонники «суверенитета Чечни», не испытывая угрызений совести, захватывали квартиры, дома, имущество у русских, проживающих в Грозном и прилегающих к нему рай-

онах. Шантажом, угрозами, насилием людей заставляли «добровольно» расставаться со своим добром и убраться из «свободной и независимой» Ичкерии на все четыре стороны. Грабежи, разбои, похищения и убийства людей стали повсеместным и повседневным явлением.

В этих условиях у государства остался один-единственный путь восстановления порядка в Чеченской республике — полное и безоговорочное разоружение бандформирований. Сделать это только силами милиции и внутренних войск МВД России, не имеющих для ведения полномасштабных боевых действий в достаточном количестве ни боевой техники, ни оружия, оказалось невозможно. Возникла необходимость ввода на территорию Чечни воинских частей Вооруженных сил Российской Федерации.

СМИ БЬЮТ ПО СВОИМ

Ввод войск в Чечню обществом был встречен неоднозначно. Некоторые партии и движения резко осудили акцию российского руководства. Они развернули беспрецедентную кампанию очернительства армии и внутренних войск, на плечи которых легла основная тяжесть борьбы с бандформированиями. Защитники Отечества, призванные исполнить ответственной миссию по восстановлению конституционного порядка на территории мятежной республики, подверглись яростной критике СМИ. В чем их только не обвиняли — и в отсутствии профессионализма, и в варварском отношении к мирному населению, и в неуважении религиозных святынь правоверных мусульман. Им приписывались мародерство, взяточничество, неуважение

традиций и обычаев чеченского народа. Напротив, главари бандформирований были представлены такими благородными Робин Гудами, радеющими о благе чеченского народа и ведущими справедливую освободительную войну. Урон, который нанесли СМИ авторитету армии, внутренних войск, удалось восполнить спустя годы. Ангажированные журналисты посеяли в умах россиян зерна сомнения по поводу правомерности и целесообразности действий политического руководства страны на Северном Кавказе. Они подорвали веру миллионов российских граждан в армию, внутренние войска как гарантов стабильности в обществе. На фоне сложной международной обстановки, плачевного состояния отечественной экономики, социального расслоения общества, обострившихся межнациональных противоречий возникла реальная угроза национальной безопасности России. И ее составляющей — безопасности информационной.

С ИНФОРМАЦИОННЫМ ДЖИННОМ ШУТКИ ПЛОХИ

Анализируя уроки чеченской кампании 1994-1996 годов, специалисты пришли к единому мнению: СМИ в современных вооруженных конфликтах, во внутренних или во внешних — безразлично, играют особую роль. Игнорировать их влияние на развитие событий — значит заведомо обречь себя на поражение.

После неудачной попытки восстановления конституционного порядка в дудаевской Чечне о необходимости обеспечения информационной безопасности заговорили на самом высоком

уровне. Отрадно, что дело пошло дальше разговоров. Опыт работы со СМИ был обобщен и использован во время проведения контртеррористической операции в Дагестане и позже в Чеченской республике. Информационной безопасности было отведено важное место в принятой недавно Концепции национальной безопасности.

Неудачный исход первой чеченской кампании стал явной неожиданностью для российского общества, которое, несмотря на антиармейские настроения, привычно считало армию грозной силой. Не удивительно, что она оказалась объектом острой критики в СМИ. Критиковали армию. Критиковали внутренние войска. Критиковали всех, кто имел какое-либо отношение к федеральной группировке, без разбора. Примеров беспардонных публикаций можно привести множество. 23 декабря 1994 года Дмитрий Муратов из «Новой ежедневной газеты» выступил с публикацией «На десаннике — погоны капитана. Среди подлецов он был бы генералом». Речь не о том, насколько соответствуют действительности приведенные факты. Возмутителен оскорбительный тон, в котором автор ведет разговор с читателем. Авторская позиция — позиция не гражданина, а стороннего наблюдателя, смакующего подробности печального инцидента. Вся публикация — сплошное обвинение.

«150 миллионов проиграли одному миллиону. Авиация, артиллерия, ракеты проиграли автомату с гранатометом... Все последние годы нас, журналистов, обвиняли, что мы «мараем армию». А мы отбивались: мол, ругаем министра, плохих генералов, саму же армию не трогаем — она хорошая. Зря заискивали. Армия гнилая насквозь. А кто не

верит — пусть поглядел бы, как из Грозного на БТРах вывозят шифоньеры» — это уже Александр Минкин в одном из сентябрьских номеров «Новой газеты» за 1996 год пинает защитников Отечества.

«Очень странная и бесконечная война — этакий эталон кровавых неудач. Так и хочется спросить: достойно ли России столь бездарно воевать с чеченцами, России, победившей Наполеона и Гитлера?» — бросает свой камешек в огород военных Александр Колпаков из «Московского комсомольца» (смотри «МК» за 11 сентября 1996 года).

У военных свой взгляд на происходящее — федералы несли тяжелые потери, затем были выведены из Чечни не по своей воле, а в результате ошибок политического руководства и развязанной СМИ антивоенной кампании, — но он не интересен «независимым» журналистам.

Генерал армии Павел Грачев считал, что Грозный можно было взять за очень короткий срок, «если бы мы могли действовать по всем правилам военного искусства. То есть если бы мы в течение нескольких дней проводили так называемое комплексное огневое поражение с использованием авиации, артиллерии, других специальных средств... нанеся такой урон противнику, при котором он был бы деморализован или на 60 процентов уничтожен. Только после этого в город можно было бы впускать войска и заканчивать операцию». По словам тогдашнего министра обороны, ему помешало действовать таким образом то обстоятельство, что «сразу же пошли установки: бомбоштурмовые удары не наносить, бить наверняка по тем местам, где есть скопление противника. Ограничение и сдерживание — это уже нарушение законов войны».

Сменивший генерала армии Павла Грачева на посту министра обороны России генерал-полковник Игорь Родионов на пресс-конференции 1 октября 1996 года к числу достижений армии за два года боев в Чечне отнес разгром военной инфраструктуры и авиации сепаратистов, а также уничтожение их боевой техники и крупных вооруженных формирований.

Исполняющий обязанности командующего группировкой войск в дни августовских 96-го года боев генерал-лейтенант К.Пуликовский был убежден, что политики украли у него решающую победу над противником. Выступая на канале РТР 6 августа 1999 года, он рассказал, как после захвата Грозного боевиками в течение 12 дней стягивал федеральные войска с гор и перекрыл все 130 дорог, ведущих в город. В результате, по мнению генерала, в ловушке оказались не только основные силы боевиков, но и их лидеры. В решающий момент политическое руководство страны отдало распоряжение о прекращении огня и боевых действий в Грозном и на всей территории Чечни. По мнению генерал-лейтенанта Пуликовского, это было не чем иным, как политической авантюрой.

Последний командующий федеральной группировкой на территории Чечни в первую кампанию генерал-полковник В.Тихомиров говорил: «Нельзя лукавить, нельзя принимать половинчатые решения, нельзя по три раза захватывать один и тот же опорный пункт и по звонку из Москвы оставлять его, бездарно гробя жизни солдат».

Кто же прав в этом споре — общество в лице СМИ, обвиняющее военных в неумении воевать, или военные, считающие, что виноваты политики, не поз-

волившие армии действовать в полную силу? Этот спор до сих пор продолжается, ибо каждая сторона остается при своем мнении.

КТО ПЛАТИТ СМИ, ТОТ ИХ И ТАНЦУЕТ

Неудача в информационном противоборстве с чеченскими сепаратистами объясняется вполне конкретными причинами. Во-первых, в то время большинство влиятельных российских электронных и печатных СМИ являлись неподконтрольными государству акционерными обществами. Отсюда безответственность и тенденциозный подход к освещению хода вооруженного конфликта, к оценке роли армии и внутренних войск в стабилизации ситуации во взрывоопасном регионе.

Во-вторых, имела место крупномасштабная финансовая подпитка СМИ дудаевским режимом. В результате журналисты стремились преподнести населению России и зарубежных государств только те факты, которые были выгодны лидерам незаконных вооруженных формирований. Определенная доля вины в этом лежит на Министерстве обороны и Министерстве внутренних дел. Два силовых ведомства лучше, чем кто бы то ни было, знающие обстановку, не всегда оперативно обеспечивали журналистов официальной информацией для распространения в СМИ. В результате сведения о происходящих в Чечне событиях черпались из сомнительных источников, контролируемых боевиками. Естественно, что эти события показывались в выгодном для НВФ ракурсе.

Еще одна причина — отсут-

ствии регулярного информирования общественности официальными лицами из правительственных и военных структур о том, что происходит в Чеченской республике, в других субъектах федерации на Северном Кавказе. Российская пресса три года молчала о геноциде русскоязычного населения в Чечне. С введением войск значительная часть прессы объявила войну армии и, по сути, возродила тезис о поражении собственного правительства.

Массовые издания в изобилии помещали фотографии погибших солдат, мирных жителей, искореженной военной техники, а также материалы, негативно освещавшие действия российских войск. Освещение событий в Чеченской республике страдало однобокостью.

В-четвертых, лидеры незаконных вооруженных формирований с первых же дней ввода российских войск на территорию Чечни прочно завладели инициативой на фронте информационной войны. Они использовали любой эпизод, любой повод для развития успеха. Например, полевые командиры возвращали пленных российских солдат только родителям, игнорируя военное руководство, и только в присутствии журналистов.

В результате в России и за ее пределами о действиях российского правительства и группировки федеральных сил в Чеченской республике создавалось негативное общественное мнение. Как справедливо считает один из видных российских военачальников генерал армии М.Гареев, «ни одна армия не может успешно действовать, если, как это было в русско-японскую войну начала века или в Чечне, она морально убивается своими же соотечественниками и СМИ».

События 1994 — 1996 годов в

Чеченской республике показали, что в современном вооруженном конфликте добиться победы только силой оружия весьма проблематично. Отсутствие в стране стройной системы взглядов на формы и способы ведения информационного противодействия противнику привело к тому, что оно свелось к информационному обеспечению боевых действий и приобрело весьма специфические формы — радиоэлектронная (радио- и радиотехническая) разведка, радиоэлектронная и психологическая борьба.

Уже в ходе специальных операций по разоружению НВФ стало ясно, что меры по информационному противоборству чеченским боевикам неадекватны сложности обстановки, а применяемые силы и средства не соответствовали поставленным войскам задачам. В результате не удалось достичь необходимого уровня контроля за распространяемой в СМИ информацией, а информационно-психологическое воздействие на НВФ и местное население было запоздалым и не всегда эффективным.

НА ОШИБКАХ УЧАТСЯ

Какие же уроки извлечены из опыта информационного противоборства в ходе первой чеченской кампании?

Система информационного противоборства — важнейшая составляющая системы национальной безопасности страны. Без нее трудно рассчитывать на успех в разрешении внутренних конфликтов, подобных чеченскому.

В вопросах организации информационного противоборства необходима тщательная координация усилий федеральных органов исполнительной власти и органов военного управления.

Мировое и национальное об-

щественное мнение в поддержку принимаемых военно-политическим руководством мер для разрешения (недопущения, предотвращения) внутренних вооруженных конфликтов необходимо формировать заблаговременно.

В особых условиях может возникнуть необходимость ограничить действие Конституции Российской Федерации в части, касающейся СМИ. Такие ограничения должны быть предусмотрены нормативно-правовыми актами.

СМИ Министерства обороны, МВД, ФСБ, решая задачу информационной поддержки мер по стабилизации обстановки на Северном Кавказе, должны работать в тесном взаимодействии.

Военным структурам, работающим с представителями СМИ, важно оказывать помощь в подготовке таких статей, теле-репортажей, которые бы оказывали существенное влияние на морально-психологическое состояние личного состава, чтобы военнослужащие чувствовали помощь и поддержку в правомерности своих действий.

Уроки чеченской кампании 1994 — 1996 годов позволили осуществить ряд практических шагов по созданию системы информационного противоборства в Российской Федерации.

Опыт, приобретенный в первую чеченскую кампанию, не пропал даром. Его тщательно проанализировали специалисты информационной борьбы. Были сделаны соответствующие выводы. Как следствие, события в Дагестане и позже в Чечне не застали российские власти врасплох.

**Полковник Валерий ЖУРАВЕЛЬ,
полковник Василий ПАНЧЕНКОВ**

(Продолжение следует)

Люди и судьбы

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ НАС ВЫБИРАЮТ...

Третий день листаю блокнот и никак не могу начать материал. Он готов, осталось только написать его, но как трудно найти картинку, с которой начинается эта история.

...Маленькая девочка, закутанная в материнскую шаль, спешит домой из школы сквозь февральскую вьюгу, и аккомпанементом — вой волков.

...Девушка-подросток гордо мчит из школы на подаренном отцом мотоцикле, и соседские мальчишки смотрят вслед с уважением и завистью.

...Юная выпускница медицинского училища в маленьком поселке Горной Шории оказывается сразу в роли начальника фельдшер-

ско-акушерского пункта, и никого не интересуется, есть ли у нее опыт, хорошо ли училась, умеет ли организовать работу. В подчинении — две медсестры. Стационар на десять коек, в который приходят за помощью.

...Начальник солдатской столовой спешит пораньше прибежать на работу, потому что надо успеть квас из пережаренных сухарей поставить, смородину перебрать, проследить, чтобы наряд в столовой порядок навел, а потом еще развод на плачу и долгий рабочий день.

Старшему прапорщику Татьяне Гадалиной некогда особенно вспоминать прошлое — день расписан по минутам: работа, которая не

всякому мужику по силам, трое сыновей, их нужно накормить, научить, приласкать... Родители стареют и слабеют на глазах, им тоже необходимо внимание... Не та ситуация, когда есть время остановиться, оглянуться, задуматься...

Да если честно, оглядываться на прошлое Татьяна Геннадьевна не очень-то и любит. Прошло — и слава Богу. Но все же, когда невольно начинаешь вспоминать, оживают, казалось, забытые лица, и подступают к глазам невыплаканные слезы, и прихватывает сердце...

Самые любимые воспоминания — о детстве. Это уже сейчас, с годами, начинаешь понимать, чего стоило родителям поднять троих детей, как болело сердце матери.

СЛУЖБА

когда каждый день отправляла их в школу через заснеженные поля. А тогда была только радость и гордость за отца, который после работы, в баньке, валял валенки на все окрестные деревеньки, не гнушался никакой работой и мог сделать все в своей кузнице, где маленькая Танечка так любила проводить время.

В год окончания школы из района пришла разрядка — была тогда такая практика — оставлять в вузах места для выпускников сельских школ. Татьяне предложили учиться на физмате пединститута. Но девочке, выросшей возле матери в сельской больничке, было ясно: ее призвание — медицина. И впервые не послушавшись материнских наказов, вместе с подружкой поехала в Омск. Поступать в медицинский институт. Но на лечебный факультет, несмотря на пятёрки в аттестате, одного балла не добрала. И оказалась в медицинском железнодорожном училище. Судьба...

Татьяна пришла в училище, когда набор был уже закончен. Но сыграли роль и высокие оценки, полученные на вступительных экзаменах в институте, и настойчивость, с которой невысокая худенькая девчонка уверяла директора, что ей обязательно нужно стать фельдшером. Зачислили, дали общежитие. И началась студенческая жизнь.

Ярким событием, которое сыграло решающую роль в дальнейшей судьбе, стало избрание Татьяны ответственным за культурно-массовую работу. С ее энергией и организаторскими способностями повернуть что-нибудь интересное труда не представляло. И кто же знал, что обычная дискотека с курсантами танкового училища станет событием судьбоносным? Что старшина курсантской роты сразу заметит яркую, неугомонную девчушку, что его любовь, настойчивость, преданность и терпение вы-

держат и многочисленных поклонников, и годы учебы, и распределение Татьяны в глухомань сибирской Швейцарии?

Он, кстати, считал, что по распределению ехать не обязательно. Татьяна имела право на свободный диплом. Вполне могла в Омске подождать окончания Николаем Гадалиным военного училища. Но не такой человек Татьяна, чтобы искать легких путей. Положено отработать — значит, надо ехать... Чувство ответственности и понимание долга — это на всю жизнь. Татьяна Геннадьевна и после, в самых трудных ситуациях, не будет искать кратчайших путей, но поступать всегда старается так, как считает единственно верным, советуясь в первую очередь со своим внутренним мироощущением, с тем, что великий философ Эммануил Кант назвал нравственным законом внутри нас и считал единственным верным мерилom поступков и помыслов.

Юная выпускница медучилища оказалась начальником медпункта в Мундыбаше, в Таштагольском районе Горного Алтая. В стороне от цивилизации. Сколько справочников пришлось перечитать, сколько бессонных ночей провести... Но как бы трудно ни было, те годы вспоминает Татьяна Геннадьевна с радостью. Впереди — вся жизнь, мир понятен и прост. Каждый отпуск приезжал в гости Николай. Здесь же, на Алтае, сыграли свадьбу. Муж настоял на ее переводе в Омск.

Николай доучивался, а Татьяна сразу пошла работать в «Скорую помощь». Вот где пригодились с таким трудом полученные опыт и навыки самостоятельной работы. Дело спорилось, молодая фельдшер была на хорошем счету, сняли первую квартиру, хозяйка помогала осваиваться в домашнем хозяйстве... Татьяна Геннадьевна считает, что ей всегда везло на людей: о ком ни вспомнит — умница редкая, че-

ловек золотой, так охотно помогал, так много сделал для нее. Наверное, и в самом деле порой везло. Но не все списывается на удачу. Просто в характере самой Татьяны Гадалиной есть та открытость и настроенность на добро, та положительная энергия и доброжелательность, против которых не устоять. Она умеет учиться у других и быть им за это благодарной. Она всегда готова прийти на помощь. Не просто выслушать и посочувствовать, но помочь делом. Ее энергии хватает на всех, кто случайно или нет оказывается рядом.

...Первенец Андрей родился в феврале. А в августе лейтенант Гадалин получил распределение в Прикарпатский военный округ, в Черновцы. Молодой семье выделили место в Доме офицеров, в огромной комнате, в которой уже жили еще один лейтенант с женой.

Три месяца пыталась Татьяна привыкнуть к такой жизни, но когда в очередной раз заболел сын, а мужа услали на полигон — ситуация стала казаться безвыходной. Записалась на прием к командующему округом. И вскоре у молодых была однокомнатная квартира. Правда, ненадолго. Только купили первый в своей жизни диван, только Татьяна устроилась на работу в районную больницу, пришел приказ о переводе в Северную группу войск, в Польшу. Муж отбыл к месту службы, а Татьяна осталась ждать вызова.

Как справлялась работающая мать с малышом, когда не то что родных, знакомых и то рядом нет и помощи ждать неоткуда — отдельная история. Так же, как и отправка контейнера. Юной лейтенантской жене заставить работать выделенных ей в помощь солдат так и не удалось. Они просто разбежались. Это сегодня ни одному сержанту или солдату в части не удается увильнуть от работы, не выполнить распоряжение старшего прапорщика Гадалиной. Но сколь-

ко же лет пришлось учиться командовать личным составом. Сейчас, конечно, смешно вспоминать. А в те дни было не до смеха.

Когда наконец пришли документы, Татьяна тронулась в путь с опозданием. Виза истекла буквально на днях. А в Бресте перед таможенной заболел сын. Свинка.

— Лечить его времени не было, — вспоминает Татьяна Геннадьевна. — Я ему лицо закутала, чтобы в глаза не бросалось, что болен. Укол сделала и все тряслась, чтоб таможенники с поезда не сняли. Новую визу оформлять уже не было сил. Доехала до Легницы, там пересадка. Муж должен встречать. Смотрю — его нет. А я не знаю, куда дальше ехать. Ребенок болен, продукты на границе поотбирали, языка не понимаю, на руках только требование. Хлеб в воде размачивала, сына кормила. Настроение — хоть волком вой. Вдруг слышу — русская речь. Патруль наш идет. Ох, как же я обрадовалась...

Прапорщик из комендатуры банку молока принес, рассказал, как добираться дальше. Купила билет, поехала. Поезда в Польше двухэтажные, мне же интересно — я на второй этаж забралась... Вдруг соседка на меня посмотрела и спрашивает: «Пани россиянка?» Я киваю. Она: «Пани вояка?» Вновь киваю. Она как закричит: «Так то есть ваша станция».

Поезд стоит две минуты. Как я умудрилась с ребенком выскочить и вещи не забыть — сама удивляюсь.

Крохотный полустанок. Поезд ушел, люди разошлись, а я в чужой стране сижу на лавочке и не знаю куда податься.

На мое счастье, подошла машина, кто-то из соседнего с нашим военного городка жену встречать приехал и меня захватил. Подошла я к забору военного городка... А меня не ждет никто. Я когда к командиру части поднялась, он аж встал: «Как к Гадалину? А он на по-

лигоне, никакой телеграммы мы не получали... Да как же вы добрались сюда?» Оказывается, я первая из жен сама приехала...

Поселили нас с сыном в ленинской комнате. А там карты штабные разложены. Андрюша их первым делом тушью залил.

Утром с полигона приехал удивленный и обрадованный муж. Буквально через несколько дней Гадалиным выделили квартиру в доме офицерского состава. И начались гарнизонные будни.

Жизнь в Северной группе войск Гадалиным до сих пор вспоминается как райская. Паек выдавали, снабжение, по сравнению с Россией, сказочное. Никаких очередей, никаких забот. Вскоре Татьяна вовсе повезло — предложили работу медсестрой в детском саду. В те времена — действие происходит в конце семидесятых — устроиться на работу в заграничном гарнизоне было очень трудно. Даже уборщиц и санитарок присылали по контракту из Союза. Считалось, что если работать будут оба супруга, то слишком хорошо жить люди начнут. Вот и сидели офицерские жены дома. С одной стороны — приятно. Всех забот — с соседями пообщаться да из качественных продуктов обед приготовить. А с другой... Скучно. Мужья — на службе, на полигоне, а молодые деятельные женщины сидят дома и одуревают от сплетен и безделья.

Словом, выйти на работу Татьяна было в радость. Организовали детский сад, сделали ремонт. Там и проработала до самого переезда.

В восьмидесятом в Польше начались известные события. Как всегда, на внештатную ситуацию и отреагировали внештатно и отправили жен офицеров и прапорщиков на занятия по гражданской обороне.

А потом объявили полевой выход, часть уходила на учение. Беременных женщин посадили на БМП и отвезли в больницу в горо-

дишко неподалеку — чтобы в ближайший месяц не беспокоиться о них... Там у Гадалиных и родился второй сын Денис.

Через два года пришла пора возвращаться на Родину. А поскольку до сего дня служил капитан Гадалин в престижных местах, разрядка пришла в Среднюю Азию, в крохотный гарнизон в Джамбульской области. Ни отличный послужной список, ни орден Красной Звезды, которым наградили Гадалина в Польше, в расчет не приняли.

Приехали к месту службы, вышли из поезда — пекло, асфальт плавится. Поселили семью в общежитие. Всю ночь чудилось Татьяне, что падает на нее что-то. Николай отмахивался — да спи ты, известка сыплется... Какая там известка — тараканы.

Все непривычно, трудно. Не только продуктов купить негде, вода и то привозная. Не зря это место издавна «долиной смерти» называлось. Ничего, привыкла. Даже работу нашла, в хирургическом отделении районной больницы. Старший сын пошел в первый класс, младший в ясли, квартиру дали. Стала опять потихоньку жизнь налаживаться.

И тут маршал Язов принял решение принимать женщин — связистов и медиков — на военную службу. Рядом стоял батальон стройбата, там искали начальника аптеки. Посоветовалась Татьяна с мужем и согласилась. Так 7 января 1984 года стала она не просто женой офицера, а военным человеком, прапорщиком.

Вскоре уволился начальник медицинской службы, на его место поставили делового, энергичного, знающего прапорщика Гадалину.

— Знаете кого призывали в стройбат? — спрашивает Татьяна Геннадьевна. И не дожидаясь ответа, продолжает: — У нас солдат было больше тысячи, большинство — условно судимые. Объекты разбро-

саны, жара, грязь. Дизентерия. Медикаментов не напасешься, так я на народную медицину перешла. Собирала верблюжью колючку, конский щавель. Понемногу солдаты начали слушаться — «авторитета» на место поставишь, остальные уже стараются не наглеть. Но и хороших ребят было немало. Помогали мне...

Муж заочно поступил в академию, Андрей в школе учился, с младшим братом возился. И от хорошей жизни решила я родить девочку. Вокруг же одни мужики, а мне по гаданиям всяким да по народным приметам выпадала в это время дочка... Пришел срок, посадили на военную машину и повезли за 90 километров во Фрунзе, в больницу. Мужики переживают — дорога долгая, жарко. А я спокойная — не первый, поди, раз в экстремальных условиях...

Вместо девочки родился Илья. Видимо, судьба такая — пацанов рожать. А против судьбы не пойдешь. Не бывает мне тещей...

Через три месяца прапорщик Гадалина вышла на службу.

— Как жили? — переспрашивает Татьяна Геннадьевна. — Да нормально жили. Муж из Москвы смеси детские присылал коробками. Я бабушку соседскую наняла за Ильей присматривать, да и Андрей помогал. Больных в пять утра собирала, в больницу отвозила. По стройкам моталась...

В жизни ничего нельзя загадывать наперед. Особенно человеку военному. Только обустроились, привыкли — мужа перевели слу-

жить в Ташкент. Татьяна с детьми пока осталась в Казахстане. Когда впереди замаячил переезд, Андрей собрался в суворовское училище.

— Не страшно было сына отпустить? — спрашиваю Татьяну Геннадьевну.

— Конечно, и страшновато, и тяжело, — он же мой первенец, главный помощник. Но с другой стороны — вырос он в гарнизонах, видел армейскую жизнь изнутри, раз решил — как могу спорить? А заканчивать школу и потом поступать в училище — в нашем случае

начальника аптеки, меня взяли. Переехали. Потом часть преобразовали в учебный комбинат. Я стала начальником медпункта. Единственная женщина-военнослужащая — русская. Да меня каждая собака знала.

А потом Союз распался, каждое суверенное государство решило жить по своим законам. Люди сразу начали переезжать, а мы все ждали чего-то... Муж в 1994 году перевелся в Сибирский округ. Как говорится, успел запрыгнуть в последний вагон. А я по старой советской привычке осталась ждать, когда ему дадут квартиру — куда с семьей ехать-то...

Денис подрос, по стопам старшего брата поехал поступать в суворовское. Родители постарели, отца парализовало, нужно бы бывать почаще, помогать, а как за тысячи километров можешь? Муж в Новосибирске, сыновья — один в Омске, другой в Екатеринбурге, а мы с Ильей в суверенном

Узбекистане живем в ведомственной квартире, и что завтра будет — не ведаем...

тоже не сахар. В каких только школах он не учился, какие только языки не учил — польский, казахский, киргизский... Выбрал училище в Екатеринбурге. Оставила я младших сыновей на соседей, и поехали мы с ним в Россию. А муж опять был на полигоне, технику в Семипалатинске принимал.

Через два года Андрей решил, что будет, как отец, танкистом. Поступил в Омское училище. Видите, как все по кругу идет...

А я вернулась к себе в часть и стала думать, как перевестись в Ташкент. Приехала к мужу на сутки в гости, прошлась по строительным частям. В одной было место

Узбекистане живем в ведомственной квартире, и что завтра будет — не ведаем...

Когда я поняла, что ничего мужу не светит с жильем, а нам пора уезжать, собрала контейнер, сняла копию с личного дела — а это же не положено, сколько нервов пришлось потратить — и в отпуске поехала на поиски работы. У меня же и срок службы уже не маленький был, да и страшновато без квартиры и без работы. Словом, пошла я в штаб Сибирского военного округа искать себе место. А там сидит важный генерал, смотрит на меня с улыбочкой и говорит: «Я вас сюда не звал, много вас, беженцев». Как

СЛУЖБА

же мне обидно стало! Словно я милостыню у него прошу. А что делать? Выход-то все равно искать надо. Проплакалась и отправилась дальше.

Подсказали мне, что есть в Новосибирске еще и части внутренних войск. Отправилась на разведку — может, там место найдется?

Обратилась к командиру одной из частей подполковнику Панкратову. Он посмотрел документы и говорит: «Идите в строевую, вроде должно у нас быть место». Я так обрадовалась! Но когда пришла в строевую, мне капитан Белкин сказал, что свободна только должность начальника столовой. А я же не первый день в армии, что это за работа, знаю. Да еще часть переезжать собиралась, значит, и ремонт, и обустройство. Вернулась домой, всю ночь не спала. А наутро пошла и дала согласие.

Вещи собрала, Ильюшу посадила в машину — муж, когда уезжал, мне ее оставил, я на ней солдат по больницам возила — и поехали мы с сыном домой, в Россию.

Поначалу в общежитии жили, потом дали квартиру. Старший сын училище закончил, женился. Средний в Омске учится. Илья в школе — теперь с ним уроки учу...

Да и на службе потихоньку дела наладились. Конечно, в столовой работа очень неблагодарная, как всякий домашний труд. Крутимся,

стараемся — а обед закончился, и уже не видно, чем мы занимались столько времени.

Когда часть переехала в новое помещение — были голые стены и три длинных стола. Начали ремон-

тировать, цветы рассаживать, картины да плакаты искать, мебель. Зайдите сегодня — чистота, порядок, уют... Все помогают — и женщины-повара, и работники службы тыла, и солдаты. Другое дело, что это все надо организовать. Людей постоянно не хватает, наряд в столовую собрать не так-то легко. Да что говорить... — машет рукой старший прапорщик Гадалина. — С личным составом проблем хватает. Солдаты — они ж как дети. Их учить и учить... А сейчас и кормить — тоже проблема. Но выход всегда

найти можно. Если рук не опускать.

Если честно, скучаю по медицине... Тут как-то место в медпункте освобождалось, я попросилась перейти — все-таки по специальности буду работать. Не отпустили. Говорят, начальника столовой найти сложнее. А людей-то кормить надо...

«Надо» в жизни Татьяны Гадалиной — ключевое понятие. И как ни напыщенно звучит сегодня понятие Долга, но, наверное, только оно заставляет начинать все заново, несмотря ни на что. Долг перед собой. Перед своими детьми. Перед своей страной, в конце концов, которая не раз забывала и предавала, но любовь — это когда прощаешь непрощаемое. И кто виноват, что выпало нам жить в эпоху перемен, которые все делятся и делятся...

Но грустные эти мысли приходят в голову, когда начинаешь вспоминать, задумываться, анализировать и сопоставлять. Может, и хорошо, что особенно предаваться воспоминаниям начальнику столовой старшему прапорщику Татьяне Геннадьевне Гадалиной некогда. Она живет днем сегодняшним, не пытаясь заглядывать в будущее, не оставаясь в плену у прошлого. Она полна оптимизма и энергии, которые помогают и ей, и окружающим ее людям преодолевать трудности.

А их ох как много в нашей жизни...

**Прапорщик
Евгения БУТОРИНА**

Фото Елены ВЕРЕТЕННИКОВОЙ
и из семейного
архива Гадалиных

Вера

БАТЮШКА В КАМУФЛЯЖЕ

«Ныне, как и всегда, взывает Церковь Русская к защитникам Отечества нашего — воинам армии и флота: будьте достойны своего великого, жертвенного служения. Пусть ненавистники России тщатся разрушить ее силу и мощь, обогатить ее ратную славу, низвести вас на роль рабодушных наемников. Этому, верю, не бывать».

Митрополит Санкт-Петербургский
и Ладожский ИОАНН

«...Крещается раб Божий Александр. Во имя Отца, аминь, во имя Сына, аминь, во имя Святаго Духа, аминь...» Гул двигателей заглушал последние слова таинства крещения. Пилоты знаками показывали священнику, что срочно нужно улетать. А желающих креститься не убавлялось. Когда «вертушка» оторвалась от земли, сквозь шум винтов все еще доносились слова священнослужителя: «Я скоро вернусь, не волнуйтесь...» Бойцы ждали, веря, что батюшка сдержит свое слово. И вскоре он вновь возвращался туда, где идет бой, чтобы божьим словом помочь солдатам и офицерам в их нелегком ратном труде. Вот уже четвертый раз отец Константин отправляется в стреляющий регион. А крещение на вертолетной площадке — обыденный эпизод пастырского служения настоятеля московского храма Святителя Николая. Только вот крестить всех желающих удается

не всегда — даже у священнослужителя на войне каждая минута на счету. Убеден батюшка, что помогает вера служивому человеку в бою, да и на привале душу согревает. Поэтому и не сидится божьему человеку на месте — исколесил Чечню вдоль и поперек. А в жизнь походную втянулся до того, что порой до курьезов дело доходит.

На броне БТРа по пыльной чеченской грунтовке возвращался священнослужитель с передовой. «Ну вот, еще одного «духа» везут», — устало вымолвил один из офицеров, когда увидел на броне в окружении бойцов высокого бородастого мужчину в грязном камуфляже. Чуть погода воскликнул удивленно: «Да это же наш батюшка!» Не сразу узнал он в незнакомце своего соседа по вагончику отца Константина. Камуфляж пылью в мышинный цвет окрашен. Волосы зеленой косынкой повязаны, как у разведчика. В пыли лицо, руки,

берцы. Да, частенько и в камуфляже приходилось ходить батюшке — ряса очень уж привлекательна для снайпера.

Бывало, удивляли служивые священника.

— Двое бойцов на корточках у палатки сидят — курят. Меня завидели, сигареты потушили и наперерез. Подбежали. Один спрашивает: «У вас крестика не осталось?» Нет, говорю, не осталось. Скоро приеду, привезу еще. А другой, черноглазый, боец просит: «Батюшка, а у вас полумесяца нет?» Так это меня тронуло. Пообещал привезти ему. Но, оказывается, полумесяц для мусульманина — всего лишь украшение. А воинам дают шалаим — кожаный мешочек с текстом из Корана. Позднее вместе с православными крестиками и иконками я стал возить на позиции мусульманские шалаимы. И один парнишка, повесив на шею шалаим, воскликнул:

«Приеду домой, скажу, что православный священник дал — никто не поверит».

Однажды ранило в сердце батюшку — без взрыва, без осколков и пуль...

— Молодой парнишка. Врезалось — Сергей. Лежал в госпитальной палатке, там, где тяжелые. Смотрит на меня и как будто молча зовет. Подхожу, а он еле слышно губами одними: «Батюшка, я умираю. Пусть Боженька простит меня».

Глаза его передо мной стоят с поволокой смертельной. Кровь застыла на губах, шепчет: «Отче наш, иже еси на небеси, да святится имя Твое...» И оборвался.

На взлетке ханкалинского аэродрома, приспособленной под плац, торжественное построение полка. Более шести тысяч человек замерло в ожидании. Звуки Преображенского марша. Перед строем святыня полка — Боевое знамя. На ветру развеваются орденские ленты. Знаменщик подходит к священнику. В звенящей тишине далеко слышен баритон отца Константина: «Благословляется и освящается знамение сие воинское в крепость и утверждение христоименному воинству, и в победу на всех врагов. Окропление воды сия священныя во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь». Боевое знамя окроплено святой водой, и батюшка передает его командиру. Такой ритуал состоялся не только в Ханкале, но еще в Калининской, Шали, Борзой. И везде командир полка, перекрестившись и поцеловав знамя, получал его от отца Константина со словами: «Прими хоругвь сию, небесным благословлением освященную. Буде же врагам христианского рода страшна и ужасна... Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь!»

Минуя приказы и директивы, горя желанием помочь воюющим частям, зачастую рискуя жизнью,

отец Константин стремится возродить давно забытый чин полкового священника и уже не видит для себя другого будущего. После многочисленных рейдов на передний край священник стал довольно неплохо разбираться в военной технике, в расположении войск и системе огня. А об одной из бригад внутренних войск с гордостью говорит, что она наиболее близка к идеалу сплоченности и боеготовности. Гордится и тем, что именно во внутренних войсках удалось познакомиться с работой военного психолога из Главкомата ВВ МВД РФ полковника Игоря Соловьева.

— Его брошюра «На войне как на войне» призвана помочь военнослужащему адаптироваться к сложнейшим условиям современного боя. Выживание, по словам автора, строится на таких принципах, как самоконтроль, поддержание здорового климата в коллективе, строгое следование законам военного искусства. Когда прочитал все касающееся первых двух пунктов, обнаружилось — это прямая параллель с моими проповедями, — рассказывает отец Константин. — Неприятие греховных помыслов — это и есть самоконтроль в соответствии с канонами православия. А здоровое общение в коллективе? В этом случае даже автор книги цитирует из Евангелия слова Спасителя: «Чего себе не желаешь, не делай другому» — и приводит их как основу взаимоотношений в воинском коллективе. Отец Константин шутит: «Получается, что я четыре года занимался воинским воспитанием, объясняя солдатам законы православия». Но батюшка стремится не только воспитать солдата, но и помочь ему материально — как может. Привозит на войну гуманитарную помощь, то есть все, чем могут поделиться прихожане: мыло, тетради, подворотнички... Приносят даже горно-

лыжные очки, чтобы боец мог уберечь глаза от пыли при передвижении на броню.

Кажется, совсем недавно приход священника в воинскую часть был редким событием: «А-а, поп пришел! Агитировать будет?» Сегодня ситуация в корне изменилась. Проблема духовного воспитания военнослужащих приобрела особую актуальность и остроту. Именно поэтому возводят полковые храмы, на воинские ритуалы обязательно приглашают священнослужителей. Люди понимают — если армия соединится с религией, Россия будет непобедима. Вспомним Куликово поле, когда Преподобный Сергей Радонежский возвестил святому благоверному князю Дмитрию Донскому волю Божию: «Иди на безбожников смело, без колебаний, и победишь» — и благословил его на битву. Вспомним слова Александра Суворова, адресованные русским воинам: «Чудо-богатыри! Покой, опора, слава Отечества! С нами Бог! Молитесь Богу — от него победа». Вспомним Великую Отечественную войну — знаменитая Сталинградская битва началась молебном перед Казанской иконой Божьей Матери, и только после этого был дан сигнал к наступлению. В годы Великой Отечественной открыли 20 тысяч (!) храмов, и в тех храмах вся Россия молилась, прося у Господа победы. Многие командиры, да и сам Жуков, говорили перед боем: «С Богом». Почему же нельзя оглянуться назад, извлечь урок из прошлого и ввести в штат полка наряду с психологом должность батюшки в камуфляже?

**Старший сержант
Хаким ИБРАГИМОВ,
курсант факультета
культуры и журналистики
Военного университета
Министерства обороны РФ,
стажер редакции журнала
«На боевом посту»**

Наболело

ЧТО-ТО СЛУЧИЛОСЬ В НАШЕМ ГОСУДАРСТВЕ

Дорогая редакция!

Написать вам меня побудили размышления о прошлом и будущем. Служу во внутренних войсках 20 лет. У меня два сына. В советское время государство вместе со мной воспитывало и берегло детей. Не успел привезти жену из роддома, а соседи говорят: приходил участковый врач ребенка осмотреть. Я уж не говорю о прививках — не я за врачами, а они за мной бегали и требовали, чтобы детям сделали необходимые уколы. Зачихал ребенок, заболел — сразу в больницу, как бы чего не случилось. Положат — ни денег не спросят, ни страхового полиса.

Свое детство вспоминаю — сколько заботы о нас было! В 1963 году детсады Волгограда вывезли на отдых в город Сочи. Возможность проводить лето в пионерских лагерях была почти у каждого школьника.

Когда мне пришла повестка в военкомат, в моей голове даже мысли такой не возникало: служить или не служить. Государство столько для меня сделало. Служить ему, родному, я и мои сверстники считали за честь.

Теперь же что-то случилось с нашим государством. Судьба граждан мало волнует его. Ладно, взрослые остались без внимания, но на то они и взрослые, чтобы самим позаботиться о себе. Но при чем тут дети? Детских (56 рублей на одного ребенка в месяц, 112 на двоих) моя жена не видела с августа 1999 года — нет денег. В детском саду, работая помощником воспитателя (раньше их называли нянями), моя жена получает 300 рублей в месяц. Была портничкой-закройщицей, но цех закрыли, и пришлось устроиться туда, где были вакансии. Денежное содержание военнослужащего сегодня сами знаете какое —

слезы. В свое время помотался по горячим точкам. Опасное это, конечно, занятие, но для семейного бюджета выгодное. Командировочные платили не Бог весть какие, но в сумме деньги получались неплохие. Сейчас, к сожалению, должность у меня невыездная. Мои однопольчане в Чечню как на заработки ездят. Я же — мимо кассы. Поэтому и получаю 1050 рублей. Да, да — всего 1050 рублей. Пайковые не платят с апреля 1999 года. В итоге моя семья — жена, двое сыновей и я — имеет 1350 рублей в месяц.

Теперь посчитаем расходы. Квартира, свет, газ, телефон — 200 рублей. В день моей семье необходимо 2 буханки хлеба — 4 рубля 40 копеек $\times 2 = 8$ рублей 80 копеек. На 30 дней — 264 рубля. Проезд жене на трамвае (к месту работы и обратно 4 рубля) — 96 рублей. Это уже 560 рублей. В поликлинике УВД, где мне лечили зубы, за один только укол заплатил 40 рублей. Теперь за бинты, таблетки и обезболивающие уколы даже в поликлинике УВД платишь сам. Ребенка повел на рентгеновский снимок — отдал 80 рублей. А тогда за чем страхового полиса? Медицина стала платной.

Школа требует свое — на охрану дай, на учебники дай, на ремонт класса тоже дай. Что интересно, наркоманам шприцы раздают бесплатно — акция такая, чтоб СПИДом не заразились, а нашим детям прививки за деньги.

Дальше — продукты (хлеб отдельной строкой в бюджете, о нем выше сказано). Вермишель — 12 рублей за кг. Яйца 12 рублей десяток. Мясо — 45 рублей килограмм. Сыр — 88 рублей. Вопрос: как мы с женой и наши дети будем питаться на оставшиеся 690 руб-

лей? А одеваться как? Трусы, носки, рубашки, обувь на какие шиши покупать? Реально на питание остается рублей 250—300 в месяц, а если учесть, что с сентября поборы в школе начинаются, и того меньше.

В августе прожиточный минимум в Волгоградской области составил 1066 рублей на человека — 1298 на взрослого и 951 на ребенка. Значит, прожиточный минимум для моей семьи — 4498 рублей. Имеем же мы 1350. Как жить?

Нам запрещено подрабатывать, и это правильно. Как я буду исполнять свои служебные обязанности, если ночь проведу, разгружая вагоны или охраняя автостоянку? Но поверьте, очень трудно сказать детям «нет!», — когда они просят мороженого или покататься на карусели.

Сегодня 29 августа, а зарплату за август еще не дали. За июль дали 10 августа. Значит, опять занимать на первосентябрьский букет детям. Надоело жить в нищете! Мы же нормальные, живые люди. Хочется купить и телевизор, и холодильник, и что-то из мебели. Зубы вставить, наконец. Но на это уже нет денег. Нет и, наверное, не будет.

Недавно смотрели передачу по телевизору. Депутата спрашивают: сколько получают младшие офицеры в армии? «Тысяч 5-7», — отвечает. Полное незнание вопроса! А ведь говорят, что с 1 января 2001 года мы будем платить подоходный налог — 13 процентов и льготы все отменят. Правда, жалование обещают увеличить — в 1,2 раза. То есть я буду получать на 200 рублей больше, а тратить в 3 раза больше. До работы я добираюсь на автобусе — 2 рубля, электричке — 11 рублей и

ВОЙСКА И ОБЩЕСТВО

на трамвае — 2 рубля. 15 рублей в один конец.

Ради Бога, не подумайте, что я плачусь. Нет! И все же обидно. В дурдоме осужденного за девять убийств кормят на 40 рублей в день — 1240 в месяц. На питание каждого члена нашей семьи получается 5 рублей. Это, по-вашему, нормально?

Не скрою, я на государство в обиде. Но придет время, отправлю сыновей служить в армию, так как только она даст им правильное понимание жизни. Обидно, что государство самоустранилось от подготовки будущих воинов и возложило эту миссию на родительские плечи. Школа, медицина уже платные. В техникумы и институты без денег не попадешь. Значит, в армию придут в лучшем случае со средним образованием. В худшем — с начальным. А справятся ли недоучки с новым вооружением или по старинке будут воевать одним автоматом? Как будут переносить большие нагрузки, если уже сейчас недоедают мяса, молока, овощей? В нашей части многих из прибывших солдат ставят на усиленное питание, так как они имеют недостаточный вес.

А законы? Всем вроде ясно, что если что-то случится с военнослужащим, ему обязаны оказать помощь в гражданской больнице. Ага, разбежались! Мой сослуживец, старший прапорщик Веденеев, внезапно заболел — сердце, давление 230 на 120. От дома до больницы УВД на машине ехать полтора часа. Обратился в 16-ю больницу. Его положили. Но видят, что не справятся, решили перевезти в «Каустик» — крупную районную больницу. С таким расчетом, что, когда там подлечат, переправят в областной клинический центр. Но в «Каустике» заведующая отделением и врач стали требовать страховой полис. Жена Веденева объясняла врачам, что ее муж — военнослужащий. Есть или нет у него полис, врачи обязаны оказать ему помощь. Но ответ был один: пусть несет страховой полис

или едет в свою больницу, увездэвскую. Жена Володи помчалась в райздравотдел. Приехала с запиской. С этой запиской Володя Веденеев зашел к заведующему, упал и помер.

Теперь с ужасом думаю, что будет со мной, окажись я в такой же ситуа-

ции. Ведь тоже живу далеко от своей больницы. И случись у меня аппендицит или приступ какой — ни «скорая» — не повезет она за 5 районов в больницу УВД, ни «Каустик» не помогут. Нет у меня бумажки — страхового полиса. Кстати, врачи, чтоб обезопасить себя, дали заключение, что у Володи с детства якобы был порок сердца. Ага! 20 лет служил, сердце как мотор работало, и вдруг — порок.

Здоровый народ — здоровая армия. Но о каком здоровье народа, здоровье армии может идти речь, если в электричке вместе с родителями и детьми едут бомжи, которые нигде не обследуются и разносят по электричкам, трамваям и автобусам туберкулез и прочую заразу? При советской власти они направлялись в спецприемники. Их отмывали и потом трудоустроивали. Пускай даже принудительно, но они приносили пользу обществу. Ведь не секрет, что часть населения надо заставлять работать.

И еще — об отдыхе. Почему санаторно-курортные мы ни разу на протяжении 6 лет не получаем вовремя? Через месяц, а то и через полгода после отпуска получаем! Имеем право поехать куда-нибудь отдохнуть, но воспользоваться им не можем. Право есть, а денег нет.

Говорят, подавайте на часть в суд, и тогда по его решению она как миленькая все выплатит. А так — не может: распоряжение сверху. Ну не хочу я на родную часть подавать в суд!

На зарплату надо смотреть реально. Журналист газеты получает 5—7 тысяч рублей, на ОРТ и НТВ — в пределах 10-15 тысяч. Военнослужащий, защищающий Родину, — 1000—1.500 рублей! Чтобы обеспечить прожиточный минимум офицеру и прапорщику, имеющему семью, платить им надо минимум 5000 рублей. Но если хотим, чтобы они жили как люди — 10—15 тысяч. В противном случае придет контрактник — будущий прапорщик, послужит годика два и, увидев, что квартиры ему не видать, что семью на причитающиеся деньги содержать невозможно, уйдет, хлопнув дверью.

Сколько хороших ребят потеряли!

До пенсии далеко, а денег на жизнь не хватает. Надеюсь прочитав ответ в журнале.

**Старший прапорщик
Михаил РОМАНОВ**

P.S. Уточню, пайковые нам перестали вылачивать по телеграмме сверху, а не потому, что командир части платить не хочет. В январе, феврале, марте деньги за причитающийся продпайк получили вместе с долгами за прошлый год. Потом пришла телеграмма — выплата пайковых прекратить!

Видно, посчитали, что хватит всем и боевых. Но что делать нам, невыездным?

ГРАЖДАНСКАЯ ЖИЗНЬ СЕРЖАНТА ЛЬВОВСКОГО

В стороне от больших дорог

Есть две России — Россия больших городов, областных и краевых центров и Россия провинциальная, лежащая в стороне от дорог. Именно оттуда и пришло в редакцию нашего журнала письмо читателя. Самая глубинка. Новгородская область, Маревский район, райцентр, село Мареве. Село древнее, первые упоминания о нем в летописях были 770 лет назад. До областного центра — Великого Новгорода — 240 километров, до ближайшей железнодорожной станции — 100, так и хочется сказать, верст.

Я служил в ОМСБОНе

Моя срочная служба пришлось на вторую половину восьмидесятых. Призвали во внутренние войска.

Считаю, мне повезло. И не только потому, что служить попал в Ленинград, но и потому, что часть была особая — Отдельный мотострелковый батальон особого назначения внутренних войск МВД СССР.

Уже после службы говорил со сверстниками — многие мои одноклассники в армии выстрелили из своего оружия три раза перед присягой, и все. Мне же приходилось стрелять из автомата, пулемета, снайперской винтовки и пистолета несколько раз в неде-

лю. Были у нас на вооружении бронжилеты, шлемы, щиты, дубинки, другие спецсредства, о которых в те годы мало кто знал.

Тогда, в 1986-м, мы и представить себе не могли, что все это оружие и спецснаряжение понадобится в нашей стране.

Я был непоседливым сержантом, хотя и на отлично закончил учебу. Были и поощрения, и взыскания. Наверное, офицерам было со мной не просто. И все же спасибо им. Сейчас вспоминаю, как они сутки напролет проводили с нами в казарме. Сергей Паринов — командир учебного взвода, братья-близнецы Кальницкие — один был командиром роты, а второй помощником начальника штаба батальона, замполит Григорий Худин и, конечно, наш взводный Владимир Гришан — «отец родной». Служили у нас ребята со всей страны. Встретиться бы теперь с ними. С Костей Хребтовым, Олегом Ханалайнемом, Сергеем Павловым, Костей Дегтярем.

Советский Союз развалился на моих глазах

Как оказалось, не зря нас гонял прошедший Афган комбат. Он учил нас быть готовыми выполнить любую задачу. Сейчас понимаю, что своими

глазами увидел, как разваливался Советский Союз. Осень 1986-го — Алмата, осень 1987-го — волнения в Прибалтике. Самая тяжелая командировка в 1988 году в Сумгаит в Азербайджане. Страшно было видеть избитых толпой солдат, тела убитых жителей.

Наш батальон встал между враждующими сторонами. Вместе с сотнями других бойцов я участвовал в предотвращении развития конфликта. Наверное, в этом и был наш воинский долг.

И очень хотелось, чтобы такое в нашей стране никогда не повторилось...

О службе, о работе

После службы вернулся домой. Что писать про эти годы, все мы про них все знаем. Наш район небольшой, шесть тысяч сто человек. Работают лишь предприятия по заготовке леса. Рубят, пилят, куда-то увозят. Совхозы, колхозы стоят. Работы нет. У молодежи от безделья просто крыша едет. Смотрел на все это, смотрел, потом подумал: что же я форму домой привез, чтобы лишь 23 февраля в ней за столом посидеть? К тому же давняя мечта у меня была — с парашютом прыгнуть. Ближайший авиаспортивный клуб в Великом Новгороде за 240 км. Но отъездил, прошел подготовку и прыгнул. Впечатления! Такое на

бумаге не опишешь. Уже на земле с начальником клуба Владимиром Симбирским разговорились. О жизни, о службе. Владимир отслужил в российский батальоне войск ООН в Югославии, совершил не одну сотню прыжков. В этом разговоре и родилась идея организовать в Мареве парашютную секцию для молодежи. Клуб прислал инструктора Валерия Губанова, и вскоре 17 наших парней прошли подготовку и совершили первый прыжок. Я и сам не порывал связи с клубом и стал внештатным инструктором парашютной подготовки. На моем счету сегодня уже 19 подготовленных парашютистов. Работали бы и дальше, да парашютный спорт — дело дорогое и на прыжки у маревцев просто нет денег.

Хотя сегодня для многих все упирается в деньги, можно найти для подростков хорошее и нужное дело, не требующее особенных средств. В местной школе я веду туристическую секцию. В 1996 году наша команда даже заняла первое место на областном конкурсе. И несколько лет работает в районе поисковый отряд. Ищем на местах боев Великой Отечественной войны останки наших воинов и перезахораниваем их. Бои в Новгородской области были жестокими, и этой работы нам хватит еще на много лет.

Здесь была война

Сначала собираем информацию о местах боев. Работаем в архивах, да и старики еще войну помнят. Они и рассказали, что под деревней Поля нашего района в 1942 — 1943 годах шли ожесточенные бои и линия фронта постоянно менялась.

Экипированные, с запасами на несколько дней работы выехали к месту боев. Высота 258,5 несколько раз переходила из рук в руки. Сегодня она заросла лесом, а, видимо, до войны, здесь что-то старательно возделывали. Остались собранные в груды крестьянские камни. После войны никто уже здесь ничего не сажал. Слишком много мин, неразорвавшихся снарядов в земле, да и сама она настолько набита осколками, что буквально звенит под металлоискателем. До сих пор видны линии окопов, ходы сообщения, воронки от разрывов, ямы на местах блиндажей, сквозь клубки проржавевшей колючей проволоки проросла трава. Три группы поисковиков с миноискателями обходят высоту. Вот ящики от боеприпасов, орудийный лафет. Легко находим несколько мин на флан-

гах позиции. В одной из воронок вновь запищал датчик миноискателя. Саперной лопаткой осторожно снимаем грунт и обнаруживаем ствол винтовки. В магазине осталось два патрона. Рядом останки солдата.

Боец погиб на подступах к высоте. Его каска в пробоинах, медальона нет. Каблуки ботинок совсем не сношены, может, и погиб он в своем первом бою. И теперь, даже найденный и захороненный поисковиками, останется солдат безымянным. Ни клочка бумаги с какими-нибудь данными, ни документов, ни медальона не уцелело за пятьдесят пять лет, прошедших после войны.

Наша группа поднимается на высоту, проделывая тот путь, на котором погиб неизвестный солдат. Всего в этот день найдены останки девяти бойцов. На вершине перед сохранившимся «дегтярем» останки двух немцев, значит, в том бою высота осталась за нами.

Отработав под деревней Поля, мы вернулись в Мареву, чтобы готовиться к новым походам.

Наверно, можно долго читать

учебники, готовить доклады и рефераты по Великой Отечественной войне, получать хорошие и отличные оценки, но для моих ребят куда важнее эти несколько дней, проведенные на безымянной высоте посреди политой солдатской кровью новгородской земли.

Что будет завтра?

Сегодня все заняты выживанием. Только и говорят кругом об экономике да о политике. По-моему — будущее нашей молодежи — эта тема должна быть главной. Если мы не решим проблему молодежи, не решим и проблему будущего страны. Не воспитаем должным образом наших мальчишек — не будет нормальной армии, силовых структур, а значит, и порядка в стране. Тогда на государственном уровне можно поставить крест. Не думаю, что в нашем провинциальном Мареве мы сможем решить такие глобальные задачи, но те ребята, что прошли парашютную подготовку, сегодня служат в армии без нареканий со стороны командиров. Двое из них воюют в Чечне. Значит, все-таки и нам что-то удалось сделать.

Организовать бы в нашем Мареве настоящий военно-патриотический клуб. Правда, своими силами здесь уже не обойдешься. Для нас сегодня достать форму или простой миноискатель — порой неразрешимая проблема.

Может, есть в стране люди, занятые организацией таких клубов? Пусть помогут хотя бы советом.

Храни вас Бог, братишки!

Зима для поисковиков — мертвый сезон. Хотя отслужил я давно, но, занимаясь с ребятами, словно бы продолжаю «тащить службу». Занят подготовкой стенда для краеведческого музея. Стараясь следить за происходящими в родных войсках событиями. Сейчас наши солдаты и офицеры воюют в Чечне. Воюют за Россию. Каждое сообщение, что они приняли бой, заставляет сильнее стучать мое сердце. Храни вас Бог, братишки! Держитесь, ваше дело правое.

**Сержант запаса
Владимир ЛЬВОВСКИЙ**

Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА

Село Мареву, Маревского района,
Новгородской области

Сердитое письмо

Исторической правды ради

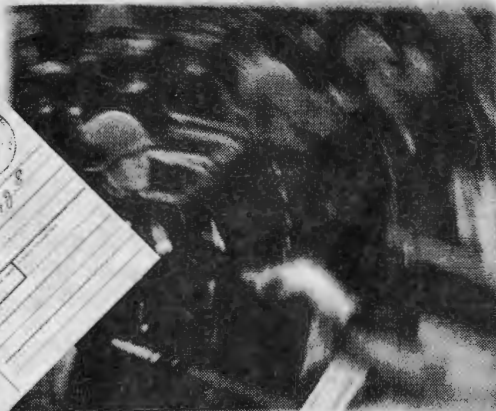
Об историческом Параде Победы, состоявшемся 55 лет назад на Красной площади Москвы, известно, казалось бы, все — из военно-патриотических трудов, мемуаров полководцев и воспоминаний рядовых участников того события, из публицистических и даже поэтических произведений. Автору настоящих заметок тоже случилось писать о воспитанниках войск — командире особого батальона, бросавшем трофейные знамена к мавзолею, Дмитрии Вовке и правофланговом первой шеренги Федоре Легкошуре. Но вернуться еще раз к Параду Победы заставил меня не только роскошно изданный пятитысячным тиражом том «Победители», который сам по себе заслуживает обстоятельного разговора, а и некоторые озорчатые факты, касающиеся некоторых последних публикаций о параде, в том числе и в уважаемом мною журнале «На боевом посту».

Ну мыслимое ли дело — увидеть в июньском номере приуроченную к Параду Победы статью Станислава Петракова «Наши воины на Параде Победы», статью, поданную крупно и броско, но исторически невежественную, безграмотную и беспомощную! Могут сколько угодно обижаться на меня и ее автор, и те товарищи, которые готовили ее к печати, но иной оценки я дать не могу.

В первой же фразе статьи буквально бьют наповал сразу две ошибки. Читаю: «25 июня 2000 года исполняется 55 лет со дня первого Парада Победы на Красной площади». За одну «открытую» здесь дату первого парада даже школьнику поставили бы «двойку». А затем

тии наших войск в Параде Победы, тем более что материала предостаточно. И... абсолютно ничего не рассказал. Прочитайте статью внимательно и хоть с лупой поищите, где там говорится о внутренних войсках. Называются как-то мимоходом Д.Вовк и несколько фамилий военнослужащих 3-го мотострелкового полка, выделенных в его батальон. Так ведь и тут даже Ф.Легкошкура, первым бросившего в позорную свалку личный штандарт фюрера, не упомянули. Между тем их вес во второй части парада (когда закончился марш сводных полков десяти фронтов и полка военных моряков) был очень значителен. В парадный расчет входили две наши дивизии — 1-я мотострелковая (ОМСДОН) имени Ф.Дзержинского во главе с генералом И.И.Пияшевым и 2-я мотострелковая, сформированная в Москве в начале войны и вскоре после этого парада расформированная, во главе с генералом В.В.Лукашевым. И кавалерийский полк ОМСДОНа с полковником А.Ф.Васильевым во главе шел отдельно, а не в составе какой-то «кавалерийской бригады», как о том написал С.Петраков (бригады такой вообще не было). Кроме того, в параде артиллерии участвовали два наших артиллерийских новгородских полка — полковника С.С.Богачевского и полковника П.С.Великанова. Я уж не говорю о том, что в сводный оркестр, которым руководил генерал-майор

дом Д.Вовк и несколько фамилий военнослужащих 3-го мотострелкового полка, выделенных в его батальон. Так ведь и тут даже Ф.Легкошкура, первым бросившего в позорную свалку личный штандарт фюрера, не упомянули. Между тем их вес во второй части парада (когда закончился марш сводных полков десяти фронтов и полка военных моряков) был очень значителен. В парадный расчет входили две наши дивизии — 1-я мотострелковая (ОМСДОН) имени Ф.Дзержинского во главе с генералом И.И.Пияшевым и 2-я мотострелковая, сформированная в Москве в начале войны и вскоре после этого парада расформированная, во главе с генералом В.В.Лукашевым. И кавалерийский полк ОМСДОНа с полковником А.Ф.Васильевым во главе шел отдельно, а не в составе какой-то «кавалерийской бригады», как о том написал С.Петраков (бригады такой вообще не было). Кроме того, в параде артиллерии участвовали два наших артиллерийских новгородских полка — полковника С.С.Богачевского и полковника П.С.Великанова. Я уж не говорю о том, что в сводный оркестр, которым руководил генерал-майор

как понимать «первый парад»? Разве был еще второй, третий и т.д.? Этот был единственный, не имеющий повторений и аналогов, и если уж автор хотел так подчеркнуть его первенство в ряду других, то мог бы смело сказать: парад парадов.

Вначале мне подумалось, что 25 июня — это просто техническая погрешность, опечатка (все равно недопустимая!), поскольку в том же абзаце указывается, что И.В.Сталин назначил парад на 24 июня. Так ведь дата — 25 июня — повторяется еще раз уже в конце статьи. Значит, не опечатка.

Судя по названию статьи, автор (кстати, научный сотрудник Центрального музея внутренних войск МВД РФ) хотел рассказать об учас-

тии наших войск в Параде Победы, тем более что материала предостаточно. И... абсолютно ничего не рассказал. Прочитайте статью внимательно и хоть с лупой поищите, где там говорится о внутренних войсках. Называются как-то мимоходом Д.Вовк и несколько фамилий военнослужащих 3-го мотострелкового полка, выделенных в его батальон. Так ведь и тут даже Ф.Легкошкура, первым бросившего в позорную свалку личный штандарт фюрера, не упомянули. Между тем их вес во второй части парада (когда закончился марш сводных полков десяти фронтов и полка военных моряков) был очень значителен. В парадный расчет входили две наши дивизии — 1-я мотострелковая (ОМСДОН) имени Ф.Дзержинского во главе с генералом И.И.Пияшевым и 2-я мотострелковая, сформированная в Москве в начале войны и вскоре после этого парада расформированная, во главе с генералом В.В.Лукашевым. И кавалерийский полк ОМСДОНа с полковником А.Ф.Васильевым во главе шел отдельно, а не в составе какой-то «кавалерийской бригады», как о том написал С.Петраков (бригады такой вообще не было). Кроме того, в параде артиллерии участвовали два наших артиллерийских новгородских полка — полковника С.С.Богачевского и полковника П.С.Великанова. Я уж не говорю о том, что в сводный оркестр, которым руководил генерал-майор

С.А.Чернецкий, входили оркестры семи полков внутренних войск, а заместителем главного дирижера был наш полковник В.И.Агапкин из дивизии имени Ф.Дзержинского.

Всего в Параде Победы от внутренних войск (без учета личного состава двух артиллерийских полков, сведений о которых в справочнике не оказалось) участвовало 35 рот (из 298) численностью 4169 человек, 7 кавэскадронов (из 13), 18 артиллерийских батарей (из 151), 72 орудия (из 386). Вот как в действительности выглядели наши воины на Параде Победы. Внушительно, не правда ли?

И это не просто цифры, свидетельствующие о празднично-парадной стороне дела. За ними — оценка вклада внутренних войск в победу над врагом. Это главное, о чем данные цифры говорят.

Что касается качества прохождения войск торжественным маршем, то в справке Управления военного коменданта города Москвы, где почти всем парадным расчетам сделаны те или иные замечания, обе наши дивизии, кавполк и оба артполка выделены в лучшую сторону как заслужившие только отличные и хорошие оценки.

Обо всем этом можно узнать из справочного тома, богато иллюстрированного, насыщенного документальными материалами, о котором упоминалось в самом начале заметок. Книга издана по решению правительства Москвы в знак благодарности защитникам Отечества, отстоявшим его в суровые годы Великой Отечественной войны. Открывается она обращением Ю.М.Лужкова.

В самом начале тома помещен приказ Верховного Главнокомандующего И.В.Сталина от 22 июня о проведении парада, а закрывается том его же приказом от 26 июня, в котором дается высокая оценка состоявшемуся параду и объявляется благодарностью всем его участникам.

Хочется попутно заметить, что в материалах, посвященных Пара-

ду Победы, которые были опубликованы различными изданиями, мне неоднократно пришлось встретиться с домыслами, вольностями и фантазиями. Пользуясь случаем, укажу на некоторые из них.

В период подготовки к выборам в Государственную Думу 1999 года я дважды читал, что 24 июня 1945 года Знамя Победы мимо Мавзолея пронес В.И.Варенников. Еще раньше довелось прочитать, что Знамя Победы нес на параде трижды Герой Советского Союза А.И.Покрышкин, а ассистентами у него были М.Егоров и М.Кантария. И это выдумка журналиста: Покрышкин на Параде Победы нес штандарт 1-го Украинского фронта.

К сожалению, в сборнике «Победители» о Знамени Победы вообще нет никакого упоминания.

Сталкивался и с таким утверждением, что особый батальон Д.Г.Вовка шагал «под дробь сотен барабанов», хотя точное число их — 80 — известно. Это, конечно, не столь принципиально, но историческая правда не повредит.

Теперь несколько замечаний по содержанию хорошей и нужной в общем-то книги, из которой всякий интересующийся подробностями подготовки и проведения парада 24 июня 1945 года узнает много нового, получит массу полезной информации. Однако, на мой взгляд, есть в ней немало лишнего, несущественного — скажем, о том, каковы у каждого из генералов были размер талии и объем грудной клетки (сведения, запрашивались интендантами для пошива парадного обмундирования). Или, скажем, заявки на предмет оформления маршалским и генеральским женам пропусков на Красную площадь в день парада.

И, наконец, последнее. Как могло случиться, что при столь весомом вкладе внутренних войск в Парад Победы, никто ныне — ни из Главкомата, ни из Центрального музея, ни из Центрального архива — к подготовке книги не привлекался? Ни в редакционной комиссии, ни в

редколлегии, ни в авторском коллективе, ни, наконец, в составе научно-вспомогательной группы, считающейся около 50 человек, я не нашел ни одной знакомой фамилии. Стоит ли удивляться, что в материалах, относящихся к войскам, оказались белые пятна — да не фигурально, а буквально. Вместо портрета генерал-майора В.В.Лукашева — белое пятно, вместо портрета полковника А.Ф.Васильева — то же самое. Справки обо всех наших командирах (за исключением, может, С.С.Богачевского) крайне неполные, зачастую неточные. О И.И.Пиляшеве сказано, что он награжден орденом Красного Знамени, тогда как парадный мундир генерала 24 июня был украшен орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени и рядом других высоких боевых наград. Полковник П.С.Великанов представлен снимком в гимнастерке с одной капитанской «шпалой» в петлице, и сказано, что он «награжден медалями». Это командир-то артполка, получивший за освобождение Новгорода орденом Александра Невского.

Я не стал столь придирчиво вчитываться в материалы, не относящиеся к внутренним войскам. Но удивило меня, например, что о Л.И.Брежневеве, чей портрет законно помещен в числе участников парада от 4-го Украинского фронта, сказано как о трижды Герое Советского Союза, тогда как в действительности это звание ему присваивалось четыре раза. Не упомянуто, что он награжден орденом Победы. Не станем вдаваться в тонкости и правомерность этих послевоенных почестей. Но, чувствуя, что в данном случае мы имеем дело не с опечатками, а с определенным умыслом, напомним: историю улучшать и ретушировать не следует. Что было, то было. Главное, чтобы из прошлого потомки научились извлекать настоящие уроки.

Генерал-майор в отставке
Илья БЕЛИКОВ

Не все твоя тут, Порта, казнь
 Не так тебя смирать достойно,
 Но большу нанести боязнь,
 Что жить нам не дала покойно.
 Еще высоких мыслей страсть
 Претит тебе пред Анной пасть?
 Где можешь ты от ней укрыться?
 Дамаск, Каир, Алепп сгорит;
 Обставят русским флотом Крит;
 Евфрат в твоей крови смутится.

МИНИХ — В РОССИИ, РУССКИЕ — В КРЫМУ...

Так писал Михаил Васильевич Ломоносов о победе русских войск в войне с Турцией в 1739 году. Успешное окончание «войны пяти лет» давало бы русским выход к Черному морю и обезопасило бы южные области России от набегов крымских татар. Турция, подталкиваемая к войне французами, пыталась перехватить инициативу на юге. В Константинополе знали: русские воюют с Польшей. Однако русские дипломаты подписали договоры с Ираном, враждовавшим с Турцией (были возвращены земли, занятые русскими в 1722-1723 гг.). Еще в 1726 году был заключен русско-австрийский союз. В 1735 году на польский престол вступил Август III, прекративший войну с восточным соседом. Все это обезопасило тылы русской армии.

Частые набег крымцев на Украину и поход хана Каплан-Гирея на Кавказ Россия использовала как повод к войне. За спиной крымских ханов стояла мощная военная сила Османской империи. Активные действия начались в мае 1736 года, когда Донская армия генерала Ласси осадила Азов, а в конце июня крепость была взята при поддержке Донской военной флотилии.

Еще во времена царевны Софьи в 1687 году русская армия согласна договору с Польшей выступила в 1-й Крымский поход. И хотя стольники князя Борис Долгорукий и Юрий Щербатый явились на смотр «в черном платье», главнокомандующий князь В.В.Голицын велел жестоко наказать «шутников» и отдал при-

каз идти в Крым. Тогда татары выжгли степь на 200 верст. Голицын возвратился в Москву ни с чем. Позже союзника — гетмана Самойловича обвинят в измене и сошлют в Сибирь, на его место будет избран Мазепа. Софья Алексеевна, наградив Голицына 1000 дворов и золотой братиной, все же не смогла скрыть явную неудачу. Следующий поход вновь возглавил Голицын. В 1689 году к нему примкнули войска Мазепы. Объединенные силы встали перед Перекопом. Не хватало воды: русские решили отступить. Их преследовали вражеские силы. Когда Голицын и другие начальники, вновь награжденные Софьей, явились к Петру с благодарностью, молодой царь даже не пустил их к себе. Крымское ханство оставалось опасным южным соседом России.

А насколько успешными были

походы в Крым в 30-е годы XVIII века? Обратимся вновь к событиям русско-турецкой войны. Осенью 1735 года отряд генерала Леонтьева нанес ощутимый урон крымским войскам. И хотя была теплая, ясная погода, русские дошли только до Мертвых вод. Гололедица и падеж лошадей не позволили продолжать движение. Офицеры и драгуны возвращались из похода пешими.

Первые удачи русских в Крыму пришли на 1736 год. В апреле Днепровская армия Б.Х.Миниха (он также командовал всеми вооруженными силами в этой войне) двинулась в Крым и в конце мая успешно штурмовала перекопские укрепления. Русские устремились в глубь полуострова. 16 июня был занят Гезлев (Евпатория), 28 июня — столица Крымского ханства Бахчисарай. Эрнст Миних — сын военачальника, известный мемуарист — так описывал эти события:

«... Сей город найден почти совсем опустошенным, и сверх некоторых старых людей, никакого другого там не было, как трое или четверо католических патеров, один французский консул и несколько жидов. Какие там не обретались в домах пожитки и приборы отданы солдатам в добычу, и все строения выжжены. Дворец хана ... в целости не оставлен. Он построен на турецкий вкус весьма красиво... Все сие столь великолепное здание ... разграблено и в пепел обращено. Любопытнейшие и позолоченные украшения с кровлю отосланы ... в Санкт-Петербург».

Бахчисарай был тогда центром ремесла и торговли Крыма. Никогда не пустовали хлебный, овощной и соляной базары. Немалый доход приносили многочисленные лавки и мастерские. Бахчисарайский дворец был заложен при сыне хана Менгли Гирея — Адиль-Сахиб-Гирее и зани-

мал более 4-х гектаров. У западных ворот дворца цвели фруктовые сады, давшие название городу (в переводе с тюркского «бахчисарай» — «дворец-сад» или «дворец в саду»). Французский посол граф Сегюр писал в 1787 году, что этот дворец, частично переделанный князем Потемкиным, повторяет в миниатюре стамбульский Сераль: «Акмететь, обыкновенное место пребывания... Калга-султана или полководца татарского, подобной участи была подвержена. Неприятель устранился российских войск до того, что скрывшись в горах, показывался оттуда армии не иначе как малыми толпами и притом издали». Непривычно жаркий климат, недостаток воды, болезни — все это отнимало силы у русских. Начались эпидемии. Армия Миниха отошла на Украину.

Нам известны лишь немногие события этой войны. Мало известен и главнокомандующий — фельдмаршал Миних.

Бурхард Христофор (Христофор Антонович) Миних родился в 1683 году в графстве Ольденбург (Германия). Начал служить военным инженером в 1700 году. Сведения о России, о Петре I, конечно же, доходили до него. Он служит во французской, польско-саксонской армиях, в войсках небольших немецких государств. Важное событие в его жизни произошло в 1721 году. Петр I, показывая А.К.Нартову чертеж нового укрепления Кронштадта («выдуманного генерал-поручиком Минихом»), говорил: «Спасибо Долгорукову (в эти годы посланник в Польше)! Он доставил мне сего искусного инженера и генерала... Я покажу... что я умею достойных и знающих генералов награждать». Главное — вовремя появиться, быть нужным царю Петру и России. В этот год Россия станет империей,

Петр I — императором. Закончится многолетняя Северная война — будет повержена Швеция и Россия выйдет на Балтику, а значит, в Европу. Петр поручает Миниху сделать проекты Рогервикской гавани и Ладожского канала. В последние годы жизни император о нем скажет так: «Из всех иностранцев, бывших в моей службе, лучше всех умеет предпринимать и производить великие дела. Содействуйте ему во всем!» Приведем некоторые из обязанностей генерала Миниха: строительство шлюзов на реке Тосна, прокладка Шлиссельбургского тракта, с 1723 года — руководство работами на Ладожском канале. С 1727 года Миних — обер-директор над фортификациями. Реконструируется Петропавловская крепость (по проекту Миниха Иоанновский и Алексеевский рavelины), возводятся укрепления в Кронштадте. Он участвует в проектировании крепостей Выборга и Шлиссельбурга. В 1727 году Екатерине I был представлен проект защиты Петербурга от наводнения (однако тогда эту работу Миниха не оценили).

В начале 30-х годов произошли благоприятные изменения в снабжении, комплектовании, обучении войск России. Основывается 1-й кадетский корпус, и Миних становится его главным шефом. Правительство Анны Иоанновны решает создать 10 кирасирских полков, улучшается обучение, денежное довольствие рядовых и офицеров этих частей. Все это связано с именем графа Миниха, губернатора Ингерманландии, Карелии и Финляндии, а с 1732 года президента Военной коллегии. Война за польское наследство выдвигает Миниха командующим регулярной армией: осада Данцига была в 1734 году его первым опытом в такой должности. Энергия и личное мужество Миниха давали его подчиненным «надежду вели-

кую». Позже прусский король Фридрих II назовет его «русским принцем Евгением» (Савойским). Он имел все достоинства и недостатки великих полководцев...

Таким он встретил войну с турками и татарами.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление, раскрывающее еще одну сторону деятельности фельдмаршала Миниха.

Принято считать, что внутренние войска ведут отсчет своей истории с 1811 года. Однако еще более ранним, специально выделенным служащим контингентом в истории России можно считать службу профосов (от немецкого слова, обозначающего «смотритель за арестованными, за порядком»). Профосы, появившиеся еще в XVIII веке, выполняли полицейские обязанности. Они периодически использовались для исполнения приговоров суда, поимки и истребления восставших, беглых преступников, усмирения неповиновений, для конфискации запрещенных товаров, сбора податей, для охраны порядка во время стихийных бедствий.

В России по штату 1711 года служило 2 генерала-профоса, 75 полковых и более 660 ротных профосов, причем в полках они просуществовали до 1868 года.

Профосы были не так заметны, как служащие российской полевой пехоты (даже их форма одежды отличалась от повседневной формы рядовых и унтер-офицеров пехотных (мушкетерских и гренадерских) полков, тем самым подчеркивался особый характер службы профосов), однако выполняли очень важные обязанности.

Если взглянуть на «Штаты полевого пехотного полка 1732 года», то по документам Российского государственного военно-

исторического архива Миних подписывает в их штат профосов: два человека в мирное и два в военное время. Профосы встречаются и в «Штатах гвардейской пехоты», в Преображенском, Семеновском и Измайловском полках. Миних, как президент Военной коллегии при императрице Анне Иоанновне, придавал немаловажное значение этому контингенту военнослужащих.

Капитан-поручик армейской пехоты (начало XVIII в.)

С 1736 года на профосов-оставников решили возложить миссию по освоению восточных земель за реками Волга и Кама. В слободах было приказано строить церкви и при них школы для солдатских детей. Для защиты от набегов степняков поселения снабжались оружием и порохом. Хотя отвыкшие от крестьянского труда старые вояки и неохотно шли на это, постепенно земли осваивались. В приказном порядке к 1738 году было направлено 4152 человека.

В 1737 году союзники России австрийцы обязались наступать в Валахии и Боснии. 10 июля Днепровская армия Миниха (60—70 тысяч человек) подошла к Очакову и через 3 дня крепость взяли штурмом. Но командующий, оставив там 8-тысячный гарнизон, приказал отходить на Украину. Более успешно воевал Ласси во главе своей Донской армии. На судах Донской флотилии из Азова войска переправились через Генический пролив на Арабатскую стрелку, а в июле, перейдя Сиваш, вступили в Крым. Это было повторено в 1920 году М.В.Фрунзе и в 1943 году в ходе Мелитопольской операции против фашистских войск. Хан Фетхи-Гирей понес большие потери в ряде стычек с русскими. Войска Ласси обошли перекопские укрепления, разбили на реке Салгир 15-тысячный крымский отряд и погнали неприятеля до самого Бахчисарая. Тогда хан рыл свою главную силу в горах. Русские заняли Карасубазар (Белогорск), но недостаток запасов пищи и воды опять сыграл злую шутку — Крымский полуостров необходимо было оставить. Тем же летом в войну вступила Австрия. Турецкое правительство предложило сесть за стол переговоров, и в августе 1737 года в Немирове (на Украине) был созван конгресс с участием трех сторон (России, Австрии, Турции). Турецкое командование выиграло время для подготовки к новым сражениям, а разногласия между Австрией и Россией облегчили турецким дипломатам решение их проблем — военные действия продолжились. В 1738 году были отбиты набеги крымских татар, однако радости крупных побед в этом году Россия и ее союзники не испытали. Эпидемия чумы преследовала русских. Войска оставили Очаков и Кинбурн. Русские войска переместились на Украину, полностью оставив тер-

риторию ханства. Май 1739 года: 58-тысячная армия Миниха выступила на Хотин. 13 августа расположились за Днестром. Через две недели, после отражения вражеских атак, войска, ведомые Минихом, перешли в наступление: нападению подвергся лагерь турецкого Вели-паши у Ставучан. Вместе с пашой билась конница крымского хана Ислам-Гирея численностью до 50 тысяч человек. На турецко-татарское войско обрушился удар 48 тысяч русских штыков и огонь 250 орудий. Лагерь штурмом был взят. Попытки контратаковать были отбиты русскими, 30 августа 1739 года гарнизон Хотина сдался, а 12 сентября войска Миниха заняли Яссы. Завершить войну полной победой помешали австрийцы. Они заключили тайный мир с Турцией. На севере возникла угроза войны от шведов. Белградский мир, подписанный 29 сентября 1739 года, завершал изнурительную войну. По условиям этого мира Россия возвращала себе Азов, Большая и Малая Кабарда признавались нейтральной зоной между Россией и Турцией. Воевавшие страны получили равные права на возведение крепостей. России запрещалось иметь флот на Азовском и Черном морях, что было самым неприятным условием. Главная задача на юге — получить выход в Черное море — не была решена. Лишь в 1774 году, после Кючук-Кайнарджийского мира, договор 1739 года аннулировали.

На первый взгляд исход войны был неудачным. Но возможны и другие выводы. Россия впервые после Прутского похода Петра I нанесла серьезное поражение Турции. Был восстановлен баланс сил на юге империи. Крымские ханы надолго запомнили эту войну. Миних упоминает в своих мемуарах: турки и татары «стали уважать» и «почитать» российские войска и хоро-

шо обращались с пленными. Татары, заметил он, говорили, что русские теперь не те, что прежде, если раньше «десять татар обращали в бегство сто русских», то теперь сто татар отступают при виде десяти русских». Князь Голицын, известный государственный деятель XVII века, не обладавший талантом полководца, не смог разгромить «южного соседа» в 1687 и 1689 годах. Он лишь блокировал силы крымско-

Капитан армейской пехоты
(начало XVIII в.)

го хана, изолировав их от армии султана. Поэтому походы Миниха (1736г.) и Ласси (1737г.) можно назвать первыми успешными экспедициями в Крым. Впервые потомки золотоордынских ханов были биты на своей земле.

Всерьез ли говорила о своем полководце императрица Анна Иоанновна: «Господин Миних скромн, я всегда думала, что он будет просить у меня титул великого князя Московского»? Сам же Миних в своих записках приписал себе народные прозвища — «Столпа Российской империи» и

«Сокола, который видит все». Важно другое: победа 1739 года была главным военным успехом в карьере Миниха. Ведь именно этому посвятил свою грозно-торжественную оду Ломоносов.

...Умерла императрица, и Миних содействует Бирону стать регентом при малолетнем Иване Антоновиче (сын Антона-Ульриха и Анны Леопольдовны), затем готовит заговор против курляндского герцога, и в ночь на 9 ноября 1740 года Бирон был арестован по приказу Миниха. Имя Миниха стояло вторым в списке новых назначений принцессы Анны Леопольдовны (он объявлялся главой Совета и первым министром). Но короткое правление Миниха не оставило заметного следа в истории России. Интриги Остермана заставили полководца уйти в отставку. А в ноябре 1741 года последовали арест, заключение в крепость и суд. Миниха приговорили к смертной казни четвертованием, но на эшафоте в январе 1742 года прозвучал указ о помиловании и ссылке в Пелым. 20 лет он провел вдали от столицы. В 1761 году указом Петра III его вернули, восстановили в чинах, и вновь он командовал крепостями и портами в Прибалтике и на Ладожском канале.

Скончался Миних в 1767 году и был погребен близ Дерпта, в имении Луния. Он вполне соответствовал облику «птенцов гнезда Петрова». Петр I ценил его, и сам Миних всегда старался следовать примеру своего учителя. По значимости фельдмаршал не уступает «птенцам» Петра — героям пушкинской «Полтавы». Но его не было под Полтавой в 1709 году — он появился в России позже. И оказал ей немало услуг.

Саркис АРУТЮНОВ

Николай
БЕРЕЗОВСКИЙ

Николай Васильевич БЕРЕЗОВСКИЙ родился в 1951 году в семье военнослужащего. Срочную служил во внутренних войсках. Окончил Литературный институт им. А.М.Горького. Автор нескольких книг стихов и прозы. Некоторые его рассказы были экранизированы. Член Союза писателей России. Живет и работает в Омске.

КАЛЕНДАРЬ ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ ДАТ

Чем протяженной
жизненная нить,
Тем больше ощущаешь
в слове силы:
До смерти можно
правдой оскорбить,
А ложью —
огорошить до могилы.

И я, когда навеки отлюблю,
И свежий холмик
забелит пороша, —
Ни ложью никого не огорошу,
Ни правдой никого
не оскорблю.

Но перед тем, покуда жив,
пойму
Я тайну слова,
что из сердца рвется:
Пока я сторож слову моему,
Пока оно в других
не отзовется.

ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ

А в доме пусто. Тишина.
Отцовские медали...
Как будто вновь пришла война,
И всех на фронт забрали.

Сижу — живой и неживой,
Над стопкою тоскую,
Как будто признан к строевой
Негодным подчистую.

Как будто за окном не май
Девятый день на свете,
И сух отцовской стопки край —
Как будто я в ответе.

Как пусто в доме.
Тишина...
Отцовские медали...
Как будто бы на мне вина,
Что мы другими стали.

Я выпью горькую до дна,
Но сердцу нет свободы.
Как будто вновь пришла война,
А до Победы — годы.

ЧИТАЯ РУБЦОВА

Открою книгу на страницах,
Какие Бог пошлет открыть,
Я буду плакать и молиться,
И умирать, и снова жить.

Я про судьбу свою узнаю
С рожденья до заката дня...

Нет, не поэта я читаю —
Поэт читает про меня!

Он ныне смотрит,
как с иконы,
На тех,
кто дружбою клялись.
И грустно мне,
что мы, Николы,
В Литинституте не сошлись,

На Добролюбова, в общаге
Не пригубили «Каберне»,
И что теперь другие стяги
Над ним полощут.
И по мне...

От козней недругов устав,
В ответ не сыпь хулой.
Свечу во здравие поставь,
А не за упокой.

Пусть даже здоровствует подлец,
Плывет его ладья
По жизни этой
В тот конец,
Где Бог ему судья.

И счастлив тот,
Кто в жизни смог
Жить помыслом одним:

ЛИТЕРАТУРА

Да будет милосерден Бог
К обидчикам моим.

ПОПРАВКИ ВРЕМЕНИ

Когда я молод был и вечен,
Без денег даже на кино,
По воскресеньям, под вечер
Балет смотрел в ЦПКиО.

Там на зачуханной эстраде
Под семечки и пьяный бред
Бесплатно
Просвещения ради
Бил ножками кордебалет.

В прожекторах белее мела,
С глазами красными, как кровь,
Душиль обманутый Отелло
Свою неверную любовь.

Италия. Верона. Площадь...
Ромео немощен и сед.
Да и Джульетта, словно лошадь,
Которой, верно, сорок лет.

Но как же мило улыбалась
Она, чтобы затем не встать.
И ничего не оставалось,
Как танцу сопереживать...

Искусство или речка Лета
Виновна в том (поди проверь!),
Что вспоминается Джульетта
Такою юной мне теперь...

ДЕВОЧКА ЛЕНОЧКА

Все продается, что покупается.
Все покупается, что продается...
Девочке Леночке жизнь
улыбается,
Девочка Леночка жизни смеется.

Пусть в синяках у девчушки
коленочки,
Детство не мается
прошлою болью.
Нету вкуснее для девочки Леночки
Хлеба горбушки, посыпанной
солью.

Мама ее не совсем безработная,
Мама у Леночки очень красивая.
Со стороны —
ну совсем беззаботная

С дядями
черными, рыжими, сивыми...

Может, порою мечтается
девочке,

Кто-то из них
вдруг окажется папой
И разорится на «сникерс»
для Леночки
Или на палочку
с сахарной ватой.

Мама и дядя смеются
за стеночкой,
Что-то там делая,
меры не ведая.

Слушая смех, улыбается Леночка,
Хлебом, посыпанным солью,
обедая.

А телевизор на кухне приглушенно
Гонит с рассвета
сплошную эротику.

Девочка Леночка, хлебушко кушая,
Держит ладошку для крошек
у ротика.

Ей все равно,
где порно, где эротика.
«Мама» еще говорит она еле...
Девочке Леночке
только два годика.
И далеко ей еще до панели.

МАСТЕРСКАЯ

Памяти А.Темерева

В той мастерской —
Светло и пусто.
А ночью будет здесь темно,
И пахнуть квашеной капустой
Еще сырое полотно.

Художник водку пьет с поэтом,
Энергослужбу материт,
Но к ночи
Из дневного света
Светильник яркий смастерит.

Испуганный ночной прохожий
Подумает, бросая взгляд,
Что, разумеется, негоже

Жечь по ночам по столько ватт.

Уйдет во тьму и не узнает:
К беде иль к радости спеша,
В ночном окне горит святая
И беззащитная душа.

КАЛЕНДАРЬ ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ ДАТ

Перед Богом
Нувориш и нищий,
Царь и раб,
Генерал и солдат —
Все равны,
И строкою Всевышний
Вносит каждого
(Каждый не лишний)
В календарь
Знаменательных дат.

В нем о каждом —
Отдельной строкою —
Не в разброс,
Не в подгон,
И не в ряд.
Ведь у Бога
Всегда под рукою
(Нам без разницы знать
Под какою)
Календарь
Знаменательных дат.

...А я богатым был всегда.
Жизнь проплывет,
как по экрану,
Когда я перед дверью встану,
Ведущей, может, в никуда.
Поскольку осознаю вдруг,
Что всем
в наследство оставляю
И близкий лес,
И дальний луг,
И горизонт, златой по краю,
И солнце,
И ночной сполох,
И ветвь несломанной сирени,
И от свечи на стенах тени,
И выдох свой —
кому-то вдох...

Николай КАЗАКОВ

Рис. Е. Спиридонова

Глава седьмая

1

То, что она врет, Мишин понял сразу.

После предыдущих встреч с Баранчеевой, а они происходили у нее на работе, у Мишина сложилось о ней представление как о женщине властной, жесткой, решительной, но одновременно настолько трепетно любящей своего единственного избалованного, непутевого сына, что на первый взгляд было просто удивительно, как в этой царственной особе уживаются эти две половинки. Когда Людмила Станиславовна говорила о сыне, а о нем она говорила постоянно, то казалось, что рассказывает она не о восемнадцатилетнем защитнике Родины, а о восьмилетнем шалуне, решившем в очередной раз разыграть свою любимую мамочку...

— Увы, у меня ничего нового... — в который уже раз

притворно вздохнула она и по слогам повторила: — Ничего.

Врет же ведь, врет!.. Но смысл?

Он чувствовал, что ее так и распирает от какой-то тайны, которую она не собиралась ему рассказывать. В этот момент она была похожа на маленькую девочку, случайно подсмотревшую, где мальчики делают тайнички, и не спешившую об этом рассказать своим подружкам, а обдумывающую, как бы посмотреть, что в них находится.

Никудышная из вас актриса, Людмила Станиславовна, подумал Мишин, все ваши чувства написаны на лице.

Но легче от этого не становилось...

Что она может скрывать? Что?

И Максима неожиданно осенило: кроме информации о том, что ее сын жив-здоров, скрывать ей больше нечего!

Какая еще может быть для матери радость в этой си-

Окончание. Начало в № 9

туации?! А говорить об этом она не хочет. Неужели потому, что знает о его преступлениях? И покрывает его?

Спокойно, спокойно, остудил себя Мишин, пока это только догадки.

— Вы уже обратились в детективное агентство?

— Пока еще нет. Я надеюсь, что, как и в первый раз, Альберт погуляет и вернется. — И добавила: — На десять суток.

— Они истекают завтра, — как бы между прочим заметил Максим.

— Спасибо, я знаю.

Мишину показалось, что последняя фраза прозвучала с интонациями «Спасибо, до свидания!». И в подтверждение того, что их малосодержательная беседа подошла к концу, Людмила Станиславовна встала и, тяжело переставляя ноги, прошла по комнате.

Максим продолжал сидеть. Свой уход он считал пока преждевременным.

— Людмила Станиславовна, а вы от сына никогда не слышали фамилии Пущин и Лазарев?

— Это кто еще такие? Товарищи Альберта по училищу?

Максим покачал головой.

— А кто же? — еще больше удивилась она, словно, кроме училищных друзей, никаких других у ее сына и быть не могло.

— Ну не слышали, значит, не слышали... — Мишин пожал плечами.

— Нет уж вы мне скажите, кто эти люди! — Она выпятила нижнюю губу и стала похожа на маленькую обиженную девочку. Но в голосе звучал начальственный металл.

— А о Шлеме и Зубре вы тоже никогда не слышали?

— Может, вы перестанете говорить загадками? — Металла в голосе заметно прибавилось. — Не забывайте, что мой сын пропал, и мне важно знать любую информацию, касающуюся моего ребенка!

Переигрывает, явно переигрывает, подумал Мишин и неторопливо встал с кресла. А впрочем... Ведь и на самом деле может их не знать.

— Зубр и Шлем — одни из городских неформальных лидеров.

— Альберт никогда не был связан с дурными компаниями, — отрезала она, но почти сразу, словно до нее дошло что-то очень важное, спросила: — А что вы этим хотите сказать?

— Несколько дней назад их нашли мертвыми, — ровным голосом произнес Максим, глядя ей прямо в глаза.

Кровь отхлынула от лица Баранчевской, оно стало естественно светлым, почти белым, руки мелко затряслись, взгляд забегал по стенам, переместился на потолок, затем спустился на ковер, замер на носках ее красивых, вышитых бисером домашних тапочек, она несколько раз сглотнула и с трудом выдавила:

— Вы думаете, он имеет к этому отношение?

— Людмила Станиславовна, пока рано делать какие-либо окончательные выводы...

Мишин говорил, а сам думал о том, на какой узкой полоске между правдой и неправдой ему придется балансировать. То, что Баранчевская ему врала, еще не дает ему права на ложь.

Но и лжи-то пока никакой не было, остудил он себя. Я сказал ей абсолютную правду. Пущин и Лазарев, эти Зубр и Шлем, убиты. А то, что она усмотрела в этом связь со своим сыном...

А ведь усмотрела же!

— И вы думаете, что мой Альберт имеет к этому какое-то отношение? — повторила она и быстро на него взглянула: — У вас есть факты?

— Людмила Станиславовна...

— Вы не ответили на мой вопрос!

Максим понял, что она начинает оправляться от потрясения, первая волна шока от нее отступает, и ее голос снова приобретает жесткость. Она напоминала Мишину самку, готовую пойти на все ради защиты своего детеныша.

И Максим решил сделать хитрый ход.

— Людмила Станиславовна, вы преувеличиваете мою роль во всем этом деле. Я не более чем исполнитель мелких поручений... Просто мне показалось, что я чьему-то смогу вам помочь. Как матери. — Последнюю фразу он специально выделил голосом. И заговорил тихо и вкрадчиво: — Мы же с вами делаем одно общее дело. И мне тоже очень хочется, чтобы с Альбертом было все в порядке. И он не оказался замешанным ни в каком грязном деле...

— Боюсь, что мы с вами опоздали... — Впервые в ее голосе прозвучали нотки обреченности.

— Людмила Станиславовна, никогда не поздно Альберту еще чем-то помочь. Если бы вы были со мной до конца откровенны... Может, тогда общими усилиями... Мы никогда не должны терять надежды... Только в тесном союзе с вами мы можем чего-то достичь... Командование училища так надеется на вас...

Максим говорил какие-то общие слова, которые постороннему человеку могли показаться ничего не значащими. Но он изо всех сил старался вложить в них особый смысл, который — он так на это надеялся — был бы нытен этой раздираемой противоречиями женщине.

Он в упор смотрел на Людмилу Станиславовну и чувствовал, что в ее душе происходит ожесточенная борьба между желанием что-то рассказать и стремлением продолжать все скрывать.

Видя ее смятение, Максим с напором продолжил:

— Людмила Станиславовна, ваше положение в городе... Ваш авторитет... Ваши связи, в конце концов... Прошу вас, не усугубляйте положение... Общественное мнение — вещь очень капризная... Не мне вас учить... Я просто хочу помочь вам и Альберту... Еще же совсем не поздно...

— Все, все, подождите! — резко оборвала она.

«Вот и договорился!» — промелькнула мысль у Максима. — Сейчас меня будут выставлять...»

И совсем другим тоном Баранчеева продолжила:

— Подождите минуточку!

В ее голосе совсем не осталось начальственных ноток. И Максим увидел бесконечно уставшую, запугавшуюся в проблемах стареющую женщину, которую мало кто любит в этой сумасшедшей жизни и которая наконец-таки отважилась на решительный шаг.

— Я сейчас...

2

«Мама, я попал в неприятную историю. Возможно, об этом уже говорит весь город. Поверь, в этом не только моя вина. Мне бы очень не хотелось тебя расстраивать, но так уж вышло.

Мне необходимо на время скрыться. Прошу тебя, если ты меня любишь, не ищи меня и никому не говори про эту записку.

ЭТО В МОИХ ИНТЕРЕСАХ!!!

Мама, мне нужны деньги. Много. Не менее пятидесяти тысяч долларов. Наличными. Можно и больше. Эти деньги мне должны помочь ВЫЖИТЬ. Потом я тебе все объясню.

В среду ты должна с деньгами сесть на электричку, которая отправляется с Северного вокзала в 21.50. Стой в последнем тамбуре последнего вагона. Ты должна быть одна!

Умоляю, никому не говори про записку.

Люблю, обнимаю, целую.

Твой сын Альберт».

Мишин еще раз перечитал записку, аккуратно свернул ее по линии сгиба и положил на журнальный столик.

Она была написана угловатым подростковым почерком на листке, вырванном из тетрадки в клетку. Было заметно, что человек, который ее писал, старался. Никаких помарок. Внизу стояла витиеватая подпись. Молодым людям часто кажется, чем замысловатей подпись, тем большую солидность она им придает.

— Теперь вы все знаете, — нарушила начавшуюся паузу Людмила Станиславовна. — Не знаю, почему я это сделала... Я не выполнила просьбу сына... Он меня теперь не простит... — Она говорила тихим бесцветным голосом. — Но я это сделала... Раз уж вы многое знаете и подозреваете моего сына в... — она надолго задумалась, — в участии в чем-то противоправном... Может, вы и правы, совместными усилиями мы сможем ему помочь гораздо лучше. Я найму лучших адвокатов... Я не пожалею никаких денег... Боже мой, Альберт, что же ты наделал!.. — Она неожиданно встрепенулась. — Впрочем, я бы никогда так не поступила, если бы не одно «но».

Мишин слушал ее не перебивая. Баранчеева покачала головой, взяла записку, развернула ее и снова положила на стол.

— Все дело еще и в ней. Она мне сразу не понравилась.

— В ней что-то не так?

Людмила Станиславовна грустно усмехнулась.

— В ней очень многое не так... — И быстро заговорила: — После того, как у меня прошла эйфория, я стала анализировать эту записку, и мне начали приходить мысли, что с моим сыном что-то не так. — И, перехватив недоуменный взгляд Мишина, пояснила: — Я имею в виду не его... противоправный поступок, а само ее написание.

— И что же вас в ней смутило?

— Может, конечно, я и избаловала своего сына, но я всегда знала ему цену. Мой сын никогда не смог бы написать такой грамотной записки...

— Вы хотите сказать, что писал не он? Что это не его почерк?

— Почерк-то его, и писал он, я в этом абсолютно не сомневаюсь. Но вы обратите внимание, как написано. — Она подчеркнула слово «как». — Мало того, что почти без ошибок, но, главное, совсем без помарок!

— Вы хотите сказать... — начал Мишин.

Но Баранчеева его сразу перебила:

— Я хочу сказать, что он явно несколько раз ее переписывал.

— Но зачем? — искренне удивился Максим.

— Вот и я думаю — зачем? Альберт редко мне писал письма, а тем более записки, а если и писал, то это было что-то невообразимое. Мысли путались, строчки належали друг на друга, миллион ошибок, сплошные зачеркивания, исправления...

— А может, он специально ее переписал, чтобы у вас не возникло никаких двусмысленностей в толковании текста? Ведь разговор идет о больших деньгах и о его дальнейшей судьбе...

— Может, конечно, и так, но меня смущает еще и другое.

— Что именно?

— Он назначил мне встречу в электричке. — многозначительно произнесла Баранчеева.

— Вы видите в этом что-то странное? Вас смутило место, время или что-то еще?

— Все! И место, и время... — добавила: — Но больше, конечно, место.

— В этом есть что-то необычное?

— Он знает, что я никогда не езжу в электричках... Не думайте, это не прихоть богатой женщины. Я родилась и выросла в деревне, поэтому, если надо, могу ездить и на лошади, и на телеге... Дело в другом. И Альберт прекрасно знает мою историю.

Людмила Станиславовна задумалась и неторопливо начала рассказывать.

— Это случилось в день окончания института. Нам вручили дипломы, и после небольшого банкета мы с подружкой довольно поздно возвращались домой. Перед самым городом вышли в тамбур. Подружка закурила, а я просто стояла рядом. Вдруг появились пьяные парни и стали приставать — девочки, давайте познакомимся. А подружка на банкете вдрызг разругалась со своим женихом. Можете представить, какое у нее было настроение?!

ЗАПОЗДАЛОЕ ПРИЗНАНИЕ

Она этих ребят и отшила. Очень резко. Матом. Одному из них это не понравилось, он достал нож и пырнул ее... Потом выяснилось, что он буквально накануне вернулся из тюрьмы и с дружками отмечал свое возвращение... А подружка моя умерла... — Людмила Станиславовна сделала паузу. — Я... Знаете, так часто бывает, когда мать пытается внушить ребенку какую-то мысль... Я воспитывала Альберта одна... Альберт был поздним ребенком. Он родился, когда мне было за тридцать. Я стремилась от всего его уберечь, застраховать. А уж как просила Альберта не ездить по вечерам в электричках! А если уж приходится ехать, то не выходить в тамбур... — Она тяжело вздохнула. — Я понимаю, что это мой комплекс... И вдруг он мне назначает встречу не только в вечерней электричке, но еще и в тамбуре...

— А может, он таким образом хочет вас о чем-то предупредить?

Словно не услышав его вопроса, она добавила:

— И еще одно. Он никогда не говорил и не писал про свою любовь ко мне...

Людмила Станиславовна закрыла ладонями лицо и заплакала.

Глава восьмая

1

Формально проверить, могли ли Сизов и Баранчев уйти в самоволку, Мишину было достаточно просто. Он пригласил в канцелярию начальника курса заместителя командира взвода младшего сержанта Курлянского и попросил достать рабочую тетрадь, в которой тот, согласно распоряжению начальника училища, отмечал всех отлучающихся в любое время, кроме свободного. Такая практика возникла не так давно и называлась ужесточением контроля за перемещениями подчиненных.

Курлянский вытащил из полевой сумки толстую тетрадь.

— Какое число вас интересует?

— Двадцать первое.

— А время?

— Самоподготовка. — И уточнил: — С семнадцати до двадцати часов двадцати минут.

— Так, смотрим... Баранчев. Был отпущен мною в санчасть. К зубному врачу. Сизов... Так, Сизов во время самоподготовки занимался в пятом корпусе в читальном зале. С моего разрешения.

— А они точно были в тех местах, куда отпрашивались? Ты не проверял? — на всякий случай спросил Мишин, хотя заранее был уверен в ответе.

— Товарищ старший лейтенант, — протянул Курлянский, — да если я всех буду проверять, то у меня времени на учебу совсем не останется.

Все становится на свои места, размышлял Максим, отпустив замкомвзвода, главное — официально отпроситься. А там уж шуруй куда хочешь!

2

Я накинул куртку, выключил свет и собирался уходить, но зазвонил телефон.

— Редакция, слушаю вас!

В трубке послышался испуганный девичий голос:

— Ой! Здрасьте... А тут ваш телефон написан...

— Здрасьте-здрасьте. А тут — это где?

— В газете.

— И в этом есть что-то странное?

— А я думала, что это телефон военного училища.

— Училища? — Я сел в кресло и включил настольную лампу. — А при чем здесь училище?

— Нет, правда, как-то странно... — вместо ответа задумчиво произнесла девушка. — Сообщают о розыске курсантов, а отвечает телефон редакции.

— Так вы по поводу Баранчева и Сизова?

— Да, — и сразу себя поправила: — то есть я по поводу только Сизова. Баранчева я не знаю...

— У вас есть информация, где он находится?

— Откуда ж я это могу знать-то? — искренне удивилась девушка.

— Подождите, а что вы тогда хотите сообщить?

— Да я вообще-то ничего не хотела сообщать. Я у вас хотела спросить — он не отыскался? Я так волнуюсь... — Мне показалось, что она всхлипнула.

— А вы ему кем приходиться?

— Я... Мы жениться собирались... В августе... А тут такое... — Она снова всхлипнула. — Так он еще не появился?

— А вы когда его последний раз видели?

— На позапрошлой неделе. Я лежала в больнице, и он приходил навещать. Потом я получила направление на обследование в Москву. Десять дней меня в городе не было. Сегодня вернулась, и мне на глаза попала ваша газета с сообщением, что они пропали... — Девушка надолго замолчала, а потом неожиданно выдала: — Это я во всем виновата!..

3

Она расплакалась. Я еще раз убедился, что нет глупее и неблагодарнее занятия, чем успокаивать девушек по телефону. Но я своего добился, она перестала реветь и, только продолжая шмыгать носом, рассказала свою историю.

Так же, как и Сизов, она воспитывалась в детском доме. В больницу попала полтора месяца назад. Сделали операцию. Врачи обещали скорое выздоровление, но потом заявили, что требуется повторная, гораздо более серьезная. И стоит она громадных денег — около тысячи долларов. Но для начала нужно обследоваться в Москве.

— Я решила от операции отказаться. Ведь денег-то нет! Думала: съезжу, обследуюсь, вернусь и скажу Володе, что все нормально. А там будь что будет! Но перед самым отъездом нервы не выдержали. И я все рассказала. Он меня отругал и заявил, что деньги найдет... Я его пы-

талась отговорить — деньги-то, может, и можно занять, но вот отдавать-то как?! Тогда он мне сказал, что у них во взводе есть курсант, у которого богатая мамаша, и у самого денег немерено. Что с ним можно договориться. И, пусть даже под проценты, занять нужную сумму. А отдавать... А отдавать, говорит, это не твое дело! Сказал, я мужик, я придумаю, как выкрутиться из этой ситуации...

Под конец разговора, когда девушка совсем успокоилась, я выяснил ее фамилию, адрес и на всякий случай попросил, если Володя объявится, обязательно об этом сообщить или мне, или в училище. Но лучше мне. Проще будет объяснять. Ведь мы уже знакомы.

Я повесил трубку и подумал, что шансов получить от нее информацию практически нет никаких...

Глава девятая

1

Свой доклад на утреннем совещании о происшествиях и преступлениях за ночь дежуривший по отделу Дворецкий начал с убийства в наркологическом стационаре. Жертвой стала молодая пациентка, накануне поступившая на лечение.

— Дожили! В больницах стали убивать! — Начальник отдела нервно прохаживался по узкому проходу между столами сотрудников. — И как это произошло?

— Никто ничего не видел и не слышал. Шум подняла ее соседка, когда палата была уже полна дыма.

— Дыма? — Лицо полковника Завьялова вытянулось.

— Да. Все из палаты выскочили в коридор, началась паника — пожар! пожар! А когда стали тушить, то выяснилось, что горит, точнее тлеет, постель этой девушки. — Дворецкий заглянул в блокнот. — Сидоровой Марины. Медсестра скинула с нее одеяло, а там два пулевых ранения в области сердца.

— Знакомое сочетание — выстрелы и поджог...

— Предвечный уже изучает пули, но, думаю, и так все понятно.

— Да-а, — протянул Завьялов. — Это у нас уже четвертая жертва одного и того же пистолета?

— Четвертая. Степан Петрович, четвертая...

2

Григория Ивановича Кравцова, главного врача наркологического стационара, Дворецкий застал в его кабинете. Он сидел за столом и что-то быстро записывал. Увидев Дворецкого, с которым они были знакомы, Кравцов встал и протянул руку.

— У нас все в шоке. — И неожиданно спросил: — Убийца — кто-то из своих?

— То есть? — не понял Дворецкий.

— Я имею в виду, из пациентов? Из тех, кто сейчас лежит в стационаре?

— А вы думаете, к вам сложно попасть постороннему?

— Через приемное отделение никто не проходил. Это совершенно точно. Там всегда находятся и врач, и медсестра.

— А окна, другие входы?

— На окнах первого этажа везде решетки. А вот входы... — Кравцов покачал головой. — В общем-то да. Есть двери, которые легко открыть снаружи... Значит, чужак?

— Григорий Иванович, следствие только началось...

— Понимаю, понимаю... Готов ответить на любые вопросы!

— Сидорова поступила к вам вчера. Так? — Главврач кивнул. — Она сама пришла?

— Да что вы! Ее доставила «скорая». Такие сами не приходят. Тем более в таком состоянии. Передозировка. Еще бы чуть-чуть — и все. Еле откачали.

— А вы не знаете, когда Сидорова пришла в себя, она ничего не говорила?

— Об этом лучше спросить у врача реанимации. Или у медсестер.

3

— Она как чувствовала, что ее должны убить. — Медсестра, с которой разговаривал Дворецкий, курила и длинным холемым пальцем нервно стряхивала пепел в жестянку, стоящую на подоконнике. У нее были длинные стройные ноги, смазливая мордашка, и Дворецкого отвлекал глубокий вырез на ее халате. — Нам долго с ней пришлось возиться. И только она пришла в себя, сразу начала просить, чтобы ее куда-нибудь спрятали. Представляете? Она так и сказала: «Спрячьте меня! Они и здесь меня найдут! И убьют!»

— А почему вы не вызвали милицию?

— Шутите? — Она вскинула тонкую бровь. — Это же просто бред у нее начался! Они почти все бредят, когда очухаются. И если всегда вызывать милицию... У нас и времени-то на другие дела не останется.

— И все говорят, что их хотят убить? — вернул Дворецкий.

— Ну не все... — Она глубоко затянулась. — Но бывает. А эта как в воду глядела.

— И о чем она еще бредила?

— О какой-то вроде машине сожженной. Об очищении огнем, что ли. Чуть какая-то! И все повторяла: «Я боюсь, я боюсь! Мне страшно! Они уже ищут меня!» В общем, вкололи мы ей успокоительное. — И неожиданно медсестра заключила: — Спрятали...

4

По адресу Сидоровой, который Дворецкий выяснил в приемном отделении, дверь неухоженного частного дома ему открыла не старая еще женщина в дырявой, замызганной кофте и драных тапках. Даже беглого взгляда на нее было достаточно, чтобы заключить — пьян.

— Тебе чего, красавчик? — Она поскребла грязными

ЗАПОЗДАЛОЕ ПРИЗНАНИЕ

ногтями рыхлый нос, покрытый тонкими синими прожилками.

Дворецкий показал удостоверение.

— Ого! — протянула она. — И какие такие пути-дороги тебя привели?

— Марина Сидорова здесь живет?

Дворецкому показалось, что она облегченно выдохнула.

— Живет-то здесь, да только опоздал ты, красавчик. Вчера «скорая» ее забрала. Так что шуруй-ка ты в больницу со своими вопросами-допросами.

— «Скорая»? А что с ней такое случилось?

— А такое с ней и случилось, что нечего гадость всякую по венам пускать. Вот и допускалась!

— А она наркоманкой, что ли, была? — Дворецкий изобразил удивление.

— Наркоманкой-куртизанкой... — И поняв, что сказала что-то не то, быстро себя поправила: — Не! Мужики-то к ней не особо шастали.

— А вы ей кем приходитеесь?

— Я-то — соседкой-домоседкой. — И охотно пояснила: — Братец мой жил во второй половине этого дома-хорома. А как помер прошлой весной, так я и решила: чего дому стоять-пустовать, лучше сдам его квартирантам-аспирантам. А чего? — с вызовом спросила она. — Есть у меня такое право! Моя собственность, чего хочу, то и вочую!

— Она одна здесь жила?

— Да по-всякому... Она ж детдомовская, девочка-припевочка. Я и денег-то с нее почти не брала. Так, бутылочку-другую мне поставит, и — спасибо-на-здоровье.

— Так «скорую» вы для нее вызывали?

— С чего бы это вдруг? У нее ж был какой-то хахаль-махаль. Вот он и вызвал.

— Так он с ней живет, этот хахаль-то?

— А я знаю?! Может, и с ней. У нас входы-выходы-то разные. Я не слежу, кто к ней шастает. А вчера гляжу — Бог ты мой Иисус Христос — «скорая» подъехала к дому. Я на улицу. Мама родная, зима холодная — Маринку на носилках выносят. Бледная как смерть... Не-е, не белая — синяя! Во! Я к врачу. Говорю, мне, как матери-героине, вы можете сказать, что случилось? А она мне так с пренебрежением, мол, следить лучше надо за дочкой, чтоб не росла наркоманкой. Скажите спасибо дочкиному приятелю, что «скорую» вызвал. А тут он подскокил, хахаль-этот-махаль. Спрашивает, жить-то будет? А она ему — будем стараться... Вот тебе и все дочки-матери до копейки.

— И больше хахаль не появлялся?

— А мне кажется, больше и не появится.

— Это почему?

— Ругались они последний день очень сильно. Спорили о чем-то. Если у меня в половине никто не шумит-кричит, то слышно, что творится в соседней. Слов-то, правда, не разберешь, а так, эти... — она сделала неопределенный жест рукой, — интонации-прокламации.

— И из-за этого вы решили, что он больше не появится?

— Не только. Уже поздно вечером гляжу, машина к дому подъезжает.

— Какая машина?

— Какая-какая — легковая! Думал, грузовик, что ль?

— А модель?

— А они у меня все на одну модель! И хахаль из машины выходит и шмыг в дом. А я думаю, чего это тебе, заразе, там надо? Выхожу со своей половины, аккуратноенько подхожу к окнам — а они низенько так, заглядываю, а он, смотрю, все вверх дном в комнате перевернул. Ищет чего-то. Ну, думаю, зараза ты заразная, девку свою до больницы довел да еще и обворовать задумала?!.. Хотела ему в окно постучать, а потом решила, не моего это ума-разума дело.

— Как его зовут, вы не знаете?

— А меня с ним никто и не знакомил! Я в чужую жизнь не лезу. С кем хошь — с тем живи. Что хошь — то и пей. А не хошь пить — по вене пускай. Во! Каждый живет в меру своей... этой... как ее?..

Она вопросительно посмотрела на Дворецкого.

— Испорченности, — подсказал Юра.

5

Чем больше Дворецкий пытался разобраться в этом деле, тем меньше и меньше что-либо понимал. Получилось нагромождение разрозненных фактов. Или, наоборот, все слишком стройно и гладко?

Он вернулся в отдел, заварил крепкий кофе, закурил и решил подвести хоть какие-то итоги.

Четыре трупа. Убиты из одного пистолета. Не исключено, что одним и тем же человеком. Трупы поджигали. Как там сказала медсестра из реанимации — очищение огнем? Если это на самом деле так, то убийства носят какой-то ритуальный характер. Хуже нет, чем иметь дело с какими-нибудь религиозными фанатами.

В деле фигурируют четыре человека — два парня и две девушки. Так сказал старичок. Но так ли это на самом деле? Может, их гораздо больше?

Два парня — это Баранчев и Сизов? Допустим.

Сизову нужны деньги на лечение невесты. Хорошо. У Зубра и Шлема они их забрали. Судя по всему, много. Кочетову убили как свидетельницу. Боялись, что она расскажет, что с Зубром и Шлемом поехали девчонки.

Сизов позволил убить жену брата? Или просто не знал об этом, а ее застрелил Баранчев? Или кто-то из девчонок? А пистолет у них один на всех?!

Так-так-так-так. Дворецкий затянулся. И Шлема с Зубром убивает кто-то из девчонок. Они же ехали на заднем сиденье. Они и заставили их заехать в лес. Как? Под дулом пистолета. Они и сцепили их наручниками. Чтoб не разбежались в разные стороны. Выстрелили. А бензин принес тот, кто ехал сзади на машине. Подожгли и уехали.

У палатки стояла «Нива». У Баранчева тоже «Нива». Это может быть простым совпадением. А может и не быть.

Стоп! А почему никто не заинтересовался, где маши-

на Баранчеве? Может, она спокойно стоит у него в гараже, а мы тут копыа ломаем?!

Дворецкий позвонил матери Баранчеве и через несколько минут уже имел информацию о том, что она даже не знает, где ее сын держит машину. Может, на какой-нибудь стоянке. А может, снимает гараж. Она никогда не интересовалась.

Нормально... У богатых свои причуды.

Ладно. Идем дальше. Предположим, что так оно все и было: Сизов, Баранчев и две девчонки — одна из них Сидорова? — выследили Шлема с Зубром, грабанули их, убили и трупы подожгли. А может, это никакой не ритуал, а просто заметание огнем следов? Допустим. Потом кто-то из них убивает Кочетову и тоже замечает следы. А потом убивают Сидорову. Но ее-то зачем? Или она, как и Кочетова, стала представлять для них опасность? Почему она боялась, что ее и в больнице достанут и убьют?

Секундочку! Соседка-алкоголичка сказала, что она ругалась с хахалем. Может, у девчонки не выдержали нервы и она решила пойти в милицию с повинной? Черт их поймет, этих наркоманов! Кто знает, что им может взбрести в голову? Полная непредсказуемость психики...

Ладно, она стала для них опасной, и ее решили убрать. Логично? Вполне.

И что мы имеем? А имеем мы троих преступников, спокойно расхаживающих по городу. Даже если считать, что двоих из них — Сизова и Баранчеве — мы знаем, легче не становится.

Где их искать-то? Или ждать новых трупов?

Стоп-стоп-стоп! Деньги Сизов добывал не просто так, а для невесты. Значит, каким-то образом он должен ей передать. Но где гарантия, что как только он появится, она сообщит в редакцию Николаеву?! Да нет такой гарантии. И быть не может. Она — детдомовская. Сизов — детдомовский, их ничто здесь не держит. С деньгами — с большими деньгами! — они могут уехать в любой город, сделать себе любые документы и спокойно жить до самой старости. И никто их никогда не найдет!..

А может, уже и уехали?

И что мы тогда имеем? А имеем мы единственную зацепку — записку Баранчеве матери. Неужели он сам придет за деньгами?..

Дворецкий резко встал и прошелся по кабинету.

Нет, это не единственная зацепка! Можно еще и по-другому попытаться вытащить их на свет Божий! Как миленькие засуеются! Ведь именно этого они больше всего боятся!

Юра накинул куртку и быстро спустился к машине. «Будем ловить на живца!» — Он подмигнул себе в зеркало и направился в редакцию городского радио.

6

Первое сообщение прозвучало на волнах УКВ-станции «Радио нашего города» в информационном блоке в шестнадцать часов тридцать минут.

«Кровавая трагедия разыгралась минувшей ночью в

наркологическом стационаре. Неизвестный проник в палату, где находилась молодая пациентка, имя и фамилия которой мы вам, по понятным причинам, сообщить не можем, и выстрелил в нее из пистолета. К счастью, оба выстрела оказались не смертельными. А своевременно оказанная помощь и интенсивное лечение позволяют надеяться, что жертва, в настоящее время находящаяся в отделении реанимации этой же больницы, уже завтра сможет дать первые показания. По оперативным данным, она состоит в одной из городских преступных группировок и подозревается в совершении нескольких тяжких преступлений».

Начальник отдела убавил громкость приемника и повернулся к Дворецкому:

— Неужели ты думаешь, что они опять сунутся в больницу?

— У них выбора нет. Если они хотели ее убрать, значит, она на самом деле много знала, и они боялись, что эта информация может попасть к нам. Поэтому постарайтесь довести дело до конца.

— А вероятность, что они слушают радио?

— Это уже другой вопрос... Но, думаю, хоть кто-то из них да услышит. Или дома, или в машине... Я попросил главного редактора, и это сообщение будут передавать каждые полчаса. Это во-первых. А во-вторых, и у нас выбор небольшой. Для начала попытаемся использовать этот шанс, а дальше будем ждать, кто придет на встречу с Баранчевею.

— В больнице все предупреждены? Если эти парни хоть немного соображают, то могут просто-напросто позвонить и узнать. И тогда ваш план сразу рухнет...

— Сейчас там находятся Гладышев с Семеновым. Они взяли телефоны с определителем номера — поставят в приемном отделении и реанимации. И сами останутся дежурить до вечера...

— В ночь кто поедет?

— Я и Петренко. Возьмем еще усиление из управления. Человека три, думаю, хватит...

7

В комнате их было трое — два парня и девушка.

— Я тебе еще раз говорю — этого не может быть! — Парень в потертых джинсах и свитере, надетом на голое тело, заерзал на диване. — Ты мне не веришь?

— Верил. До сегодняшней ночи. — Второй был почти на голову выше его и гораздо шире в плечах. Неожиданно жестким голосом он спросил: — Бабу свою пожалел?

— Я...

— Молчи! Думал, я ничего не узнаю?

— Да я...

— Молчи, тебе сказал! А она бы нас не пожалела! Все бы выложила! Чуть бы на нее надавили, пару деньков без ширева подержали, и все бы как миленькая рассказала. Ты этого хочешь?

— Ну чего ты на самом-то деле?!

ЗАПОЗДАЛОЕ ПРИЗНАНИЕ

— Чего? А «скорую» зачем вызывал? Жалко стало? Лучше бы она дома от передозировки очоурилась! И все! И с тебя взятки гладки! Ты и при деньгах, и без обузы!

Парень тяжело вздохнул и начал убежденно говорить:

— Я тебе клянусь, не может этого быть! Я же видел, куда стреляю. Что я, совсем, что ли, без глаз?

— А я что — без ушей? Что, я не слышал, как передали, что она жива осталась? И уже завтра — слышишь, завтра! — сможет дать первые показания! Ты этого хочешь? И еще — слушай сюда! — сказали, что она состоит в преступной группировке. Откуда они это могли узнать? — Парень замотал головой. — Не знаешь? А я знаю! Значит, она уже успела им что-то рассказать! Или кому-то в палате!

— Что она, совсем, что ли, дура?!

— Умная бы трепаться не стала!.. — Он совершенно спокойным голосом спросил: — Ну и что ты собираешься теперь делать?

— А что делать? Исправлять положение. Вот и все дела...

— Ну смотри... — И ледяным тоном продолжил: — Тебе жить, — затем добавил: — Или умирать...

8

Дворецкий уже начал сомневаться в целесообразности своей затеи. Часы показывали начало четвертого ночи. Он прохаживался по коридору реанимации, и его фигура в белом халате отражалась в стеклянных стенах пустых реанимационных палат — всех больных до утра предусмотрительно перевели в соседнее отделение. Царила полная тишина и покойствие.

Единственное, что показалось Дворецкому подозрительным, — дневной телефонный звонок. Звонил мужчина, представился корреспондентом городского телевидения, сказал, что слышал информацию по радио, и спросил, можно ли у потерпевшей взять интервью и снять о ней маленький сюжет. Проинструктированная медсестра ответила, что, конечно, можно, но только не раньше чем завтра. Гладышев сидел рядом и увидел, что на определителе номера ничего не высветилось. Получалось, звонили с уличного автомата. Что было очень странным для работника телевидения.

... Первым его заметил сержант из группы усиления. Он нажал на кнопку переговорного устройства и тихо сказал:

— К запасному входу со стороны Центрального проспекта подходит парень.

— Один? — сразу поинтересовался Дворецкий.

— Один, — эхом отозвался сержант. И добавил: — Следую за ним.

По запасной лестнице парень поднялся на третий этаж, аккуратно открыл дверь и выглянул в коридор реанимации.

Горело дежурное освещение и настольная лампа на посту медсестры. Самой ее за столом не было.

Парень проскользнул в дверь и через стеклянные стены начал быстро осматривать просторные одноместные палаты. Первая — никого. Вторая — никого. Он переместился к третьей. Есть! На кровати около окна кто-то лежал, накрытый одеялом. Рядом стояли две подставки под капельницы, и к больному тянулись тонкие трубочки. В изголовье мигал какой-то прибор.

Парень открыл дверь и вошел в палату. Дежурного освещения из коридора было явно недостаточно, чтобы рассмотреть лежащего. Парень сделал несколько шагов и замер. Ему показалось, что по коридору кто-то идет. Взгляд заметался по комнате. Прятаться! Но куда?..

Шаги затихли. Он прислушался. Да, тихо. А может, показалось?

Он сделал еще один шаг и только хотел сунуть руку во внутренний карман куртки, как лежащий на кровати резко откинул одеяло, парень увидел направленный на него пистолет и услышал громкий окрик: «Не двигаться!». В тот же момент он почувствовал, что летит на пол и кто-то больно заламывает ему руки. Через секунду его с уже защелкнутыми наручниками перевернули на спину, и в палате вспыхнул яркий свет.

Рядом стояли трое. Один быстро наклонился, обсыпал его и достал из внутреннего кармана шприц, наполненный мутноватой жидкостью. На иголку был надет защитный колпачок. Больше при парне ничего не оказалось.

Дворецкий удивленно его рассматривал — ни на Сизова, ни на Баранчевева парень совсем не был похож.

— Ну и кто ты у нас такой? — Юра присел на корточки.

— Да я... это... к Маринке шел...

— В четыре ночи?

— Ну она же это... Не может...

— Что — не может?

— Жить...

— Жить не может? — удивился Дворецкий.

— Ну да! Без «дури».

— Ага, и ты ей, значит, решил жизнь облегчить. Так? Парень кивнул.

— И что там у тебя в шприце?

— Героин. Маринка на него уже плотно подседа.

— А откуда ты узнал, что она в реанимации?

— Так по радио же передали!

— Что Марина Сидорова лежит в реанимации?

— Нет, сказали, что ее ранили и отправили в реанимацию.

— Ее? А откуда ты знаешь, что именно Марину Сидорову ранили? А не кого-нибудь другого? Там же фамилии никто не называл.

Парень потупился.

— Не ты ли ее ранил, а? — давил Дворецкий. — Вот сейчас мы тебя в управление отвезем, отпечаточки снимем и сравним со вчерашними. С теми, что в палате ты

вчера оставил. И «дурь» твою на экспертизу отдадим. Сдается мне, что этой дозой можно и слона на тот свет отправить. Так? А Мариночка твоя как чувствовала, что вы захотите ее добить. Попросила перевести ее в другую больницу. А вы думали, что реанимация только в этой есть? Просчитались, голубчики. — Дворецкий поднялся. — А напарник твой с девчонкой где? Ждут на хате?

По испуганному взгляду парня Юра понял, что попал в цель.

— Какой напарник?

— Ну как какой? Мариночка твоя была с нами очень откровенна, после того как ты ей две пули в легкие засобачил.

— Никому я ничего не засобачивал! Я к Маринке шел... Ну нес я ей ширево, ну и что?!

— Что? Хранение, распространение, вовлечение в употребление... Еще перечислять? Лет на восемь одного только этого хватит!

— Я люблю ее, понимаете, люблю! И я не могу смотреть, как она мучается!

— Ты слезу из нас не вышибай! Не вышибешь! — Дворецкий повернулся к Петренку. — Володь, а чего мы с ним здесь цацкаемся? Поехали в управление. — Он снова нагнулся к парню, расстегнул кнопку на рукаве куртки, закатал свитер и увидел исколотые вены. — Э-э, брат, недолго тебе герою оставаться. Пару суток в одиночке, и ты все нам расскажешь. Как миленький...

Ему помогли встать. Вышли на запасную лестницу. Первым шел Петренко, за ним парень, следом милиционер из группы усиления. Дворецкий направился к дежурному врачу сказать, что засада снимается.

Когда до площадки между вторым и третьим этажами осталось несколько ступенек, парень резко остановился. Петренко, не замечая этого, по инерции сделал несколько шагов и повернул направо.

— Чего встал-то?! — Милиционер слегка толкнул его в спину.

Парень, словно ожидая этого толчка и видя, что путь к окну свободен, разбежался, подпрыгнул и, разбив большой стекло, вылетел на улицу.

... Он лежал в нескольких метрах от входа с неестественно повернутой разбитой головой. Было видно, что шейные позвонки сломаны. Из затылка сочилась кровь.

Подбежавший Дворецкий только и протянул, покачав головой:

— Блин, тоже мне профессор Плейшнер...

9

Дворецкий оказался прав — в шприце, который изъяти у парня, находилась такая концентрация героина, что смерть была бы неминуема.

Но от этого легче не становилось. Появление никому не известного парня перепутало все карты.

Кто он? Какое имеет отношение к убийству Шлема, Зубра и Кочетовой? Или он один из тех, кто сидел в «Ниве»? А как же тогда Сизов и Баранчев?

А может, его просто подслали, чтобы вколоть смертельную дозу Сидоровой? И больше он ни в чем не замешан?

Стоп! Раз он так испугался, что решил покончить жизнь самоубийством, то он явно лицо не постороннее. Но кто он? Сколько времени пройдет, пока его опознают. Хорошо, если родственники сразу хватятся и заявят в милицию о его исчезновении. А если хватятся не сразу? А если он живет один? А если...

«Черт! — Дворецкий несильно стукнул ребром ладони по столу. — Была хоть какая-то система, и та развалилась! Неужели все начинать сначала?»

Может, хоть от записки Баранчева будет толк?..

Глава десятая

1

В операции по задержанию лица или лиц, которые должны подойти к Баранчеве в тамбуре электрички, было задействовано пять человек: Дворецкий, Гладышев, Семенов, Петренко и Татьяна Ветрова — старший лейтенант из городского отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

Выбор на нее пал не случайно. Во-первых, однозначно нужен был человек, который находился бы в тамбуре рядом с Баранчеве. Для экстренной подстраховки женщины. Во-вторых, этот человек не должен вызывать никакого подозрения у преступников. А какие подозрения может вызвать девушка ростом метр пятьдесят два, которой на вид больше восемнадцати лет никто не дает?! В-третьих, и это являлось определяющим при выборе кандидатуры, Татьяна Ветрова была мастером спорта по самбо.

Баранчеве ничего о проводимой операции не сказали.

Нужно было, чтобы она вела себя максимально естественно.

2

За полчаса до отправления электрички на привокзальной площади остановилась «Нива».

— Хорошо все помнишь?

— Лучше не бывает!

— Повтори!

— Присматриваюсь к обстановке в вагоне, если все нормально, после первой остановки вступаю с ней в контакт, показываю записку, забираю деньги, прохожу в первый вагон и на «Строительной» выхожу. Ты меня там уже ждешь. Так?

— Так, так.

— А если денег у нее не окажется? Сумма-то крупная!

— Если, если... Не каржай! Ты плохо знаешь материнскую любовь!

— Да уж откуда мне ее знать-то?!

— Ладно, не заводись! Если денег не окажется, то выходите вместе. Скажешь, что Альберт там ждет. Тогда уж я с ней сам разберусь... Но это на самый крайний случай!

ЗАПОЗДАЛОЕ ПРИЗНАНИЕ

3

Баранчеева появилась за десять минут до отправления электрички. Она была в длинном кожаном пальто, сапожках на высоком каблуке и красивой платке, повязанном вокруг шеи. На правом плече у нее висела сумочка.

Дворецкий прикинул, пятьдесят тысяч долларов — это пять пачек, если по сотне. В сумочке запросто поместятся.

Бред какой-то! С суммой, которая для кого-то целое состояние, разъезжать по ночам на электричке. Для кого-то, но только не для Баранчеевой! Поговаривали, что один только особняк в элитном коттеджном городке вместе с отделкой и мебелью ей обошелся в полмиллиона долларов. С ума сойти!..

Было заметно, что Баранчеева сильно волнуется. Она открыла сумочку, достала пачку сигарет, зажигалку и закурила. Сигареты убрала обратно в сумочку, зажигалку сунула в карман. Потом вытащила ее и тоже убрала в сумочку. Посмотрела на часы.

Женский голос из динамика объявил следующую остановку.

Двери с шипением закрылись, электричка дернулась и стала плавно набирать скорость.

Народу в вагоне было немного. Две молодые парочки на соседних сиденьях в дальнем от Баранчеевой конце вагона. Мужичок работающего вида с чем-то длинным и тяжелым, завернутым в брезент. Старушка с двумя сумками, которые Гладышев помог ей занести в вагон, и за это она села напротив него с тайной надеждой, что и вынести их он ей тоже поможет. Женщина лет пятидесяти с двумя маленькими детьми. Симпатичная молоденькая девчушка в джинсовой курточке.

Ни Сизова, ни тем более Баранчеева, в вагоне не было.

Из всех пассажиров наиболее подозрительным Дворецкому показался тип, зашедший в вагон перед самым отправлением и занявший второе от тамбура место, с которого Баранчеева была хорошо видна, высокий, широкоплечий, с массивной нижней челюстью и перебитым боксерским носом. При его появлении Семенов и Петренко переглянулись. Они сидели почти напротив этого мужика на крайних к тамбуру местах.

Из противоположного тамбура вышла Татьяна Ветрова и направилась к Баранчеевой. На ней были высокие со шнуровкой ботинки на толстой подошве, узкие черные джинсы, короткая кожаная курточка, из-под которой торчал пестрый свитер. На голове козырьком назад была надета кожаная кепочка с большим круглым значком.

Татьяна отодвинула левую створку двери и прошла в тамбур. Баранчеева покосилась на нее, выкинула сигарету и поправила на плече сумочку.

До следующей остановки ехать было минут пять. Если не считать типа с перебитым носом, никого подозрительного в вагоне не было.

«А может, тот или те, кого мы ждем, войдут на этой остановке? — подумал Дворецкий. — Никто же не говорил, что они должны обязательно ехать с конечной!»

Электричка замедлила ход. Баранчеева отошла в другую сторону тамбура. Теперь Семенову и Петренко стало ее не видно.

На остановке в вагон никто не вошел. В последний момент, прежде чем закрылись двери, у Дворецкого мелькнула мысль, что Баранчееву вполне могли позвать с платформы. И она бы сошла. И что тогда делать?

Электричка снова стала набирать ход.

Девчонка в джинсовой курточке достала сигарету, сунула ее в рот и прошла в тамбур.

4

— Вам привет от Альберта.

— Он жив?

— Жив-здоров.

— Где он?

— В надежном месте. Просил не беспокоиться. Вы выполнили его просьбу?

— Когда я смогу его увидеть?

— Очень скоро. Он вам сообщит. Деньги при вас?

— А откуда я могу знать, что вы...

— Читайте!

Людмила Станиславовна развернула записку.

«Мама, передай деньги этому человеку. У меня все нормально. Люблю-люблю-люблю. Твой Альберт».

У Баранчеевой внезапно потемнело в глазах, закружилась голова, сердце забилося где-то в горле, ноги стали ватными, и она начала медленно сползать по стенке.

Тип с перебитым носом, заметив, что Баранчеева стала падать, рванул в тамбур и попытался схватить девчонку в джинсовой курточке. Но она проворно вывернулась, со всей силы ногами саданула ему по лицу, метнулась к дверям в вагон, но, получив подсечку, уже через мгновение лежала на грязном полу, а Татьяна Ветрова сидела на ней и, заломив руки за спину, застегивала наручники.

В тамбур ворвались Дворецкий и Петренко. У обоих в руках уже были пистолеты.

— Лицом к стене! — заорал Юра и направил оружие на типа с перебитым носом.

Петренко наклонился к Баранчеевой.

— Жива...

У дверей тамбура со стороны вагона встал Гладышев.

— Не волнуйтесь, граждане, милиция! Ситуация под контролем!

Электричка стала замедлять ход перед остановкой.

5

Он не мог поверить, что его кинули. Все что угодно, но только не это!

Нет, нет, нет!

Он — да, кинет кого угодно и когда угодно. Но его?

И главное, кто — девчонка, соплячка, наркоманка.

Та, которую он поднял с самого дна жизни. Вытащил из такой грязи, что страшно подумать, что бы с ней стало через два-три года. Та, которую он одевал, обувал, кормил, в конце концов! Которая жила за ним как за каменной стеной. Та, которую он любил, ради которой спланировал убийство двух безмозглых ублюдков. А ведь от них-то и потянулась вся эта кровавая цепочка.

И она его предала. Предала!

Стоп! А не рано ли я завожусь?! Почему это я решил, что она меня кинула? Может, она была вынуждена проехать эту остановку. Или выйти раньше. Обстоятельства же разные бывают!

Где твоя хваленая выдержка? Что ты психуешь, как вокзальная проститутка, которой попользовались и не заплатили?! Надо не психовать, а думать, где ее искать!

А чего искать-то? Надо ждать! Ждать, когда она объявится. Куда она от него денется-то?!

Черт, надо было все-таки садиться вместе с ней в элтричку! Но что теперь об этом думать?!

Все, домой...

6

Баранчеева быстро пришла в себя и объяснила свой обморок прочитанным троекратным «люблю» — материнскому сердцу в этом послышался троекратный крик сына о помощи.

Тип с перебитым носом, которому расцарапанное лицо придавало еще более бандитский вид, оказался охранником из возглавляемой Баранчеевой фирмы. С собой его она взяла для подстраховки.

Людмила Станиславовна порывалась поехать в управление и лично допросить «эту мерзавку», но Дворецкий доходчиво объяснил, что ее присутствие только помешает быстрому получению необходимой информации, заметив, что «у мужчин свои секреты». Она понятиливо закивала и только слезно попросила сообщить ей любые сведения о сыне.

7

Первые показания девчонка начала давать сразу, как только ее привезли в управление, усадили на стул посередине комнаты и включили все какие только можно лампочки — наркоманы не любят яркого света.

Девчонка была сильно испугана, и до предела расширенные зрачки ее слезящихся глаз придавали ей вид маленького затравленного зверька.

Дворецкий и Петренко сидели напротив нее и видели, что девчонку начинает потихонечку ломать. Сначала ее руки, потом шея и лицо стали покрываться гусяиной кожей, она постоянно зевала, чихала и сморкалась в маленький грязный платочек, который достала из кармана курточки.

Она вытерла нос и, переведя взгляд с Дворецкого на Петренко, спросила:

— Меня посадят в тюрьму?

— А ты как сама думаешь?

— Меня не за что сажать в тюрьму! — с напором произнесла она. — Честное слово! Я только выполняла то, что приказывал Сильвестр...

— Сталлоне? — усмехнулся Дворецкий.

— Что — «сталлоне»?

— Сильвестр, говорю. Сталлоне?

— Нет, вы что?! Селиверстов! Игорь Селиверстов. Вы не знаете такого?

— Мы много чего знаем! — многозначительно ответил Дворецкий.

— Я никого не убивала! Это все он!

— И кого же он убил?

— Шлема с Зубром. А потом и Кочетову.

— А Сидорову?

— Нет, ее застрелил Дорофеев. — Девчонка внезапно замолчала, словно налетела на невидимую преграду. После минутной паузы она с трудом выдавила из себя: — Так он ее все же добил? Она умерла?

— Нет, она жива. И его мы задержали, когда он шел к ней в больницу. Так что в твоих интересах говорить только правду. Они оба — и Сидорова, и Дорофеев — уже дали нам свои показания. Если ты будешь пытаться нас обмануть...

— Нет, нет, что вы!

— Баранчеев жив?

— Да, да, конечно. Сильвестр сказал, что он нужен живым, пока от матери не получили деньги.

— Сизов с ним?

Девчонка закивала:

— Это я уговорила Сильвестра его не убивать! Он же наш, Сизов, детдомовский. Я его сразу узнала, хотя он моложе меня на два года. Я сказала Сильвестру, что он не проболтается, ни за что не проболтается. А Сильвестр говорит, нам свидетели не нужны. А я...

— Постой, так это Сизов привел к вам Баранчеева?

Лицо девушки вытянулось:

— Да вы что! С чего бы это вдруг?.. — И на секунду задумавшись: — А вам разве Маринка этого не рассказывала?

Дворецкий откинулся на спинку стула:

— Почему же?! Мы все уже знаем. Просто мы тебя проверяем. Вдруг ты захочешь нас обмануть и подставить Сидорову и Дорофеева?

— Я никого не собираюсь подставлять!

— А вот поэтому, голуба, рассказывай нам все и по порядку. И с самого начала. И только честно.

— А вы меня точно не посадите в тюрьму?

— Мы в тюрьму не сажаем. В тюрьму сажает суд. А вот информацию для суда предоставляем мы. Поэтому в твоих интересах от нас ничего не скрывать, нам не врать и не пытаться себя выгораживать. Ты не забывай, что все полученные от тебя сведения мы будем сравнивать и выяснять, кто нас обманывает — ты или Сидорова с Дорофеевым. — Дворецкий достал пачку сигарет и протянул девчонке. — Хотя имей в виду: Сидоровой обману-

ЗАПОЗДАЛОЕ ПРИЗНАНИЕ

вать и кого-то выгораживать нет смысла. Она уже две пули от вас получила.

Девчонка взяла сигарету, благодарно закивала, прикурила от протянутой зажигалки и глубоко затянулась. Дворецкий вытащил из кармана давно уже работающий диктофон и поставил на край стола, направив микрофоном к девчонке.

— Давай начинай. Я, такая-то, такая-то, хочу сообщить... Ну и так далее.

Девушка еще раз глубоко затянулась, вопросительно посмотрела, куда можно стряхивать пепел — Дворецкий протянул ей жестянку из-под пива. — и заговорила:

— Я, Екатерина Морозова, хочу сообщить... — Она задумалась. — А можно я по-другому начну?

— Конечно, Катя, как тебе будет удобнее.

— Все началось с того, что я Сильвестру проговорила... Нет, тоже как-то не так... Можно еще сигаретку?

Дворецкий протянул пачку. Она прикурила от своего окурка.

— Я, Екатерина Морозова, познакомилась с Игорем Селиверстовым где-то год назад. Ну и получилось у нас что-то типа любви. Я к нему переехала, и мы стали жить вместе.

— Адрес?

— Молодежная, семьдесят пять, квартира три.

Петренко быстро записал.

— У меня была подружка — Марина Сидорова, тоже детдомовская, а у нее друг — Дима Дорофеев, из наших же. И я их пригласила на какой-то праздник к нам с Сильвестром в гости... Мы все тогда уже баловались наркотой, покуривали, но еще не кололись. А в тот день Сильвестр нам первый раз и предложил. Бесплатно. Ну и понеслось — поехали. У него-то «дури» всегда было навалом. И стал он Маринку с Димкой снабжать. И как-то, может, месяц назад, точно не помню, едем мы с ним на машине...

— Марка, номер?

— «Нива», М345ВК... А навстречу на своей «девятной» Шлем с Зубром. Я под кайфом была, возьми да и скажи Сильвестру, что эти два ублюдка три года назад, когда я еще в школе училась, изнасиловали нас с подружкой... — Она задумалась. — Если уж быть до конца честной, то все было немного не так. Мы с подружкой с ними познакомилась... Ну, то есть они нас «сняли», обещали заплатить, отвезли на хату, а там еще трое было. В общем, никаких денег мы от них не получили. И решили отомстить. Подали заявление в милицию — мол, так и так, затащили нас в квартиру и изнасиловали... Дуры были... Нашли с кем связываться... Ничего путного у нас не вышло. Они отмазались. Нашли кучу свидетелей. И нас еще потом долго грязью поливали. Угрожали. Подружка не выдержала и руки на себя наложила... Все это я Сильвестру и рассказала. Он взбесился. Говорит, не жильцы они больше! Он же сумасшедший, Сильвестр-то. Когда я поняла это, было уже поздно. У него давно уже в мозгах витали мысли о какой-то новой жизни. Мол, мы ее заслужили, как никто другой. Мы даже имена себе новые придумали

для этой жизни... — Морозова стряхнула пепел. — В общем, недели две он чего-то вынюхивал, выспрашивал, и у него созрел план. Он сказал, что мы не только им отомстим, но еще и кучу денег заработаем. Только, говорит, нужны мне помощники. А мы тогда сидели вместе с Маринкой и Димкой, под балдой были, ну и сразу «за»...

— А что, ни Шлем, ни Зубр тебя не узнали, когда вы с Сидоровой к ним в машину сядились?

— Я парик рыжий нацепила и так лицо намалевала, что даже Сильвестр удивился! Шлем, правда, вроде как чего-то заподозрил, спросил еще, не была ли я раньше блондинкой... Но он уже выпивши был основательно, я сказала, что никогда никакой блондинкой не была... Им было уже все равно — две девки понравились и поехали с ними гулять!

— А как же они согласились в такую глухомань-то ехать?

— А у них никто согласия не спрашивал! Нам Сильвестр дал по газовому пистолету, мы стволы к их бошкам приставили, вот они и поехали, куда им приказали. Они думали, что пистолеты настоящие.

— И наручники тоже Сильвестр дал?

— Конечно. Он все продумал. Говорит, вдруг на ходу выпрыгнуть захотят.

— Стрелял кто?

— Я же вам уже говорила — Сильвестр!

— А бензином обливал и поджигал?

— Обливал Димка, а поджигал Сильвестр. Он назвал это очищением огнем. Он сказал, что так нас будут сильнее бояться.

— И в эту же ночь он расправился с Кочетовой?

— Вообще-то он хотел, чтобы Кочетову застрелил Димка. Он сказал, что мы все должны быть повязаны кровью. Но Димка, как увидел горящих Шлема с Зубром, прямо на обратном пути вколол себе такую дозу, что ни о какой Кочетовой и речи идти не могло. Нам с Маринкой тоже было хреново, всю машину облевали.

— И Сильвестр сам решил ее убить?

— А куда ему было деваться?! Он не хотел оставлять никаких свидетелей. Он боялся, что к утру Шлема с Зубром начнут искать, станут объезжать палатки, и Кочетова им про нас расскажет. Она же Маринку знала, хотела на работу к себе брать...

— А зачем понадобилось убирать Сидорову?

— Маринка совсем съехала. Собиралась от нас уезжать. Димка ее уговаривал не маяться дурью, но она ни в какую. Он испугался, что она может всех нас заложить.

— Дорофеев планировал ее убить, когда вкалывал ей в доме большую дозу?

— Вот этого я не знаю! Честно! Я знаю только, что он сам вызвал для нее «скорую». Может, пожалел в последний момент?..

— И в ту же ночь решил застрелить ее в больнице?

— Это его Сильвестр накрутил! Сказал, если он ее не убьет, то он сперва убьет его самого, а потом и Маринку! Димка очень боялся Сильвестра! Когда Сильвестр начал с ним серьезно разговаривать, то он становился как

кролик перед удавом. Он во всем его слушался. Как за- гипнотизированный...

— А кто придумал Сидоровой и в больнице вколоть смертельную дозу?

— Сильвестр. Он Димке сказал: если тебя вдруг стукают, скажешь, что очень ее любишь, что она жить не может без дозы и что ты пришел ей помочь...

Дворецкий поднялся со стула и прошелся по комнате.

— Пока, Катенька, похоже, ты говоришь правду. По крайней мере, многое совпадает с тем, что рассказали нам Сидорова и Дорофеев. А вот когда они нам про Баранчеву с Сизовым рассказывали, то очень многого мы просто не поняли. Какой-то сплошной туман. Один говорит так, другой по-другому... — Юра недоуменно развел руками. — Ерунда какая-то получается!

— Конечно, ерунда! Они же почти ничего про них не знают! Сильвестр старался им ничего про них не говорить. Так, вокруг да около.

— Так ты тогда нам расскажи!

— А чего тут особо рассказывать-то?! Это была давняя идея Сильвестра — сорвать хорошие бабки и смотаться. Он все только думал — как? А тут как-то приезжает и говорит, что есть одна денежная бабенка, а у нее сын — курсант в военном училище. И сын у нее один. И любит она его больше жизни. А сын — так себе. Хлюпик. Только корчит из себя крутого... Вот бы этого сына спрятать и выкуп затребовать. Говорит, она за него хоть все отдаст! А нам-то всего и не надо... Ну вот. Сильвестр много чего разузнал о нем — что это за кадр, на каком курсе учится, когда в город выходит. Даже узнал нескольких девчонок, с которыми он трахается...

— Это существенно? — улыбнулся Дворецкий.

Морозова кивнула:

— А вокруг этого Сильвестр и построил свой план. Баранчев оказался первокурсником, а увольнения у них только по выходным. Вот мы в субботу после обеда и подъехали к училищу. Сильвестр пошел на КПП, позвонил к ним на курс, и ему сказали, что он сегодня пойдет в увольнение. Мы ждем. Глядим, идут — Баранчев этот, а с ним Сизов. Я его сразу признала. Я вылезла из машины и позвала Альберта. А Сизов стоит в сторонке, ждет. Алик, говорю, и как тебе не стыдно! А он — чего такое? А я — ну как чего? Наташка-то, говорю, Андрейченко залетела от тебя! Да не может быть! — это он мне отвечает. Может, говорю, еще как может, третий месяц у нее! А сама смотрю — парень-то заволновался! Заглотил, значит, наживку-то. И, главное, спрашивает у меня — а чего теперь делать? Ну, думаю, теперь ты наш! Чего, чего — ехать надо к ней! Она, говорю, аборт собралась делать, и ей деньги нужны. И шепчу ему, как будто по секрету — мол, Наташка сказала, если денег не дашь — скандал подниму и все Лизке Петраковой выложу! А Лизка эта как Сильвестр выяснил основная его подружка, и якобы у них все серьезно. Он испугался и спрашивает — а откуда она про Лизку-то узнала? Откуда-откуда, говорю, ты чего, баб

не знаешь, что ли?! — Морозова вопросительно посмотрела на Дворецкого. — Вот и все. Поехал он с нами.

— А Сизов?

— А чего Сизов? И Сизов поехал. Алик его позвал, сказал, что надо до одного местечка доехать, а потом, говорит, и твой вопрос решать будем. И еще у Сильвестра спросил, подбросит ли он их потом до центра? Сильвестр ответил, что хоть на край света...

— И куда вы их повезли?

— На Луговую.

— Номер дома?

— Двадцать семь. Там у Сильвестра какой-то дядька-алкоголик в частном доме живет. Он за бутылку хоть черта за паузой пригреет.

— И Альберт не удивился, что везете его незнамо куда?

— Удивился. Но я сказала, что Наташка сейчас у бабушки. Бойтся родителям на глаза показываться.

— И что же было потом?

— А чего потом-то? Вошли с Баранчевым в дом. Сизов на улице остался. Сказал, здесь подожду... Сильвестр Баранчеву по башке шарахнул и укол ему сделал, пока тот в отключке был.

— Что за укол?

— Героин.

— Круто... — покачал головой Петренко.

— А дальше... — Морозова вздохнула. — Дальше и Сизова позвали. Сказали, иди кофейку выпей. Он и вошел на кухню. Ну и то же самое. Сильвестр с дядькой их связали, оттащили в сарай и бросили в погреб. И Сильвестр их несколько дней на игле держал...

— И героин все время колот?

— Вот этого я не знаю. — Она пожала плечами. — Наверное...

Дворецкий повернулся к Петренко:

— Здорово придумано — несколько дней держишь человека на героине, а потом из него веревки можно вить. Он за очередную дозу делает для тебя все, что угодно. — Юра покачал головой. — Бедные парни... — Он выбил из пачки еще одну сигарету и протянул девушке. — Кать, а где вы с Сильвестром должны были встретиться?

— Когда?

— После встречи с Баранчевой.

— Я должна была выйти на Строительной.

Дворецкий прикинул, что это третья остановка от города. Они все вышли на второй. А если бы доехали до следующей? Спутнули бы Сильвестра, и лови потом втра в чистом поле...

— А как ты думаешь, где он сейчас тебя ждет?

— Дома, наверное...

Поехали на двух машинах — на первой, отдельской «шестерке», Дворецкий, Петренко, Гладышев и Морозова, сзади — группа захвата на «уазике».

ЗАПОЗДАЛОЕ ПРИЗНАНИЕ

Семенов с дежурной группой направился на Луговую освобождать курсантов.

План Дворецкого был прост: вместе с Морозовой они поднимаются в квартиру к Селиверстову, она звонит — ключа у нее с собой не было, — он открывает, а дальше дело техники.

В машине Дворецкий заметил, что ей становится все хуже и хуже. Она покрылась липким потом, красные, воспаленные глаза приобрели сумасшедший блеск, она курила одну сигарету за другой, и под конец почти полу-часовой езды ее начало подташнивать.

Дворецкий молил Бога, чтобы она продержалась еще немного. Он отдавал себе отчет, что задержать Сильвестра с ее помощью будет гораздо проще.

Хотя кто его знает, что у этих наркоманов на уме? Один тоже вначале вел себя спокойно, а потом взял и выбросился в окно. Полная непредсказуемость...

Юра повернулся и посмотрел на Морозову, сидящую на заднем сиденье между Петренко и Гладышевым. Она наклонила голову и сплевывала себе под ноги.

Неожиданно она спросила:

— Так эта сучка все-таки проболталась?

— Кто? — не понял Дворецкий.

— Баранчеева.

— О чем?

— О том, что сынок ей встречу в электричке назначил.

— Так она же мать. Она за сына переживает...

И ее прорвало:

— А у меня нет матери! Нет! И никто за меня не переживает! Я никому не нужна! Сдохну где-нибудь под забором, и никто не заплачет... Плохо мне, понимаете, плохо! И мать меня не пожалеет, не погладит по головке, не спросит, как же ты, дочка, до такой жизни докатилась! Слушайте, дайте уколоться!

— Ну ты придумала!

— Ну дайте! — жалобно протянула она.

— Где ж мы тебе возьмем?

— Ну у вас же есть в конторе! Вы же отбираете! Давайте вернемся! — И с нажимом: — Ну что вам жалко? Одну дозочку! Малюсенькую...

«Шестерка» затормозила напротив длинного дома.

— У Сильвестра дома доза есть?

— А что? — насторожилась она.

— А то, чем быстрее мы к нему попадем, тем быстрее у тебя будет доза.

— Врете вы все... — еле слышно пробормотала Морозова.

9

Она стояла напротив двери, обитой темно-коричневым дерматином. Глазка не было. С обеих сторон от двери замерли с автоматами наготове ребята из группы захвата. В бронежилетах и массивных шлемах со стеклянным забралом они напоминали героев фантастических боевиков.

Дворецкий кивком показал Морозовой, чтобы позволила. Она никак не отреагировала. Тогда он сам протянул руку и вдавил кнопку. Все замерли.

Почти сразу же, словно человек стоял за дверью и ждал звонка, раздался грубоватый мужской голос:

— Это ты, детка?

— Я, Гарик! — ответила она чуть дрогнувшим голосом.

— Ну где ты так долго болталась?!

И только Дворецкий успел подумать, что последнюю фразу Сильвестр произнес как-то очень по-домашнему, словно заботливый муж, уставший ждать задержавшуюся у подружки жену, как Морозова истошным криком вспорола тишину спящего подъезда:

— Гарик, беги, менты!..

Глава одиннадцатая

— И она как заорет: «Гарик, беги, менты!»... Представляете?

Дворецкий откинулся в кресле, отхлебнул кофе и выжидающе посмотрел сперва на меня, потом на Мишина, наслаждаясь произведенным эффектом. Я слишком хорошо знал своего друга — без театральщины он обойтись никак не мог — поэтому, чтобы не затягивать паузу, кивнул:

— Ну и?

— А чего «ну и»? Нашим ребятам из группы захвата палец в рот не клади. Ты хоть написал бы про них, что ли!

— Обязательно, Юр, напишу. Сегодня же! Дальше-то что?

— А дальше один из них отталкивает Морозову в сторону, второй стреляет в замок, а третий вышибает дверь. И уже через секунду Сильвестр лежит на полу и прокликает тот день, когда появился на этот свет... Вот тебе и все дочки-матери до копейки, как говорит одна моя знакомая мать-героиня.

— Юр, а курсанты как?

— Ничего, жить будут... Их в училище, в лазарет сразу отвезли. У ребят полное истощение. И нервное, и физическое. — Дворецкий закурил. — Вы представляете, что значит судьба?! Это надо же было Сизову именно на тот день договориться идти с Баранчеевым снимать деньги с кредитной карточки! Он же ему накануне обещал дать тысячу долларов взаймы на лечение невесты...

— А я утром на КПП встретил Людмилу Станиславовну и повел ее к сыну. Знаете, что первое сказал Баранчеев, когда ее увидел? — Мишин не стал делать никакой паузы. — «Мама, я только сейчас понял, как я тебя люблю!»

Александр ВЫРВИЧ

Хотя часы показывали лишь четверть пятого, на улице уже стемнело. Сергей вспомнил, что время в этом городе отличается от московского на час, но переводить стрелки не стал. По подземному переходу он вышел к автобусной остановке на привокзальной площади. После небольшого ожидания, успев все-таки продрогнуть, Сергей вошел через переднюю дверь в тепло подошедшего автобуса. Лишь когда автобус мягко тронулся, он обратил внимание на его красный номер. По всей видимости, это был экспресс, без остановок идущий до конечной точки маршрута.

— Ваш автобус довезет меня до...? — Сергей назвал кондуктору улицу, указанную в санаторной путевке.

— Да, но мы там не останавливаемся. Вам надо было сесть в «короткий» автобус. А вы приезжий?

— В санаторий приехал. Где же теперь выходить?

Женщина-кондуктор постучала водителю, отгороженному стеклом от салона.

— Притормози у санатория, у нас приезжий.

Ехали минут тридцать. Наконец автобус притормозил и, высадив Сергея, умчался в темноту.

К санаторию вела темная заснеженная улица. Узкая и извилистая, она петляла, спускаясь, видимо, к реке. По сторонам дороги за высокими сугробами тянулся деревянный

забор, за которым среди заснеженных деревьев угадывались двух-трехэтажные коттеджи.

Было очень скользко и темно. Только где-то далеко впереди угадывалось светлое пятно санатория.

Иногда мимо проезжали машины, заставляя Сергея балансоваться и прижиматься к забору. Голосовать он не хотел, помнил свои ощущения от езды на автомобиле ночью. Голосующий на обочине человек, выхваченный светом фар, всегда вызывал у Сергея настороженность и чувство тревоги.

И вообще, он никуда не опаздывал. Сумка с вещами была нетяжелой. Так почему бы спокойно не прогуляться тихим зимним вечером? Дорога шла вниз, и идти поначалу было легко. Ветер сюда не залетал, да и мороз вроде отпустил.

Сергей вдруг вспомнил день в начале весны много лет назад, когда он, ученик восьмого класса средней школы, направлялся в соседнее село к автобусу до райцентра. Только там, в районной больнице, можно было подлечить зубы перед медкомиссией в суворовское училище. Надо было отмахать семь километров. Он уже вышел на окраину, когда увидел впереди отъехавший от фермы грузовик. Машина явно направлялась в соседнее село.

— Эй! — закричал Сергей, замахал рукой и побежал следом. — Стойте! Возьмите меня!

В открытом кузове сидели несколько мужчин и женщин. И они наверняка видели его. Но грузовик прибавил ходу, быстро удалялся и вскоре окончательно скрылся за клубами пыли.

Сергей остановился, несколько раз зло крикнул вдогонку. Затем, сплунув с досады, продолжил путь.

«Ладно, обойдемся», — обиженно подумал он.

Знакомая дорога уже подводила к лесу, когда его догнал спешивший в город молоковоз. Поравнявшись с Сергеем, машина остановилась.

— Залезай, пацан! — распахнул дверцу водитель.

Минут через десять они выехали на шоссе у автобусной остановки, прибавили скорость. Вдруг машина резко качнулась, было слышно, как в цистерне за кабиной плеснуло молоко.

Сергей увидел метрах в тридцати от дороги лежащий вверх колесами грузовик. Именно за ним он и бежал на выезде из села.

Впереди на шоссе стоял автобус. Его пассажиры заканчивали грузить пострадавших из перевернувшегося автомобиля.

Позже Сергей узнал, что у грузовика отказало рулевое управление. Никто не погиб, но покалечились здорово. Жизнь им спасли мешки с зерном, попавшие между землей и бортом.

С течением времени Сергей все реже вспоминал этот случай, задавая всегда один и тот же вопрос: «А что бы стало со мной, сядь я в ту машину?»

...Через полкилометра ходьбы по скользкой дороге оказалось, что сумка не такая уж и легкая. Через километр Сергей пожалел, что не стал дожидаться рейсового автобуса, который неторопливо проехал мимо него. Автобус успел развернуться и проехать назад, когда он наконец подошел к освещенным воротам санатория.

Вскоре Сергей уже был в приемном отделении, откуда его отправили в четвертый спальный корпус. Дежурная сестра определила его на последний этаж в 701-ю комнату. Комната пустовала. Это обрадовало Сергея. Он давно мечтал не просто побыть, а именно пожить один. Без соседей, знакомых и незнакомых лиц вокруг, без знакомств, распросов и воспоминаний. Пока все шло хорошо.

Приняв горячий душ, он оделся и вышел на балкон.

Небо было чистым и звездным. Прямо за деревьями виднелись огоньки большого ночного города, светился полукруг луны. Справа большой белой лентой не столько просматривалась, сколько угадывалась замерзшая, покрытая снегом река.

Здание санатория, видимо, недавно ремонтировалось, и на балконе еще лежал строительный мусор.

Сергей подошел к краю балкона и взялся за перила.

Вокруг было тихо. И вдруг он ощутил какое-то беспокойство, холодок внутри. Что-то было не так, но что именно, Сергей понять не мог.

Глубоко вдохнув свежий морозный воздух, он вернулся в комнату, разделся и лег спать. Спал беспокойно, несколь-

ко раз просыпался. Под утро ему приснилось, что его батальон окружил какую-то банду в селе. Но бандиты, прикрывшись женщинами и детьми, стали оттягиваться к лесу. Стрелять было нельзя, и банда безнаказанно уходила.

После командировок в горячие точки, особенно после последних шести месяцев, проведенных на Северном Кавказе, ему часто стали сниться подобные сны. И в этот отпуск он решил не ехать ни к родителям, ни на турбазу, как обычно, а съездить в санаторий. Даже жена не стала отговаривать:

— Езжай, хоть нервы подлечишь.

С утра началась обычная санаторная жизнь. Врачи, лечебные процедуры. Кормили как на убой, и после обеда неудержимо клонило в сон.

В комнате было тепло, даже душно. Сергей приоткрыл форточку, задернул шторы и в спортивном костюме лег поверх покрывала.

Проснулся он от птичьего щебетания. Открыв глаза, увидел, как по столу весело скачут две синички.

— А вас кто сюда приглашал? — спросил Сергей.

Синицы на мгновение замерли, переглянулись и одна за другой перелетели на штору, затем, пошуршав там и добравшись до форточки, выпорхнули на улицу.

Сергей потянулся, встал и лишь тогда заметил, что около второй кровати стоит пузатый портфель. Его владельца в номере не было, но все равно было ясно, что одиночество закончилось.

Сергей спустился на первый этаж и, проходя мимо комнаты дежурной сестры, увидел через стеклянную дверь знакомый профиль. Этого человека Сергей узнал бы и в тысячной толпе. Перед сестрой сидел не кто иной, как Краев, старый приятель еще по Карабаху.

Долгое время они вместе служили в одном полку, потом в одной дивизии. Их дороги шли рядом, то и дело перекрещиваясь в Нагорном Карабахе, Южной Осетии, Чечне.

Сергей хорошо помнил то раннее утро на исходе ночи, когда две роты из батальона, которым командовал Юрий Краев, двинулись занимать господствующую высоту на южной окраине города, чтобы окончательно замкнуть кольцо окружения.

Когда спецназовцы и полковые разведчики зачистили подступы к высоте, наверх поднялась пехота, а затем, пока боевики не поняли, в чем дело, двинулись танки и БМП. Наверх вела единственная дорога, петляющая по склону. БМП комбата была в голове колонны вслед за танком с минным тралом. Следом шла БМП, в которой с командиром полка находился и Сергей.

Когда колонна преодолела половину пути и дорога стала круче, раздался взрыв. Это впереди идущий танк своим тралом зацепил мину. Колонна, сбросив скорость, продолжала движение. И через несколько минут раздался второй взрыв.

Сергей увидел, как БМП перед ними не то чтобы подпрыгнула, а как бы качнулась, сперва влево, а затем, когда ударная волна от взрыва мины хлестнула Сергея по ушам.

— вправо. Мина разорвалась прямо под первым катком правой гусеницы. Краева, находившегося в командирском люке, буквально выбросило, и он упал на броню в кормовой части машины.

То ли это была «итальянка» (мина, взрывающаяся после того как по ней проедут несколько машин), то ли механик-водитель ушел со следа, оставляемого минным трапом. Подорванная БМП восстановлению не подлежала. А Краев через полчаса, когда боевики пошли на штурм высоты, уже руководил боем. Более суток продолжались атаки «духов», но батальон свою задачу выполнил, высоту удержал.

А через неделю на склоне этой же высоты Юрий Краев подорвался еще раз. На этот раз он ехал на грузовике ГАЗ-66. Правое переднее колесо, над которым сидел комбат, зацепило край мины, не задев взрыватель. Он сработал под задним колесом. Шансов выжить у сидевшего в кузове солдата не было. А Юрий отделался контузией и остался в строю.

Сейчас эти взрывы, а точнее, их последствия, по-видимому, догнали бывшего комбата, а теперь командира полка.

— Юра, ты что тут делаешь? Здорово!

— О, Серега! Привет! Наверное, то же, что и ты. Собираюсь отдохнуть.

Они обнялись.

— У меня свободный номер. Давай ко мне селись.

— Как это свободный? — спросила дежурная. — Я же к вам только что поселила мужчину.

— Какого мужчину? Мы же вместе должны быть. — Сергей указал на товарища. — И новый постоялец даже кровать еще не застелил, только портфель и оставил. Какая ему разница, где он будет жить?

— Нет, нет. Так нельзя. К тому же он очень просил поселить его с хорошим человеком. Я долго выбирала. Вы ему подходите.

— Ладно, — сказал Краев. — Раз я не могу подселиться к своему другу, то дайте мне номер, чтобы он поселился у меня.

— Не могу я никого переселять! У нас это не принято, — не сдавалась дежурная сестра.

— Девушка, вы поймите, мы все равно будем жить в одном номере. Если это решаете не вы, то разрешит начальник санатория. Вы считаете, что его стоит беспокоить по такому пустяковому вопросу?

— Ладно, — вздохнула медсестра, — у меня на кардиограмме лежит ваш новый сосед, договаривайтесь с ним сами.

Она прошла в кабинет напротив и вскоре вернулась с высоким пожилым мужчиной в очках и в форменной рубашке старого образца.

— Извините, — начал Сергей, — Вас определили ко мне в 701-ю комнату. Но только что приехал мой боевой товарищ. Не могли бы вы, пока еще не разместились, перейти в другой номер?

Ветеран тут же насутился, сжал губы в нитку и застегнул ворот рубашки.

— Вам нужно, вы и переходите, — отчеканил он, повернулся и пошел к лифту.

На какое-то мгновение у столика дежурной сестры установилась неприятная напряженная тишина. Простая, на первый взгляд, задача почему-то не разрешалась.

Его друг начал что-то доказывать сестре, постепенно повышая голос. Сергей его не слушал. Он как бы отстранился от этого спора, поняв, что решение вопроса находится не здесь. Но уверенность, что проблема разрешится буквально через несколько минут, не покидала его.

В разгар спора в комнату вошла высокая женщина, на ходу застегивая пальто.

— Светлана, как у вас дела? — спросила она дежурную.

— Дела у нас пока что плохие, — тут же вмешался Сергей. — Вы представляете, нас, сослуживцев, двух боевых офицеров, не хотят поселить вместе.

— Света, в чем проблема? Только ремонт кончили — номеров хватает. Посели их вместе... — женщина немного помедлила, глядя на схему на столике дежурной, — ...в 607-й номер. Он же у нас свободный.

— Хорошо, — тут же согласилась дежурная и, обратившись к Сергею, сказала:

— Вы только свое белье захватите, а новое из 607-го перенесите в старый номер.

Все это было сказано простым будничным голосом, как будто и не было только что здесь горячего спора.

Одержав победу над бюрократизмом, они получили ключ от комнаты на шестом этаже.

Сергей потихоньку перенес свои вещи. Конечно, можно было не спеша собрать их и перенести за один раз, но Сергею почему-то не хотелось долго оставаться в номере. Все это время новый жилец молча с победным видом сидел за столом, ясно показывая, что в обиду себя не даст.

Когда в напряженной тишине Сергей напоследок собрал простыни и вышел в коридор, сказав в дверях: «До свидания», он почувствовал облегчение, словно до этого брел по колену в воде, а тут вышел на берег.

За переездом и размещением незаметно подошло время ужина. Когда Юрий Юрьевич надел рубашку и, поправляя воротник, подошел к зеркалу, Сергей рассмеялся.

— Ты чего? — спросил Юрий.

— Сейчас увидишь.

Сергей вынул из шкафа одну из своих рубашек, надел, подошел к зеркалу и стал рядом. Теперь уже они рассмеялись оба, глядя на свои отражения в одинаковых рубашках из бордовой джинсовой ткани.

Так и пошли в столовую.

— Вы, наверное, братья? Так похожи... — заметила официантка в столовой.

— Да, — не стал разубеждать ее Сергей, — кровные.

После ужина они прогулялись по территории. Снег без ветра падал прямо, ровно и медленно. Подошли к киоску.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

— Возьмем бутылочку красного? — предложил Юрий.
— Не помешает после Чернобыля. Мне в госпитале двадцать снимков сделали. Чтоб рентгены из организма вымывались, полезно пить или сок с мякотью, или вино.

— У вас есть хорошее вино? — поинтересовался Юрий у продавщицы.

— Пока никто не жаловался, — пожала плечами та. — Вот «Советское шампанское», «Изабелла», «Лидия».

— Советского шампанского не бывает, — не согласился Сергей. — Настоящее шампанское есть только во Франции.

— А мы пьем, и нам нравится, — обиделась продавщица.

Прельстившись красочной этикеткой с надписью «Молдова», взяли «Изабеллу». Когда позже в номере без штопора протолкнули внутрь пробку, разлили и сделали по глотку, оказалось, что «Молдовой» тут и не пахнет. Разбавили суррогат минералкой и с трудом допили.

Перед сном Юрий вышел на балкон покурить. Через несколько минут вернулся.

— Снег так и валит. Да, оказывается, у нас на балконе дыра, — сказал он. — Не хочешь посмотреть?

— Не хочу. Как самочувствие после этой «Изабеллы»?

— Жить буду.

— Поддельное вино, глупо как-то подышать от бурды, если мины тебя не берут, пули тоже...

— Смотри как бы твой полк тебя не доконал.

— От него и отдыхаю. Ладно, давай посмотрим, как спится на новом месте.

Сергей лег и попытался расслабиться. Сон не шел. В голове крутились обрывки прошедшего дня. Вспомнилось, как на занятиях лечебной физкультурой после шведской стенки они лежали, восстанавливая дыхание, а инструктор, невысокая черноволосая молодая женщина с очень ладной фигурой, проводила с ними аутогенную тренировку:

— Закройте глаза, расслабьтесь и повторяйте за мной: «тело мое расслаблено, дыхание ровное...»

В группе было несколько женщин, и она произнесла:

— Я теплая и расслабленная.

В конце занятия Сергей сказал ей:

— Мне очень понравилась ваша тренировка. Я теперь перед сном всегда буду повторять: «Я теплая и расслабленная».

— Так я же имела в виду женщин. Это формула для них.

— Не знаю, не знаю...

Сергей прислушался. Уже не гудел лифт. С этажа выше доносилась музыка, но вскоре умолкла и она. Еще раньше в соседнем номере сон сморил двух ветеранов. Они долго и громко обсуждали штурм Берлина в 1945-м, используя далеко не литературный язык. Стало тихо. Но сон по-прежнему не приходил. Расслабиться не удавалось из-за ощущения давящего холодка внизу живота. Такое ощущение у него однажды уже было на Кавказе. Но то была война.

Они вместе с командиром полка на БМП выдвигались

во главе колонны к господствующей высоте. Морские пехотинцы уже заняли ее, чтобы обеспечить ввод в бой мотострелков. Колонна шла по шоссе в сплошном утреннем тумане. Обычно все сидят наверху, на броне. Так быстрее заметишь опасность, да и в случае подрыва на mine шансов уцелеть больше. А тут так получилось, что Сергей остался внутри — «вел» карту, принимал доклады по рации. Люк над ним был открыт, и в нем сидел начальник связи полка, его грязные сапоги так и норовили зацепить Сергея.

В какой-то момент на душе стало тревожно. Такой же холодок, пощипывая, пробежал по телу.

Перехватило дыхание, Сергей понял, что внутри машины находиться больше не может. Он, вытолкнув полкового связиста, высунулся из люка по грудь, плотнул свежего воздуха.

В этот момент их БМП стала объезжать загородившую шоссе, подорванную ночью машину морпехов. Механик-водитель направил БМП на обочину и двинул по неглубокому кювету. Командир полка механику-водителю поступал по шлемофону и махнул рукой назад на дорогу. БМП резко остановилась и, развернувшись почти на месте, выехала на шоссе. В это время танк с минным тралом, двигающийся им навстречу, сполз с дороги и пошел по кювету. Как только он подошел к месту, перед которым БМП повернула на шоссе, трал подпрыгнул от разрыва мины.

Сергей редко вспоминал этот случай, как и войну вообще. Но опять же это было на войне. А почему так тревожно сейчас, ночью, в санатории? Наверно, все-таки нервы...

«Я теплая и расслабленная...» — засыпая, улыбнулся он.

Сергей проснулся внезапно, словно от толчка. Ему показалось, что здание санатория на мгновение пошатнулось.

— Юра, ты слышал? — шепотом спросил он.

Сосед безмятежно спал. Сергей прислушался. Заработал и несколько раз проехал мимо их этажа лифт. Слышны были встревоженные голоса. Кто-то пробежал по коридору.

Сергей встал, в темноте нашел и надел спортивный костюм и вышел в коридор.

Все было тихо. Он поднялся этажом выше. В конце коридора дежурная сестра запирала ключом дверь 701-го номера.

— Что случилось?

— Инфаркт у постояльца... Уже увезли. Но вообще-то вовремя вы съехали, рухнул балкон этого номера.

— А внизу?

— Да оттуда еще вчера выехали. Так что только стекла повывлетали.

Сестра закрыла дверь и ушла. Вскоре перестали хлопотать и в нижнем, 601-м номере.

Сергей вернулся к себе, лег на кровать и, как только голова его коснулась подушки, мгновенно уснул.

Родом с военной кафедры

Как известно, офицерами становятся и после гражданских вузов, пройдя обучение на военной кафедре. Ну а призванные на службу вчерашние лейтенанты запаса достают свои конспекты, чтобы вспомнить полученные на гражданке военные знания и заодно своих преподавателей в погонах.

☺ — А если военнотружущий кого-нибудь убил, то ему в части будет уголовная ответственность или строгий выговор!

☺ — Использование кавалерии против танков: «Зимой бойцы одеты в маскхалаты, кони одеты в маскхалаты. По команде «Ложись!» конь залегает в

☺ — Товарищи студенты, не бойтесь работать с источниками радиации. Это вполне безопасно. Вот, например, некоторые офицеры-морьяки безвылазно по 3-4 года на атомных подводных лодках сидят, а в это время их жены рожают совершенно здоровых детей!

☺ — Если вы пользуетесь шпаргалками на обычном экзамене, это еще ничего. А если на секретном, то

Евгений ГУСЕВ

КАРЬЕРИСТ

Вдали от шумного народа,
Вступая с летним ветром
в спор,
На велике катил комвзвода,
Как говорят, во весь опор.

Из-за куста на повороте
Вдруг вырос милиционер.
Он лейтенанту крикнул вроде:
— Сбавь обороты!
Там — карьер!

Но мимо милиционера
Промчался велосипедист...
Когда достали из карьера,
Спросили:
— Вы не карьерист?

САПОГИ

ВСМЯТКУ

сугроб. Подъезжает танк. Боец бросает бутылку с зажигательной смесью. Танк горит. Боец достает шашку. В этот момент из люка появляется первая голова... Бац!.. И голова засунулась. И так несколько раз...»

☺ — В Сибири лыжи снашивают, как комнатные тапочки.

☺ — В качестве противозенитного маневра используется змейка, по вашему — синусоида.

☺ — Есть неуправляемые ракеты, то есть они неуправляемые, но управляемые, и они вот так летают.

☺ — Да, народ во всем виноват, а в народе — студенты, потому что интеллигенция! Вот кто в царя бомбы метал?

☺ — Как будущие офицеры вы должны знать: когда самолет падает, он обычно разбивается.

☺ — Наша кафедра закупила ЭВМ. Теперь офицерами кафедры планируются до 500 тысяч стратегических операций в секунду.

вам будет в три раза хуже, если вас поймут, потому что шпаргалки по секретным предметам нельзя выносить из аудитории.

☺ — Как это вас без студенческого на кафедру пустили? Вот сегодня какой бой был! Студент, весь из себя такой небритый, аки кабан надутый, прорваться пытался. Ан нет, мальчонка такой, черноглазый, с дедушкой — сталинским соколом скрутили его!

☺ — Думать будете на занятиях по высшей математике или дома, а здесь думать не надо.

☺ — Первые десанты сбрасывали прямо с крыльев. Летят, держась за специальные кольца, по команде "пошел" отпускают, по одному валяются вниз, чтобы плоскость не накренило, а то посыпятся все. Вот вас сейчас на крыло — сразу кричать начнете, что студент-отличник, что так не надо! Или из бомболюка, ну тут понятно — створки открылись — никуда не денешься!

☺ — Курсант! Крепи свою морально-политическую готовность к предстоящему лагерному сроку!

МУДРЫЙ СОВЕТ

Пожарный явно был в ударе,
Всех поразило его рассказ:
— Вчера, ребята, на пожаре
Я тещу собственную спас!

Тут командир пожарной части
Сказал коллеге своему:
— Пожар, конечно же, несчастье.
Но... торопиться ни к чему!

В ИТК

Говорил майор в апреле:
— Я прошу простить меня —
Вы случайно отсидели
В зоне больше на два дня.

Отвечает эск: — Прощаю,
Понимаю — совесть, честь...
Но когда вернусь к вам в мае,
Эти дни прошу учесть!

В АМЕРИКАНСКОЙ ТЮРЬМЕ

— Не боисься ли, приятель,
Что буквально через год,
— Впрошает надзиратель, —
От тебя жена уйдет?

Заклоченный отвечает:
— Не боюсь! Во-первых, Смит.
Кэт души во мне не чаёт,
Во-вторых, сама сидит.

САТИРА И ЮМОР

Уже под вечер в дверь заглянул дежурный по части.

— Разрешите, товарищ майор? Тут к вам учительница какая-то рвется.

Следом, отталкивая дежурного, в кабинет уже протискивалась пожилая полная дама.

— Вот! — шлепнула она на стол зеленую ученическую тетрадку. — Полюбуйтесь. Сочинение вашей дочери.

Написанное размашистым дет-

ду держать, пока у них, что-нибудь не отвалится. Чтоб знали, что у меня сегодня плохое настроение.

А дома у меня солдаты будут помогать клеить обои, красить балкон, делать антресоли и двигать мебель. Еще они будут сидеть с моим ребенком, когда я поеду в командировку. А возле дома будут сажать для меня картошку и собирать с нее колорадского жука веником, а я буду на балконе курить и газету читать.

А еще они будут за увольнения приносить мне разные вкусные ве-

— И это в третьем классе! — горестно произнесла учительница и поджала губы. — Товарищ командир, неужели все, что написал ваш ребенок, — правда?

— Нет, конечно, — быстро ответил я...

Дома я первым делом загнал эту засранку веником под диван, а она оттуда заныла:

— Папа, ты чо, ты же сам все это говорил!

— Ты бы еще написала, как я комбрига называю! Все, к черту, поедешь к бабушке, чтобы я тебя больше не видел! Надо ж так отца осрамить! Зараза ты.

— А зачем тогда говорил?

Я задумался и сел на диван, отложив веник.

— Хм, ну говорил, просто, понимаешь... иногда в жизни... в общем, значит, бывает всякое. Жизнь — это компромисс между тем, что видишь — и тем, что пишешь или говоришь на собраниях.

Дочка поняла, что наказывать ее, кажется, не будут, вылезла из-под дивана и села рядом.

— А компромисс — это, значит, неправда?

— Компромисс — это когда что-то правда, а что-то нет, и все к этому привыкли или согласны. Понимаешь?

— Не понимаю, — честно ответила дочка.

— Как вашу учительницу зовут? — вздохнул я.

— Алла Дмитриевна.

— Давай сделаем Алле Дмитриевне приятное и напишем, что ты хочешь стать учителем начальных классов.

— Я не хочу быть учителем начальных классов, — надула губы она.

— Ты действительно хочешь стать офицером? — обнял я ее за плечи.

Дочка молчала, опустив голову, и водила носком тапка по ковру.

— Напиши, доча, пусть это будет наш маленький компромисс, а я тебя тогда на стрельбы возьму.

Она вскочила и радостно закивала головой.

В общем, написали мы новое сочинение про то, что дочка спит и видит себя учителем начальных классов. Поставили нам тройка.

Мария ТЕЛКОВА

Компромисс

ским почерком сочинение заняло одну страничку.

«Кем я хочу стать, когда вырасту.

Когда я вырасту, я мечтаю стать офицером. Лучше командиром части или его замом по тылу. Или комбатом. Потому что это очень интересно, и все у меня тогда будет.

Я смогу говорить все, что захочу, и все будут меня слушать, даже если я буду рассказывать о том, что у меня люмбаго. Я смогу приказывать что-нибудь сделать, и мне все будут подчиняться. Скажу, чтобы солдат лег и отжался 50 раз, он и сделает. А если будет животом на пол ложиться, я ему еще 50 раз! Чтоб знал. И никто умничать не будет, потому что все меня будут бояться. А еще построю всех на плацу в сильный мороз и бу-

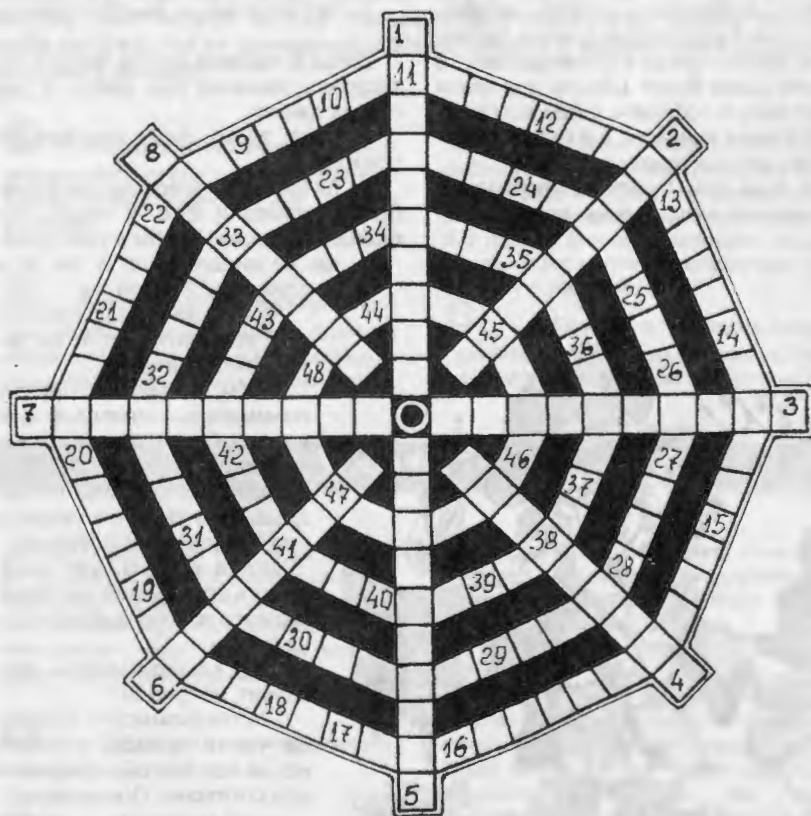
ски, например курицу и шпроты, и писать для меня конспекты.

И даже военные тетки на службе меня тоже будут бояться. Если у нас будет какой-нибудь праздник, я их заставлю накрывать на стол и делать дома «оливье». А кто откажется, влеплю взыскание.

Мне совсем ничего не надо будет делать самой, потому что все за меня сделают. Я буду только телевизор смотреть, бумажки всякие писать и рассказывать бойцам про ядерную войну. А если придет проверяющий, я ему «полянью» накрою, и он отвяжется.

В общем, быть офицером очень хорошо, и я обязательно им стану, вот только не знаю, берут ли в военное училище девочек».

КРОССВОРД СПОРТИВНЫЙ

По лучам к центру: 1. Городошная фигура. 2. Ход в шахматах. 3. Прыжок в воду с вращением тела вокруг поперечной оси на 180 градусов. 4. Метод лечения дозированной ходьбой по специальному маршруту. 5. Единоборство с помощью холодного оружия. 6. Преждевременный старт бегуна или гонщика. 7. Установление права команды на начало соревнования (игры). 8. Велосипедная шоссейная групповая гонка по улицам города.

По окружности: 9. Нижний прямой парус в яхте. 10. Помещение для стрельбы в цель. 11. Упражнение в тяжелой атлетике. 12. Ледяная площадка для катания на коньках. 13. Гонки по пересеченной местности с препятствиями. 14. В гимнастике: положение спортсмена с опорой на вытянутые руки. 15. Вид ручного

единоборства. 16. Часть партии в теннисе. 17. Поражение в шахматной игре. 18. Специальный ковер для соревнований по дзюдо. 19. Чистая победа в борьбе дзюдо. 20. Большая рыболовная сеть. 21. Легкоатлетический снаряд для метания. 22. Круговое движение гимнас-

та над снарядом. 23. Государство в Африке, участник всех Олимпийских игр с 1912 г. (кроме 1932 и 1976 гг.). 24. Спортивный костюм гимнаста. 25. В римской мифологии божество смерти. 26. Герой Олимпиады в Мельбурне в 1956 г., завоевавший две золотые медали в беге на 5000 и 10000 м. 27. Вид искусства, включающий акробатику, эквилибристику, клоунаду и т.д. 28. Один из элементов гимнастических упражнений на кольцах. 29. Веревка, стягивающая концы лука. 30. Первая буква греческого алфавита. 31. Спортсмен с разносторонней физической подготовкой. 32. В гимнастике: прыжок назад с поворотом кругом и сальто вперед. 33. В борьбе: прикосновение лопаток к земле (ковру) как момент поражения. 34. Бег лошади, а также упражнения по выезде верховой лошади. 35. Президент ФИФА в 1961—1974 гг. 36. Бег на определенное расстояние. 37. Материальный носитель наследственности. 38. Самая длинная река в мире. 39. Вечнозеленое дерево, из листьев которого делают венок — символ победы. 40. Одно из требований, предъявляемых к баскетболисту. 41. Большая сеть в форме мешка для ловли рыбы. 42. Американский спортсмен, лучший в мире спринтер. 43. День недели. 44. Спортивное сооружение для вело- и мотогонки. 45. Площадка для игры в теннис. 46. Спортивные соревнования, состоящие из серии встреч, матчей. 47. Лучший волейболист СССР в 50-е годы. 48. Мяч, вышедший за боковую линию при игре в футбол.

Составил Евгений КУЛИКОВ

Ответы на кроссворд, опубликованный в № 9

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Атака. 5. Запал. 8. Маршал. 9. Биплан. 11. Карабин. 14. Ахилл. 15. Новик. 18. Рота. 19. Тыл. 21. Каре. 22. Ярмо. 23. Уния. 24. Ужас. 26. Люк. 28. Ромм. 29. Стенд. 31. Конев. 32. Сергеев. 33. Мичман. 35. Бензин. 36. Наган. 37. «Война».

ПО ВЕРТИКАЛИ: 2. Трал. 3. «Крб». 4. Папаха. 5. Завал. 6. Лидин. 7. Ратник. 10. Латы. 11. Клиренс. 12. Новиков. 13. Браун. 14. «Атлас». 16. Камов. 17. Чесма. 19. Тол. 20. Лук. 25. Сталин. 27. Юнга. 28. Редюит. 30. Декан. 31. Келен. 34. НАТО. 35. Баян.

ПОДПИСКА – 2001

Ф. СП-1

Министерство связи РФ
Роспечать

АБОНЕМЕНТ на газету
журнал
На боевом посту

(индекс издания)

Количество комплектов

На 2001 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на газету
журнал

(индекс издания)

ПВ

место

ли-тер

На боевом посту

Сто-
имо-
сть

подписки

руб.

переадресовки

руб.

Количество комплектов

На 2001 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

**Подписка на журнал осуществляется
через агентство «Роспечать»
(по каталогу).**

Индексы:

70610 — для индивидуальной подписки

73175 — для организаций и предприятий

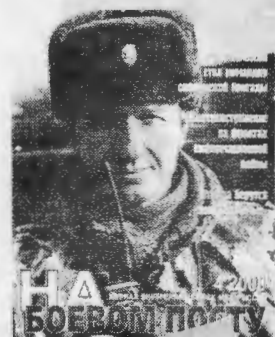
Стоимость подписки:

	70610	73175
1 мес.	25 руб.	30 руб.
3 мес.	75 руб.	90 руб.
6 мес.	150 руб.	180 руб.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины. При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресовки издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах "Роспечати".

Заполнение месячных клеток при переадресовке издания, а также клетки "ПВ-МЕСТО" производится работниками предприятий связи и "Роспечати".

- Подписка на приложение к журналу газету "Ситуация" осуществляется через агентство "Роспечать" (по каталогу).

Индекс 50157

Стоимость подписки: 1 мес. – 7-37 руб., 3 мес. – 22-11 руб., 6 мес. – 44-22 руб.

- Подписка на приложение к журналу сборник учебно-методических материалов "Войсковой вестник" осуществляется через агентство "Роспечать" (по каталогу).

Индекс 73515

Стоимость подписки: 2 мес. – 15-00 руб., 4 мес. – 30-00 руб., 6 мес. – 45-00 руб.

- Подписка через редакцию осуществляется по стоимости коллективных подписчиков.

- Номера предыдущих выпусков вы можете приобрести в редакции.

Справки по тел.: 917-98-07.

ЕВГЕНИЙ ВИНУКUROV

Евгений Михайлович ВИНУКUROV (1925-1993) родился в Бронной в семье профессионального военного. Со школьной скамьи шёл волею вольцем на фронт, воевал на 4-м Украинском до Победы, офицер артиллерист. Он честно исполнил свой долг, и первая поэтическая книга, которую выпустил по окончании Литинститута, не случайно называлась «Стихи о долге».

Творчество Винокурова широко известно не только у нас в стране, но и за рубежом. Его стихи и поэмы выдержали свыше семидесяти изданий на двадцати двух языках народов мира. Он был лауреатом Государственной премии СССР и премии Джавахарлала Неру, членом корреспондентом Парижской академии Малларме.

Он часто возвращался к теме войны, воспоминаниям боевой юности, приезжал в гости к воинам. Выступал и в наших частях. Одна из последних поэтических подборок Винокурова опубликована в сентябрьской книжке журнала «На боевом посту» за 1992 год в канун его очередного дня рождения. Ныне Евгению Михайловичу исполнилось бы 75...

Москвичи

*В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой
Сережка с Малой Бронной
И Витька с Моховой.*

*А где-то в людном мире
Который год подряд
Одни в пустой квартире
Их матери не спят.*

*Свет лампы воспаленной
Пылает над Москвой
В окне на Малой Бронной,
В окне на Моховой.*

*Друзьям не встать. В округе
Без них идет кино.
Девчонки, их подруги,
Все замужем давно.*

*Пылает свод бездонный,
И ночь шумит листвою
Над тихой Малой Бронной,
Над тихой Моховой.*

Универсальное объединение

Высококачественное,
с повышенной износостойкостью
обмундирование

для силовых
и охранных структур

*Благодарственное
Письмо*

Командование Краснознаменного Северо-Кавказского военного округа выражает благодарность Универсальному объединению ВУВ за предоставление военного обмундирования, пользующегося заслуженной славой в СКВО и вносимому значительный вклад в обеспечение качественными вещами формы одежды личного состава округа.

**КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ
КРАСНОЗНАМЕННОГО СЕВЕРО-
КАВКАЗСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА**
генерал - майор **Г. ТРОШЕВ**

16 июня 2006 года.

Рицлин, 344004, г. Рицлин на-Дону,
ул. Завилова 57, тел./факс (863-2) 77-95-73
Универсальное объединение «ВУВ»